

ISSN 2998-8284 (online)
ISSN 2576-9634 (print)

RUSSIAN STUDIES IN LAW & POLITICS

РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. ПРАВО И ПОЛИТИКА

Volume 10, №1
2026

ISSN 2998-8284 (online)

ISSN 2576-9634 (print)

Russian Studies in Law and Politics

Российские исследования. Право и политика

Volume 10, Number 1
2026

Научно-инновационный центр
Красноярск, 2026

12+

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (регистрационный номер от 06.05.2025 серии ЭЛ № ФС 77 - 89429) и Международным центром ISSN (ISSN 2576-9634 (Print), ISSN 2998-8284 (Online)).

Журнал выходит четыре раза в год. Основан в 2017 г.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

**Russian Studies in Law and Politics / Российские исследования.
Право и политика, Volume 10, Number 1, 2026**

Главный редактор:

Большакова Валентина Михайловна, канд. юрид. наук, доцент (Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС, Нижний Новгород, Российская Федерация)

Члены редакционной коллегии:

Manuel Cristian Fircă, Doctor in Law (Крайова, Румыния); **Н.В. Баранов**, д-р полит. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия); **А.В. Виноградов**, д-р полит. наук (Москва, Россия); **Б.Я. Гаврилов**, д-р юрид. наук (Москва, Россия); **Е.В. Гаврилов**, LL.M. (Красноярск, Россия); **С.О. Гаврилов**, д-р истор. наук, канд. юрид. наук, профессор (Кемерово, Россия); **С.Ю. Головина**, д-р юрид. наук (Екатеринбург, Россия); **Г.И. Грибанова**, д-р соц. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия); **А.Ю. Домбровская**, д-р соц. наук (Москва, Россия); **Н.С. Железняк**, д-р юрид. наук (Красноярск, Россия); **Р.В. Зелепукин**, канд. юрид. наук, доцент (Тамбов, Россия); **А.И. Землин**, д-р юрид. наук, канд. филос. наук, профессор (Москва, Россия); **Д.З. Зиядова**, д-р юрид. наук (Махачкала, Россия); **В.И. Исаев**, д-р истор. наук, профессор (Новосибирск, Россия); **А.Н. Кононов**, канд. пед. наук (Новосибирск, Россия); **Р.Т. Мухаев**, д-р полит. наук, профессор (Москва, Россия); **И.В. Радиков**, д-р полит. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия); **Н.Т. Разгельдеев**, д-р юрид. наук (Саратов, Россия); **Р.Х. Усманов**, д-р полит. наук (Астрахань, Россия); **А.А. Утюганов**, д-р психол. наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия); **Л.Г. Фишман**, д-р полит. наук, профессор РАН (Екатеринбург, Россия); **Л.Н. Хасимова**, канд. юрид. наук (Набережные Челны, Россия); **И.В. Холиков**, д-р юрид. наук, профессор (Москва, Россия); **Т.В. Хриенко**, д-р соц. наук, профессор (Симферополь, Россия)

Журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК Минобрнауки РФ, ЕГПНИ-РИНЦ, РЦНИ, Белый список, КиберЛенинка, DOAJ.

Учредитель и издатель:

Научно-инновационный центр

Представитель в США:

3556, S. Jefferson Str, Saint Louis, Missouri, 63118, USA

Представитель в России:

ул. 9Мая, 5/192, Красноярск, Красноярский край, 660127, Российская Федерация

E-mail: editor@lpjournal.ru

www.lpjournal.ru | +7 (995) 080-90-42

Подписано в печать 31.03.2026. Дата выхода в свет 31.03.2026. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 12,96. Тираж 50 экз. Свободная цена. Заказ RSLP101/2026. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская» (ИП Давгуненко А.А. ИНН 344210747590). Адрес типографии: ул. Проезд Добролюбова 3 стр. 2, г. Москва, 127254, Россия

The edition is registered (certificate of registry EL № FS 77 - 89429, 06.05.2025) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2576-9634 (Print), ISSN 2998-8284 (Online)).

The journal is published 4 times per year. Founded in 2017.

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

Russian Studies in Law and Politics, Volume 10, Number 1, 2026

Editor-in-Chief:

Valentina M. Bolshakova, Candidate of Law (Ph.D.), Associate Professor (Nizhny Novgorod Institute of Management - branch of the RANEPa, Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Editorial Board Members:

Manuel Cristian Fircă, Doctor in Law (Craiova, Romania); **Nikolay A. Baranov**, Doctor of Political Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia); **Andrey V. Vinogradov**, Doctor of Political Sciences (Moscow, Russia); **Boris Ya. Gavrilov**, Doctor of Laws (Moscow, Russia); **Evgeny V. Gavrilov**, LL.M. (Krasnoyarsk, Russia); **Stanislav O. Gavrilov**, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law (Ph.D.), Professor (Kemerovo, Russia); **Svetlana Yu. Golovina**, Doctor of Laws (Yekaterinburg, Russia); **Galina I. Gribanova**, Doctor of Sociological Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia); **Anna Yu. Dombrovskaya**, Doctor of Sociological Sciences (Moscow, Russia); **Nikolai S. Zheleznyak**, Doctor of Laws (Krasnoyarsk, Russia); **Roman V. Zelepukin**, Candidate of Law (Ph.D.), Associate Professor (Tambov, Russia); **Alexander I. Zemlin**, Doctor of Laws, Ph.D., Professor (Moscow, Russia); **Dureya Z. Ziyadova**, Doctor of Laws (Makhachkala, Russia); **Viktor I. Isaev**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk, Russia); **Alexey N. Kononov**, Candidate of Pedagogical Sciences (Ph.D.) (Novosibirsk, Russia); **Rashid T. Mukhaev**, Doctor of Political Sciences, Professor (Moscow, Russia); **Ivan V. Radikov**, Doctor of Political Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia); **Nazir T. Razgeldeev**, Doctor of Laws (Saratov, Russia); **Rafik H. Usmanov**, Doctor of Political Sciences (Astrakhan, Russia); **Alexey A. Utyuganov**, Doctor of Psychology, Associate Professor (St. Petersburg, Russia); **Leonid G. Fishman**, Doctor of Political Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia); **Leysan N. Khasimova**, Candidate of Law (Ph.D.) (Naberezhnye Chelny, Russia); **Ivan V. Kholikov**, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia); **Tatiana V. Khrienko**, Doctor of Sociological Sciences, Professor (Simferopol, Russia)

The journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, RISC, RCSI, White List, CyberLeninka, DOAJ.

Founder and Publisher:

Science and Innovation Center Publishing House

Representative in the U.S.:

3556, S. Jefferson Str, Saint Louis, Missouri, 63118, USA

Representative in Russia:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

E-mail: editor@lpjournal.ru

www.lpjournal.ru | +7 (995) 080-90-42

Approved for printing 31.03.2026. Format 60x84/16. Order RSLP101/2026. The Printing House. 3/2, Proezd Dobrolyubova Str., Moscow, 127254 Russia

Публично-правовые науки / Public Law Sciences

Научная статья

Original article

DOI: [10.12731/2576-9634-2026-10-1-252](https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-1-252)

EDN: [BNRVID](https://www.edn.ru/BNRVID)

УДК 347.73

Финансовые технологии как фактор динамики развития финансового права в призме реализации его функций

Ш.Р. Зарипов, Т.Р. Таймасов, Р.Р. Гарифуллин,

И.А. Салимов, Р.У. Зарипов, К.Д. Грезева

*Уфимский университет науки и технологий, Уфа, 450005,
Российская Федерация*

Аннотация

Обоснование. Актуальность исследования заключается в анализе реализации регулятивной и охранительной функций финансового права в рамках активного внедрения различных финансовых технологий как фактора динамики развития финансового права. Игнорирование данного фактора ведет к отставанию финансового права от реалий финансового рынка и создает риски для финансовой стабильности, которое напрямую влияет на развитие участников финансовых отношений, препятствуя стимулированию инноваций в целях социального-экономического развития и обеспечения национальной безопасности России. В данной статье рассматриваются основные **аспекты** влияния финансовых технологий на традиционные финансовые институты, создание правовых возможностей и разработка новых финансовых инструментов, включая блокчейн, цифровые платформы, платежные системы, цифровые активы, искусственный интеллект, большие данные и другие инновации в финансовой сфере.

Цель исследования состоит в определении уровня реализации регулятивной и охранительной функций финансового права в рамках правового регулирования ключевых факторов развития финансового права в условиях цифровой трансформации и их влияния на эффективность финансовых отношений.

Задачами исследования являются определение теоретико-методологических основ анализа функций (регулятивной и охранительной) финансового права как системообразующего фактора его динамики в условиях цифровой трансформации, а также анализ форм реализации функций финансового права при регулировании различных финансовых технологий.

Основным **методам** исследования являются аналитический подход, который позволяет выявить особенности внедрения финансовых технологий в финансовые правоотношения и изучить практическое применение финансовой цифровой трансформации.

Результатом исследования является обоснование реализации функций финансового права как одного из системообразующих факторов (индикаторов) выявления основных направлений преобразования и трансформации финансового права под воздействием финансовых технологий. К формам реализации функций финансового права являются: 1) законодательные и нормотворческие акты; 2) акты высших органов судебной власти; 3) акты мягкого финансового права. Каждая финансовая технология реализуется полностью или частично функциями финансового права в определенных формах, что является одним из системообразующих факторов (индикаторов) динамики развития финансового права и её трансформации. Ключевым **выводом** исследования является важность реализации статической и динамической регулятивных подфункций и охранительную функцию финансового права с целью избежания несоответствия темпам развития финансовых технологий и существующего финансового права, поскольку это создаст правовую неопределенность и будет препятствовать инновациям.

Ключевые слова: функции финансового права; финансовые технологии; финансовое право; цифровизация; инновации; блокчейн; искусственный интеллект; квантовые технологии; большие данные

Для цитирования. Зарипов, Ш. Р., Таймасов, Т. Р., Гарифуллин, Р. Р., Салимов, И. А., Зарипов, Р. У., & Грезева, К. Д. (2026). Финансовые технологии как фактор динамики развития финансового права в призме реализации его функций. *Russian Studies in Law and Politics / Российские исследования. Право и политика*, 10(1), 4-29. <https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-1-252>

Financial technology as a factor in the evolution of financial law in light of the fulfillment of its functions

Sh.R. Zaripov, T.R. Taymasov, R.R. Garifullin,

I.A. Salimov, R.U. Zaripov, K.D. Grezeva

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation

Abstract

Background. The relevance of the research lies in the analysis of the implementation of the regulatory and protective functions of financial law within the framework of the active introduction of various financial technologies as a factor in the dynamics of the development of financial law. Ignoring this factor leads to financial law lagging

behind the realities of the financial market and creates risks for financial stability, which directly affects the development of participants in financial relations, preventing the stimulation of innovation for social and economic development and ensuring national security of Russia. This article examines the main **aspects** of the impact of financial technologies on traditional financial institutions, the creation of legal opportunities and the development of new financial instruments, including blockchain, digital platforms, payment systems, digital assets, artificial intelligence, big data and other innovations in the financial sector.

The **purpose** of the study is to determine the level of implementation of the regulatory and protective functions of financial law within the framework of the legal regulation of key factors in the development of financial law in the context of digital transformation and their impact on the effectiveness of financial relations.

The **objectives** of the study are to determine the theoretical and methodological foundations for analyzing the functions (regulatory and protective) of financial law as a system-forming factor in its dynamics in the context of digital transformation, as well as to analyze the forms of implementation of the functions of financial law in the regulation of various financial technologies.

The main research **methods** are the analytical approach, which allows us to identify the features of the introduction of financial technologies in financial legal relations and to study the practical application of financial digital transformation.

The **result** of the research is the substantiation of the implementation of the functions of financial law as one of the system-forming factors (indicators) for identifying the main directions of transformation and transformation of financial law under the influence of financial technologies. The forms of implementation of financial law functions include: 1) legislative and normative acts; 2) acts of the highest judicial authorities; 3) acts of soft financial law. Each financial technology is implemented in whole or in part by the functions of financial law in certain forms, which is one of the system-forming factors (indicators) of the dynamics of financial law development and its transformation. The key **conclusion** of the study is the importance of implementing static and dynamic regulatory subfunctions and the protective function of financial law in order to avoid inconsistencies between the pace of development of financial technologies and existing financial law, as this will create legal uncertainty and hinder innovation.

Keywords: functions of financial law, financial technologies, financial law, digitalisation, innovation, blockchain, artificial intelligence, quantum technologies, Big data

For citation. Zaripov, Sh. R., Taymasov, T. R., Garifullin, R. R., Salimov, I. A., Zaripov, R. U., & Grezeva, K. D. (2026). Financial technology as a factor in the evolution of financial law in light of the fulfillment of its functions. *Russian Studies in Law and Politics*, 10(1), 4-29. <https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-1-252>

А. А. Ситник раскрывает финансовые технологии в узком и широком понимании: «в узком понимании финансовые технологии – это совокупность инструментов и методов, применяемых исключительно на финансовых рынках, а в широком – технологий, используемых во всех областях, связанных с финансовым регулированием, контролем и надзором» [13, с. 30]. Е. А. Громова отмечает: «Глобальное распространение таких инноваций, как искусственный интеллект, облачные вычисления, суперкомпьютеры, технологии распределенных реестров, нейротехнологии, квантовые технологии и др., является краеугольным камнем формирования государственной политики в области цифровой трансформации» [3, с. 64]. В свою очередь, Центральный банк России (ЦБ РФ) определяет финансовые технологии (Финтех) как предоставление финансовых сервисов и услуг посредством использования инновационных технологий, включая большие данные (Big Data), искусственный интеллект, машинное обучение, роботизацию, блокчейн, облачные вычисления, биометрию и другие [1, с. 65]. Динамика общественных отношений входящих в предмет финансового права создают вызовы к реализации функций финансового права, что также влияет на иные системообразующие категории финансового права (предмет, метод, принципы и категорию финансы) под воздействием финансовых технологий. По нашему мнению, одним из правовых системообразующих факторов (индикаторов) динамики развития отрасли права является реализация её функций, которых доктриной финансового права выделяют две:

1) регулятивную функцию финансового права (статическую и динамическую подфункции) [14, с. 3];

2) охранительную функцию финансового права [4, с. 15].

Далее мы рассмотрим финансовые технологии через призму реализации данных функций, с выявлением их форм выражения.

Технология распределенного реестра в рамках «прозрачного блокчейна» - это платформа Федеральной службы по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг), разработанная совместно с ВТБ для контроля операций с криптовалютами и пресечения незаконной деятельности [7, с. 9]. Система позволяет в режиме реального

времени анализировать транзакции, обнаружить подозрительные операции и отслеживать движение средств между участниками. В России правовое регулирование блокчейна и криптовалют развивается постепенно. Оно осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который определяет понятия криптовалют и блокчейна, а также устанавливает правовые основы операций с цифровыми финансовыми активами [5, с. 571]. Платформа отслеживает более 30 криптовалют. Система также помогает в выявлении операций, связанных с мошенничеством, финансовыми пирамидами, терроризмом и экстремизмом. В контексте финансовой технологии «прозрачный блокчейн», разработанной Росфинмониторингом, функции финансового права реализуются с выраженным приоритетом охранительной функции, что напрямую обусловлено публично-правовой и надзорной природой данной платформы, созданной специально для контроля и пресечения незаконных операций. Причиной столь четкой целевой направленности является тот факт, что базовое регулятивное закрепление ключевых понятий («цифровая валюта», «цифровой финансовый актив», «блокчейн») уже произошло ранее с принятием Федерального закона № 259-ФЗ, выполнив тем самым регулятивно-статическую подфункцию и создав необходимые правовые категории для осуществления контроля. Следствием этого стало формирование легальной основы для развертывания специализированных технологических инструментов надзора, каким и является «Прозрачный блокчейн». Основное содержание деятельности платформы представляет собой практическую реализацию регулятивно-динамической подфункции, но уже не в аспекте развития рынка, а в аспекте установления процедур непрерывного наблюдения и анализа транзакций в режиме реального времени. Однако эта динамика всецело подчинена главной цели – охранительной функции, направленной на защиту финансовой системы от рисков отмывания доходов, финансирования терроризма и мошенничества. Таким образом, регулятивно-динамические

механизмы (алгоритмы отслеживания, классификации клиентов, обмена данными) служат прямым инструментом для осуществления охраны публичных интересов.

Данные функции находят свое выражение в конкретных формах, между которыми существует жесткая иерархическая и причинно-следственная связь. Первичной формой выступает акт законодательства (Федеральный закон № 259-ФЗ), который делегирует полномочия по контролю уполномоченным органам и задает общие правовые рамки. На его основе формируются иные акты, имеющие ключевое значение: это, прежде всего, внутренние административные регламенты и методики Росфинмониторинга, которые детально определяют порядок работы платформы, критерии анализа и процедуру взаимодействия с банками и правоохранительными органами по их запросам. Роль актов «мягкого права» (рекомендаций, разъяснений) в этой строго императивной сфере минимальна, а акты высших судов как форма выражения пока отсутствуют, поскольку сама практика применения платформы носит в большей степени предупредительный и оперативно-разыскной характер, нежели судебно-спорный. Следовательно, регулирование «Прозрачного блокчейна» демонстрирует модель, где охранительная функция финансового права, опираясь на созданную законом статическую базу, доминирует и реализуется через динамические административные процедуры, формализованные в актах контрольно-надзорного органа.

Смарт-контракт – это программный код в блокчейне, автоматически исполняющий условия сделки между сторонами [8, с. 241]. Он исключает посредников и гарантирует выполнение договора благодаря коду. Смарт-контракты переносят физические процессы в виртуальную среду, автоматизируя сделки, как традиционные, но с цифровой подписью и контролем исполнения в блокчейне. Преимуществами смарт-контрактов являются автоматизация операций без участия человека при выполнении условий, прозрачность сделки для участников с возможностью проверки, обеспечение безопасности благодаря блокчейну, исключение изменения или отмену сделки, сокращение времени за счет исключения посредников и со-

кращения расходов, а также точность реализации сделок на основе математических принципов, исключая человеческий фактор. Недостатками же смарт-контрактов являются отсутствие регулирования в международной правовой базе, сложность реализации, которая требует знаний и затрат на внедрение и написание кода, а также невозможность внесения изменений даже при достижении более выгодного соглашения. Электронные договоры, включая смарт-контракты, широко используются в различных сферах, особенно в финансовой, для автоматизации платежей, снижения расхождений данных, обеспечения прозрачности аудита. Они применяются в инвестициях, кредитовании, страховании и других областях. Смарт-контракты фиксируют алгоритмические элементы договора и защищают их с помощью криптографического метода. Защита прав сторон обеспечивается юридически или через безопасное исполнение кода. Процесс работы смарт-контракта включает: согласование и кодирование условий, проверку контракта и внесение информации в распределенный реестр, подключение к внешним источникам данных и оценку данных с автоматическим выполнением условий [15, с. 122].

В Российской Федерации на сегодняшний день отсутствует единый специальный федеральный закон, который бы напрямую определял понятие «смарт-контракт» и устанавливал его исчерпывающий правовой статус, идентичный традиционному договору. Однако это не означает правового вакуума, поскольку регулирование формируется комплексно через адаптацию существующих норм и принятие новых отраслевых актов, что создает постепенную легализацию данной технологии. Фундаментальной основой для признания любых электронных соглашений, включая автоматизированные, является Гражданский кодекс РФ (ст. 434), допускающий заключение договора в электронной форме. На эту базовую норму накладывается более специализированное регулирование. Так, Федеральный закон № 259-ФЗ (о ЦФА) вводит ключевые для понимания смарт-контрактов понятия «цифровые права» и правила их автоматизированной передачи (п. 4 ст. 1, ст. 8). Этот закон де-

факто легализует использование смарт-контрактов для операций с цифровыми активами в регулируемых информационных системах, поскольку прямо указывает на возможность автоматического совершения действий с ЦФА на основании заранее установленных правил. Дальнейшее развитие регулирования инициируется и активно продвигается Банком России, который перешел от стадии рассмотрения к практическому нормотворчеству. Регулятор не только выпускает концептуальные документы, такие как «Концепция регулирования децентрализованных финансов (DeFi)», но и прорабатывает конкретные модели, например, введение статуса «ответственного оператора смарт-контракта». Эти инициативы направлены на интеграцию технологии в регулируемое правовое поле, особенно в финансовом секторе. Параллельно для апробации новых моделей используются механизмы экспериментальных режимов. Федеральный закон № 258-ФЗ позволяет запускать пилотные проекты со смарт-контрактами в различных отраслях [6, с. 528]. Таким образом, в России сформировалось «лоскутное», но последовательно развивающееся регулирование смарт-контрактов. Оно эволюционирует от общих норм ГК РФ через отраслевое закрепление в законе о ЦФА к экспериментальным правовым режимам, цель которых накопление практики для будущего, возможно, более универсального законодательного регулирования. Банк России выступает ключевым драйвером этого процесса, фокусируясь на интеграции технологии в регулируемую финансовую экосистему. Таким образом, в Российской Федерации регулирование смарт-контрактов, несмотря на отсутствие единого специального закона, активно формируется через комплексную реализацию функций финансового права, что обуславливает текущее состояние их правового признания и использования.

Поскольку технология находится на стадии внедрения, доминирующую роль играет регулятивная функция финансового права, которая последовательно создает для неё правовые рамки. Данная функция реализуется через свои подфункции: регулятивно-статическая находит выражение в закреплении базовых понятий и статусов, прежде всего в Федеральном законе № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах», что

создает статичную конструкцию для цифровых прав и их обращения, а регулятивно-динамическая проявляется в установлении конкретных процедур, например, правил автоматизированного обращения ЦФА в том же законе, а также в механизмах динамичных экспериментов по сделкам на основе Федеральных законов № 113-ФЗ и № 258-ФЗ. Это последовательное движение от общего закрепления статусов к регламентации процессов объясняется необходимостью сначала создать правовую «среду обитания» для новой технологии, а затем уже детализировать её функционирование. В отличие от регулятивной, охранительная функция финансового права в данной сфере выражена фрагментарно и находится в зачаточном состоянии, что является прямым следствием приоритета развития над ограничением на ранней стадии регулирования инноваций. Она лишь намечается в законе о ЦФА через общие требования к операторам и в полномочиях Банка России по надзору, поскольку регулятор концентрируется на построении инфраструктуры, а механизмы защиты прав и интересов будут усиливаться по мере развития рынка и выявления рисков. Указанные функции материализуются в конкретных формах, между которыми существует четкая причинно-следственная иерархия. Первичной и основной формой выступают акты законодательства (259-ФЗ, 258-ФЗ), которые создают обязательный каркас регулирования. Их положения развиваются и конкретизируются через акты «мягкого» финансового права – концепции, рекомендации и указания Банка России, которые оперативно адаптируют общие нормы к быстро меняющейся технологической реальности, тем самым выполняя регулятивно-динамическую задачу. Судебная практика (акты высших судов) как форма выражения функций пока отсутствует, что закономерно для новой области, где еще не накоплены спорные ситуации, требующие высшего судебного толкования, однако её роль может возрасти в будущем. Таким образом, регулирование смарт-контрактов в России представляет собой динамичный процесс, где регулятивная функция, реализуемая через законодательство и «мягкое право», опережает развитие охранительной, формируя основу для будущей полноценной правовой институционализации этой технологии.

Ведение основных процессов в сфере финансовых технологий осуществляет технология искусственного интеллекта (ИИ, от англ. Artificial Intelligence, AI) – технология, имитирующая интеллектуальные функции человека (распознавание образов, обработка языка, принятие решений), которая использует алгоритмы для обработки больших данных, выявления закономерностей, прогнозирования и принятия решений [12, с. 64]. Основным нормативным актом, регулирующим правовую основу искусственного интеллекта в РФ, является Указ Президента РФ от 10 декабря 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», утверждающий «Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года». В финансовой индустрии ИИ востребован благодаря повышенной безопасности (распознавание мошенничества, отражение атак, обнаружение подозрительных сделок), быстрой обработке больших объемов данных и автоматизации процессов (генерация документов, контроль бюджета). ИИ представлен как физическими роботами, так и виртуальными ассистентами чат-ботами. В банках ИИ применяется в валютном контроле, управлении кредитными рисками, открытии счетов, обработке платежей, консультировании клиентов через чат-ботов, которое включает информирование о курсах валют, учет расходов и доходов. Использование ИИ в управлении активами и пассивами помогает моделировать структуру баланса и принимать оптимальные финансовые решения. ИИ применяется в узкоспециализированных задачах, например, в скоринге, биометрии, антифродде, благодаря технологии *Natow AI* (узкий искусственный интеллект). ИИ также используется при автоматическом одобрении кредитов, скорость рассмотрения заявок на которые возросла до 7 минут; голосовые помощники способствуют ускорению консультаций на 40 секунд, что обеспечивают банкам экономию средств до 30 млн рублей в месяц, оптимизацию работы банкоматов и автоматическую обработку документов. Главным барьером для развития ИИ является сбор и обмен деперсонализированными данными в соответствии с № 152-ФЗ «О персональных данных».

Регулирование технологии искусственного интеллекта (ИИ) в финансовой сфере Российской Федерации демонстрирует преобладание и опережающее развитие регулятивной функции финансового права, что напрямую обусловлено стратегической задачей стимулирования инноваций и интеграции ИИ в экономику, сформулированной в основополагающем документе Указе Президента РФ № 490 и утвержденной им «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта». Данная стратегия выполняет регулятивно-статическую подфункцию, устанавливая целевые ориентиры, принципы и общие рамки для создания «правового поля» для ИИ, что является первичной причиной последующей нормотворческой активности в конкретных отраслях, включая финансовую. Охранительная функция финансового права в данном контексте проявляется вторично и фрагментарно, выступая логическим следствием и необходимым ограничителем динамичного технологического развития. Её основное выражение связано не со спецификой ИИ как такового, а с защитой смежных прав и интересов, прежде всего в области обработки информации. Поэтому ключевым охранительным барьером выступает Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных», который обуславливает особые требования к сбору и использованию данных для алгоритмов ИИ. Кроме того, охранительные элементы имплементированы в сами регулятивные акты ЦБ РФ, где требования по кибербезопасности, управлению рисками и обеспечению бесперебойности работы AI-систем служат цели защиты стабильности финансовой системы и прав потребителей. Таким образом, формы выражения функций следуют четкой причинно-следственной иерархии. Первичной формой является акт стратегического планирования (Указ Президента № 490), задающий вектор динамики развития финансового права. Его положения детализируются в отраслевых нормативных актах Банка России, которые устанавливают обязательные требования, и в актах «мягкого права», которые носят гибкий рекомендательный характер, оперативно адаптируясь к скорости технологических изменений. Охранительная функция находит жесткое выражение в общем законодательстве о персональных

данных (152-ФЗ). Судебные акты высших органов как форма выражения функций на данный момент отсутствуют, что объясняется новизной области и превентивно-регуляторным, а не конфликтным, характером текущего этапа внедрения ИИ. Следовательно, правовое поле для финансового ИИ строится по модели доминирующей регулятивной функции, которая сначала создает стимулирующие рамки для инноваций, а затем постепенно «достраивает» охранительные механизмы как реакцию на возникающие риски.

Финансовая технология «Big Data» (далее – большие данные), представляет собой информационный ресурс, характеризующийся большим объемом информации, высокой скоростью обработки и разнообразием данных, требующий инновационных подходов к обработке для улучшения анализа, принятия решений и автоматизации процессов [8, с. 32]. Обработка больших данных обычно включает технологии искусственного интеллекта, в частности машинное обучение, позволяющее извлекать знания из данных для решения задач. Области применения больших данных включают: оценку кредитоспособности клиентов, маркетинг и взаимодействие с клиентами (включая чат-ботов), страхование (автоматизация рассмотрения заявлений, выявление мошенничества), предотвращение операционных рисков (включая киберриски и риски нарушения противодействия отмыванию денежных средств и финансированию терроризма и экстремизма). Большие данные предоставляют финансовым организациям значительные преимущества, поскольку ускоряют обработку данных, улучшают прогнозирование и анализ, а также автоматизируют финансовые решения (кредиты, переводы, страхование). Технологии больших данных повышают эффективность моделирования рисков, которые используются для формирования предложений, совершенствования процессов сбора просроченной задолженности, поведенческого анализа клиентов, информационной безопасности, противодействия мошенничеству и автоматизации ответов на запросы. Банки анализируют транзакции для определения кредитных рейтингов, страховые компании – для андеррайтинга и выявления спроса, биржи для комплаенса и анализа клиентского

поведения, операторы платежных систем для маркетинга, а БКИ для создания скоринговых услуг.

В России регулирование использования больших данных установлено частично. Так, Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» защищает персональную информацию, обеспечивая неприкосновенность частной жизни. Положение Банка России от 08.04.2020 № 716-П «О требованиях к системе управления операционным риском в кредитной организации и банковской группе» (далее – Положение № 716-П) и Положение Банка России от 06.08.2015 № 483-П «О порядке расчета величины кредитного риска на основе внутренних рейтингов» и другие документы Банка России регулируют управление модельным риском в банках, надежность и непрерывность информационных систем, качество данных, информационную безопасность и взаимодействие с поставщиками услуг. Данные правовые основы направлены на защиту прав граждан и обеспечение стабильности финансовой системы при использовании больших данных [8]. Однако важно помнить о необходимости соблюдения нормативных требований и защиты персональных данных, а также о развитии правовой базы и стандартов в области обработки больших данных. Таким образом, регулирование технологии больших данных (Big Data) в финансовой сфере России характеризуется доминированием охранительной функции финансового права, что является прямым следствием природы данной технологии, основанной на масштабной обработке информации, и связанных с этим системных рисков для конфиденциальности и стабильности. Первопричиной такого правового подхода является высокая вероятность нарушений при работе с массивами, содержащими персональные данные, что обуславливает применение к Big Data базового охранительного режима, установленного Федеральным законом № 152-ФЗ. Этот закон выступает главным нормативным барьером, обеспечивающим неприкосновенность частной жизни и предопределяющим основные ограничения для финансовых организаций. Однако поскольку изолированной охраны недостаточно для интеграции технологии в регулируемую финансовую систему,

регулятивная функция реализуется параллельно, но в подчиненной, инструментальной роли. Её регулятивно-статическая подфункция выражена слабо, так как отсутствует единый закон, определяющий понятие и статус больших данных как специфического актива или процесса. Вместо этого статическое закрепление происходит фрагментарно через требования к качеству данных и управлению модельным риском в актах Банка России. Основная нагрузка ложится на регулятивно-динамическую подфункцию, которая детально прописывает процедуры обработки информации для конкретных финансовых задач. Таким образом, регулятивная функция не создает новую правовую реальность для Big Data, а адаптирует и встраивает технологию в существующие отраслевые процедуры под жестким контролем охранительных норм. Указанные функции находят выражение в конкретных формах, формирующих строгую иерархию. Первичной и фундаментальной формой является законодательный акт общего действия (152-ФЗ), который устанавливает непререкаемые охранительные границы. На его основе формируется специализированное отраслевое регулирование в форме нормативных актов Банка России, которые выполняют как регулятивно-динамическую, так и дополнительную охранительную задачи, минимизируя риски для финансовой системы. Развитие актов «мягкого права» (рекомендаций, разъяснений ЦБ) в данной области пока ограничено, что свидетельствует о фазе первоначального внедрения обязательных требований безопасности. Судебные акты высших органов как форма выражения функций пока не сформированы, поскольку правоприменительная практика сосредоточена на досудебном надзорном контроле за соблюдением установленных ограничений.

Заключительной анализируемой в настоящем исследовании финансовой технологией является квантовые технологии, которая по мнению Е.В. Холодной определяется как: «совокупность процессов, средств, методов сбора, обработки и передачи данных с использованием квантовых явлений (квантовых эффектов)» [17, с. 41]. Согласно Дорожной карты развития «сквозной» цифровой технологии «квантовые технологии»: «Квантовые технологии востребованы

для дальнейшего прогресса во всех стратегических направлениях цифровой экономики:

1) Большие данные: использование квантовых алгоритмов для ускорения обработки больших данных;

2) Нейротехнологии и искусственный интеллект: использование квантовых алгоритмов для ускорения решения задач машинного обучения и искусственного интеллекта; квантовые сенсоры для нейроинтерфейсов;

3) Системы распределенного реестра («блокчейн»): защита распределенных реестров и блокчейнов при помощи квантовой криптографии и постквантовых алгоритмов;

4) Новые производственные технологии: квантовая оптимизация производственных процессов при помощи квантовых вычислений; защита критически важных производственных сегментов при помощи квантовой криптографии и постквантовых алгоритмов; интерактивность производства с использованием квантовых сенсоров;

5) Промышленный интернет: интеграция квантовых сенсоров в промышленный интернет вещей;

6) Компоненты робототехники и сенсорики: квантовые и квантово-вдохновленные алгоритмы для робототехники, в частности, при интеграции машинного обучения в робототехнические системы; развитие сенсорных систем на основе квантовых сенсоров, например, для сбора энергии (energy harvesting);

7) Технологии беспроводной связи: защита сетей передачи данных и вычислительных комплексов облачной инфраструктуры при помощи квантового распределения ключей и постквантовых алгоритмов;

8) Технологии виртуальной и дополненной реальности: использование квантовых вычислений для ускорения процессов, реализуемых технологиями виртуальной и дополненной реальности» [1].

Регулирование квантовых технологий в финансовой сфере Российской Федерации, рассматриваемых в рамках нового этапа цифровой экономики – экономики данных (квантизации), демонстрирует опережающее развитие регулятивной функции финансового права, что является прямым следствием объявления данного направления

стратегическим национальным приоритетом, закрепленным в Указе Президента РФ № 490 и концепции «Экономики данных» [16].

Поскольку государство ставит целью достижение технологического лидерства, первичным ответом финансового права становится активное формирование стимулирующих и организующих норм. Регулятивно-статическая подфункция финансового права реализуется через закрепление базовых понятий и стандартов, что наглядно проявляется во включении квантовых технологий в Общероссийские классификаторы (ОКПД2, ОКОФ, ОКВЭД), что юридически оформляет их как объект экономической и учетной деятельности, создавая статичный каркас для последующего регулирования. Следствием этого нормативного закрепления становится реализация регулятивно-динамической подфункции, которая обеспечивает движение финансовых ресурсов и динамику развития. Это выражается, во-первых, в бюджетно-правовых нормах, специально предусматривающих расходы на создание квантовых сетей и процессоров в рамках государственных программ (например, через взносы в уставный капитал ОАО «РЖД»), что требует последующего финансового контроля и аудита целевого использования средств [11]. Во-вторых, динамическая подфункция финансового права проявляется в налогово-правовых стимулах, таких как применение повышающего коэффициента 1,5 к расходам на НИОКР в области квантовых технологий, что напрямую влияет на поведение налогоплательщиков, поощряя инвестиции в данную сферу [10]. Охранительная функция финансового права в контексте квантовых технологий находится в стадии становления и формулируется преимущественно как перспективная задача, что логично для ранней стадии внедрения прорывной технологии. Её необходимость вытекает из потенциальных системных рисков, связанных с защитой финансовых данных и обеспечением суверенитета цифровой финансовой инфраструктуры. Поэтому охранительная функция нацелена на будущее создание норм, обеспечивающих финансовую безопасность через применение квантового шифрования для защиты цифрового рубля, платежных систем и распределенных реестров, что потребует усиления императивных запретов и кон-

трольно-надзорных механизмов. Первичной формой реализации функций финансового права выступают акты стратегического планирования и «мягкого» финансового права (Указ Президента, дорожные карты), которые задают целевые ориентиры и принципы. На их основе формируются императивные нормативные акты, такие как приказы Минфина о бюджетной классификации, включающие статьи расходов на квантовые технологии, и нормы Налогового кодекса РФ, предоставляющие льготы. Одновременно действуют акты стандартизации (общероссийские классификаторы Росстандарта), выполняющие регулятивно-статическую роль. В качестве особой формы выделяются условно-диспозитивные и поощрительные способы регулирования, характерные для «мягкого права». Судебные акты как форма выражения функций пока отсутствуют из-за новизны отношений, а охранительные нормы в полном объеме еще предстоит разработать. Таким образом, финансово-правовое регулирование квантовых технологий представляет собой динамичную модель, где доминирующая регулятивная функция, реализуемая через стратегическое планирование, бюджетное финансирование и налоговые стимулы, создает основу для ускоренного внедрения технологии. Охранительная функция формируется следом, как ответ на возникающие вызовы безопасности, что отражает эволюционный подход законодателя к интеграции прорывных инноваций в правовое поле.

Таким образом, исследование реализации функций финансового права под влиянием финансовых технологий, позволило определить уровень и специфику реализации регулятивной и охранительной функций в условиях цифровой трансформации финансовых отношений. Полученные результаты подтверждают, что финансовые технологии выступают ключевым фактором динамики развития финансового права, обуславливая необходимость постоянной адаптации его системообразующих категорий. Проведенный анализ пяти ключевых финансовых технологий (распределенного реестра, смарт-контрактов, искусственного интеллекта, больших данных и квантовых технологий) выявил неоднородную, но закономерную картину взаимодействия функций финансового права. Регулятивная

функция, реализуемая через статическую (закрепление статусов, понятий, стандартов) и динамическую (установление процедур, стимулирование, процессуальное регулирование) подфункции, является ведущим инструментом интеграции новых технологий в правовое поле. Это выражается в последовательном движении от стратегического целеполагания (Указы Президента, дорожные карты) к конкретным нормативным предписаниям в законах (259-ФЗ, 152-ФЗ) и подзаконных актах Банка России, что особенно наглядно видно на примере регулирования смарт-контрактов и квантовых технологий. Охранительная функция демонстрирует различную степень выраженности в зависимости от природы технологии. В случае с «прозрачным блокчейном» она становится доминирующей и первичной, подчиняя себе регулятивно-динамические механизмы для задач надзора. В сферах же, связанных с обработкой массивов данных (большие данные, ИИ), охранительная функция выступает в качестве системообразующего ограничителя, устанавливаемого законом о персональных данных (152-ФЗ), внутри которого уже действует регулятивная функция. Для прорывных направлений, таких как квантовые технологии, охранительная функция лишь формируется как перспективная задача по обеспечению безопасности будущей финансовой инфраструктуры. Соотношение и интенсивность реализации функций финансового права служат индикатором стадии жизненного цикла и приоритетов государства в отношении конкретной финансовой технологии. Преобладание регулятивной функции со стимулирующим уклоном указывает на этап активного внедрения и поддержки инноваций (ИИ, квантовые технологии). Доминирование или опережающее развитие охранительной функции сигнализирует о выходе технологии в фазу, где риски для публичных интересов становятся критическими, требуя жестких защитных механизмов («прозрачный блокчейн», большие данные). Формы реализации функций также эволюционируют: от актов стратегического планирования и «мягкого права» на ранних стадиях к детальным императивным нормам и, потенциально, к судебной практике по мере становления правоприменения.

Таким образом, устойчивое развитие финансового права в эпоху цифровой экономики и экономики данных возможно только при сбалансированной и опережающей реализации обеих его функций. Следовательно, мониторинг и анализ способа реализации функций финансового права в отношении каждой новой финансовой технологии должны стать неотъемлемой частью научного обеспечения и практики финансово-правового регулирования. Анализ реализации функций финансового права (регулятивной и охранительной) служит ключевым методологическим инструментом для определения динамики и вектора развития финансового права в условиях цифровой экономики и экономики данных. Соотношение и интенсивность применения этих функций, отражающиеся в конкретных формах (законы, акты «мягкого права», судебные практики), выступают индикатором стадии жизненного цикла регулирования финансовой технологии, приоритетов государства (стимулирование инноваций или защита публичных интересов) и степени адаптации правовой системы к вызовам цифровой экономики. Таким образом, изучение реализации функций позволяет не только диагностировать текущее состояние финансово-правового регулирования, но и прогнозировать его дальнейшую эволюцию, обеспечивая сбалансированность между развитием финансовых инноваций и обеспечением финансовой стабильности и безопасности.

Описание применения генеративной модели. В процессе подготовки статьи авторы использовали инструмент на основе искусственного интеллекта (ChatGPT, версия GPT-4) для предварительного структурирования текста, формулирования отдельных определений и поиска базовых формулировок в рамках темы. После получения чернового варианта все сгенерированные фрагменты были полностью переработаны, критически осмыслены, дополнены авторским анализом, снабжены ссылками на актуальные нормативно-правовые акты и научные источники, а также отредактированы в соответствии с требованиями академического стиля. Авторы несут полную ответственность за конечное содержание, аргументацию, выводы и научную достоверность представленной статьи.

Список литературы

1. Васильев, И. И. (2023). Сущность «финтех» и его виды, используемые в российских банках. *Финансовые рынки и банки, (11)*, с. 65–70. EDN: <https://elibrary.ru/RGAOSE>
2. *Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «квантовые технологии»*. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации [Электронный ресурс]. <https://digital.gov.ru/uploaded/files/07102019kvantyi.pdf> (дата обращения: 20.01.2026).
3. Громова, Е. А., & Петренко, С. А. (2023). Квантовое право: начало. *Journal of Digital Technologies and Law, (1)* (1), с. 62–88. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.3>. EDN: <https://elibrary.ru/FKAWRT>
4. Емельянов, А. С. (2005). *Реализация охранительной функции финансового права*: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 44 с. EDN: <https://elibrary.ru/NIENJN>
5. Зарипов, Ш. Р. (2024). Технология распределённых реестров (на примере блокчейн) как фактор динамики общественных отношений, входящих в предмет финансового права в цифровой экономике. *Вопросы российской юстиции, (33)*, с. 569–581. EDN: <https://elibrary.ru/ZWQZGY>
6. Зарипов, Ш. Р. (2024). Финансово-правовое регулирование криптоактивов как средства международных расчётов Российской Федерации. *Вопросы российской юстиции, (32)*, с. 527–545. EDN: <https://elibrary.ru/AYSGWQ>
7. Казанцев, Д. А. (2024). Трансформация механизма противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма в условиях цифровизации экономики (на примере минимизации рисков, связанных с использованием криптовалют). *Вестник евразийской науки, 16(2)*, с. 1–14. EDN: <https://elibrary.ru/EUIPPY>
8. Козлова, Н. П. (2020). Использование технологий big data в финансовой отрасли. *Экономические системы, 13(4)*, с. 32–38. <https://doi.org/10.29030/2309-2076-2020-13-4-32-38>. EDN: <https://elibrary.ru/COJDZF>
9. Крыцула, А. А. (2022). Правовой режим смарт-контрактов: код или договор. *Вестник Пермского университета. Юридические науки, (56)*, с. 239–267. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2022-56-239-267>. EDN: <https://elibrary.ru/HASAWW>
10. *Постановление Правительства РФ от 18.02.2022 № 207 «О внесении изменений в перечень научных исследований и опытно-конструкторских разработок, расходы налогоплательщика на которые в соответствии с пунктом 7 статьи 262 части второй Налогового кодекса Российской Федерации включаются в состав прочих расходов в размере фактических затрат с коэффициентом 1,5»*. Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.01.2026).

11. Приказ Минфина России от 10.06.2024 № 85н «Об утверждении кодов (перечней кодов) бюджетной классификации Российской Федерации на 2025 год (на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов)». Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.01.2026).
12. Саламова, А. А., Федоровская, И. Е., & Васильев, И. И. (2023). Роль искусственного интеллекта в финансах. *Финансовые рынки и банки, (1)*, с. 63–68. EDN: <https://elibrary.ru/LHANCH>
13. Ситник, А. А. (2019). Финансовые технологии: понятие и виды. *Актуальные проблемы российского права, (6)* (103), с. 27–31. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.103.6.027-031>. EDN: <https://elibrary.ru/LRMUCU>
14. Смирникова, Ю. Л. (2012). *Регулятивная функция финансового права: системный подход и реализация*: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 42 с. EDN: <https://elibrary.ru/ZOMMCJ>
15. Трунцевский, Ю. В., & Севальнев, В. В. (2020). Смарт-контракт: от определения к определённости. *Право. Журнал Высшей школы экономики, (1)*, с. 118–147. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2020.1.118.147>. EDN: <https://elibrary.ru/EADNBA>
16. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.01.2026).
17. Холодная, Е. В. (2022). Квантовые технологии как объект права. *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина, (4)* (92), с. 38–45. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.92.4.038-045>. EDN: <https://elibrary.ru/AAYPHPK>

References

1. Vasiliev, I. I. (2023). The essence of fintech and its types used in Russian banks. *Financial Markets and Banks, (11)*, 65–70. EDN: <https://elibrary.ru/RGAOSE>
2. Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation. (n.d.). *Roadmap for the development of the “end-to-end” digital technology “quantum technologies”* [Electronic resource]. Retrieved January 20, 2026, from <https://digital.gov.ru/uploaded/files/07102019kvantyi.pdf>
3. Gromova, E. A., & Petrenko, S. A. (2023). Quantum law: The beginning. *Journal of Digital Technologies and Law, (1)*(1), 62–88. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.3>. EDN: <https://elibrary.ru/FKAWRT>
4. Emelyanov, A. S. (2005). *Implementation of the protective function of financial law: Abstract of a doctoral dissertation in legal sciences*. Moscow, 44 p. EDN: <https://elibrary.ru/NIEHJN>
5. Zaripov, Sh. R. (2024). Distributed ledger technology (using blockchain as an example) as a factor in the dynamics of social relations within the scope of financial

- law in the digital economy. *Issues of Russian Justice*, (33), 569–581. EDN: <https://elibrary.ru/ZWQZGY>
6. Zaripov, Sh. R. (2024). Financial and legal regulation of crypto-assets as a means of international payments in the Russian Federation. *Issues of Russian Justice*, (32), 527–545. EDN: <https://elibrary.ru/AYSGWQ>
 7. Kazantsev, D. A. (2024). Transformation of the mechanism for countering money laundering and terrorist financing in the context of economic digitalization (using the minimization of risks associated with cryptocurrency use as an example). *Bulletin of Eurasian Science*, 16(2), 1–14. EDN: <https://elibrary.ru/EUIPPY>
 8. Kozlova, N. P. (2020). Use of big data technologies in the financial sector. *Economic Systems*, 13(4), 32–38. <https://doi.org/10.29030/2309-2076-2020-13-4-32-38>. EDN: <https://elibrary.ru/COJDZF>
 9. Krytsula, A. A. (2022). Legal regime of smart contracts: Code or contract. *Bulletin of Perm University. Legal Sciences*, (56), 239–267. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2022-56-239-267>. EDN: <https://elibrary.ru/HASAWW>
 10. Government of the Russian Federation. (2022). *Resolution No. 207 dated February 18, 2022 “On Amendments to the List of Scientific Research and Experimental Development Projects, Expenses of Taxpayers on Which, According to Clause 7 of Article 262 of Part Two of the Tax Code of the Russian Federation, Are Included in Other Expenses at Actual Cost with a Coefficient of 1.5”* [Electronic resource]. Retrieved January 20, 2026, from <http://pravo.gov.ru/>
 11. Ministry of Finance of the Russian Federation. (2024). *Order No. 85n dated June 10, 2024 “On Approval of Codes (Lists of Codes) of the Budget Classification of the Russian Federation for 2025 (for 2025 and the Planning Period of 2026 and 2027)”* [Electronic resource]. Retrieved January 20, 2026, from <http://pravo.gov.ru/>
 12. Salamova, A. A., Fedorovskaya, I. E., & Vasiliev, I. I. (2023). The role of artificial intelligence in finance. *Financial Markets and Banks*, (1), 63–68. EDN: <https://elibrary.ru/LHANCH>
 13. Sitnik, A. A. (2019). Financial technologies: Concept and types. *Actual Problems of Russian Law*, (6)(103), 27–31. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.103.6.027-031>. EDN: <https://elibrary.ru/LRMUCU>
 14. Smirnikova, Yu. L. (2012). *Regulatory function of financial law: A systemic approach and implementation: Abstract of a doctoral dissertation in legal sciences*. Moscow, 42 p. EDN: <https://elibrary.ru/ZOMMCJ>
 15. Truntsevsky, Yu. V., & Sevalnev, V. V. (2020). Smart contract: From definition to certainty. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, (1), 118–147. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2020.1.118.147>. EDN: <https://elibrary.ru/EADNBA>
 16. President of the Russian Federation. (2019). *Decree No. 490 dated October 10, 2019 “On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation”* [Electronic resource]. Retrieved January 20, 2026, from <http://pravo.gov.ru/>

17. Kholodnaya, E. V. (2022). Quantum technologies as an object of law. *Bulletin of the O.E. Kutafin University*, (4)(92), 38–45. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.92.4.038-045>. EDN: <https://elibrary.ru/AAYPHK>

ВКЛАД АВТОРОВ

- Зарипов Ш.Р.:** концептуализация исследования, определение теоретико-методологических основ, анализ правового регулирования финансовых технологий (распределённый реестр, цифровые активы), формулировка выводов, общая редакция текста.
- Таймасов Т.Р.:** анализ нормативно-правовой базы регулирования финансовых технологий (смарт-контракты, искусственный интеллект), систематизация правовых механизмов реализации функций финансового права, подготовка соответствующих разделов.
- Гарифуллин Р.Р.:** междисциплинарный анализ влияния финансовых технологий на динамику общественных отношений, участие в обзоре научной литературы, критическая оценка структуры и аргументации исследования.
- Салимов И.А.:** анализ социально-экономического контекста внедрения финансовых технологий, участие в интерпретации данных и формулировке аспектов, связанных с национальной безопасностью и устойчивым развитием.
- Зарипов Р.У.:** участие в анализе роли государственных органов и регуляторов (Банк России, Росфинмониторинг) в развитии финансово-правового регулирования, проверка согласованности выводов с текущей правоприменительной практикой.
- Грезева К.Д.:** проведение первичного обзора научных источников и нормативных актов, помощь в структурировании текста и оформлении библиографического списка, техническое редактирование рукописи.
- Все авторы приняли участие в обсуждении результатов, редактировании и утверждении окончательной версии рукописи.

AUTHORS CONTRIBUTION

- Shamil R. Zaripov:** conceptualization of the research, definition of theoretical and methodological foundations, analysis of the legal regulation of financial technologies (distributed ledger, digital assets), formulation of conclusions, overall text editing.
- Timur R. Taymasov:** analysis of the regulatory framework for financial technologies (smart contracts, artificial intelligence), systematization of legal mechanisms for implementing the functions of financial law, preparation of relevant sections.
- Ruslan R. Garifullin:** interdisciplinary analysis of the impact of financial technologies on the dynamics of social relations, participation in the review of scientific literature, critical assessment of the research structure and argumentation.
- Ilgiz A. Salimov:** analysis of the socio-economic context of financial technology adoption, participation in data interpretation and formulation of aspects related to national security and sustainable development.

Rishat U. Zaripov: participation in the analysis of the role of state authorities and regulators (Bank of Russia, Rosfinmonitoring) in the development of financial legal regulation, verification of the consistency of conclusions with current law enforcement practice.

Kseniya D. Grezeva: conducting a preliminary review of scientific sources and regulatory acts, assistance in text structuring and bibliography formatting, technical editing of the manuscript.

All authors participated in discussing the results, editing, and approving the final version of the manuscript.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Зарипов Шамиль Ришатович, ассистент кафедры финансового и административного права Институт права
Уфимский университет науки и технологий
ул. Достоевского, 131, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450005, Российская Федерация
zaripovshamilrishatovich@mail.ru

Таймасов Тимур Радикович, ассистент кафедры финансового и административного права Институт права
Уфимский университет науки и технологий
ул. Достоевского, 131, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450005, Российская Федерация
legalti@yandex.ru

Гарифуллин Руслан Ринатович, старший преподаватель кафедры физической культуры Института природы и человека
Уфимский университет науки и технологий
ул. Достоевского, 131, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450005, Российская Федерация
kafedrafvbgui@yandex.ru

Салимов Ильгиз Арсланович, старший преподаватель кафедры физической культуры Института природы и человека
Уфимский университет науки и технологий
ул. Достоевского, 131, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450005, Российская Федерация
kafedrafvbgui@yandex.ru

Зарипов Ришат Усманович, старший преподаватель кафедры физической культуры Института природы и человека
Уфимский университет науки и технологий
ул. Достоевского, 131, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450005, Российская Федерация
ufagena@yandex.ru

Грезова Ксения Дмитриевна, студентка 4 курса Институт права
Уфимский университет науки и технологий
ул. Достоевского, 131, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450005, Российская Федерация
kgrezeva228@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHORS

Shamil R. Zaripov, Assistant of the Department of financial and administrative law
Institute of Law
Ufa University of Science and Technology
131, Dostoevsky Str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450005, Russian Federation
zaripovshamilrishatovich@mail.ru

Timur R. Taymasov, Assistant Professor, Department of Financial and Administrative Law, Institute of Law
Ufa University of Science and Technology
131, Dostoevsky Str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450005, Russian Federation
legalti@yandex.ru

Ruslan R. Garifullin, Senior Lecturer, Department of Physical Culture, Institute of Nature and Man
Ufa University of Science and Technology
131, Dostoevsky Str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450005, Russian Federation
kafedrafvbg@yandex.ru

Игиз А. Салимов, Senior Lecturer, Department of Physical Culture, Institute of Nature and Man
Ufa University of Science and Technology
131, Dostoevsky Str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450005, Russian Federation
kafedrafvbg@yandex.ru

Rishat U. Zaripov, Senior Lecturer, Department of Physical Culture, Institute of Nature and Man

Ufa University of Science and Technology

131, Dostoevsky St., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450005, Russian Federation

ufagena@yandex.ru

Kseniya D. Grezeva, 4rd year student Institute of Law

Ufa University of Science and Technology

131, Dostoevsky Str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450005, Russian Federation

kgrezeva228@gmail.com

Поступила 22.12.2025

После рецензирования 12.02.2026

Принята 19.02.2026

Received 22.12.2025

Revised 12.02.2026

Accepted 19.02.2026

Публично-правовые науки / Public Law Sciences

Научная статья

Original article

DOI: [10.12731/2576-9634-2026-10-1-265](https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-1-265)

EDN: GBLTRT

УДК 336.02

Налог на бездетность: история, современность, дискуссии о введении

М.И. Кухто, В.П. Чикова, К.В. Аровина

*Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань,
Российская Федерация*

Аннотация

Обоснование. В статье на основе историко-правового, сравнительно-правового и формально-юридического методов исследован генезис советского налога на бездетность (1941-1992 гг.) и перспективы его введения в России. Актуальность обусловлена демографическим кризисом в России и дискуссиями о введении налога на бездетность, предмет - генезис советского налога на бездетность, его конституционно-правовая оценка и сравнительный анализ зарубежных моделей демографического регулирования. Научная новизна работы заключается в триедином анализе налога на бездетность: историческая эволюция советского налога, конституционная оценка его легитимности и систематизация пяти зарубежных моделей. Впервые предложена классификация зарубежных подходов на позитивно-стимулирующие (германская, французская, скандинавская модели) и репрессивно-дискредитированные (итальянский и румынский прецеденты). Сделан вывод о неконституционности и бесперспективности налога на бездетность в современном правовом государстве и о необходимости развития системы налоговых вычетов на детей.

Цель. Комплексный правовой анализ налога на бездетность и оценка легитимности его возрождения в Российской Федерации.

Методология проведения работы. В исследовании использовались историко-правовой, сравнительно-правовой и формально-юридический методы.

Результаты. Реконструирована эволюция вышеуказанного советского налога (1941–1992), доказана его демографическая неэффективность и дискриминационная природа; выявлено несоответствие налога на бездетность конституционным принципам равенства, соразмерности и неприкосновенности частной жизни; установлено, что зарубежные модели (германская, французская, скандинавская) основаны на позитивном стимулировании, а итальянский и румынский прецеденты

связаны с авторитарными режимами; обосновано, что развитие налоговых вычетов на детей (статья 218 НК РФ) является единственно конституционно допустимым инструментом демографической политики.

Область применения результатов. Законотворческая деятельность, право-применительная практика, научные исследования в сфере налогового, конституционного и семейного права.

Ключевые слова: налог; демография; рождаемость; государство; свобода; ответственность; бездетность

Для цитирования. Кухто, М. И., Чикова, В. П., Аровина, К. В. (2026). Налог на бездетность: история, современность, дискуссии о введении. *Russian Studies in Law and Politics / Российские исследования. Право и политика*, 10(1), 30-53. <https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-1-265>

Childlessness tax: history, modernity, prospects for implementation

M.I. Kukhto, V.P. Chikova, K.V. Arovina

S.A. Yesenin Russian State University, Ryazan, Russian Federation

Abstract

Background. Drawing on historical-legal, comparative-legal and formal-legal methods, this article examines the origins of the Soviet childlessness tax (1941–1992) and the prospects for its introduction in Russia. The relevance of the topic stems from the demographic crisis in Russia and the ongoing debates regarding the introduction of a childlessness tax; the subject matter comprises the genesis of the Soviet childlessness tax, its constitutional and legal assessment, and a comparative analysis of foreign models of demographic regulation. The scientific novelty of this work lies in a three-pronged analysis of the childlessness tax: the historical evolution of the Soviet tax, a constitutional assessment of its legitimacy, and a systematisation of five foreign models. For the first time, a classification of foreign approaches is proposed, distinguishing between positive-incentive models (the German, French and Scandinavian models) and repressive-discrediting models (the Italian and Romanian precedents). It has been concluded that a childlessness tax is unconstitutional and unworkable in a modern constitutional state, and that there is a need to develop a system of tax deductions for children.

Purpose. A comprehensive legal analysis of the tax on childlessness and an assessment of the legitimacy of its reintroduction in the Russian Federation.

Methodology. Historical-legal, comparative-legal, and formal-legal methods.

Results. The evolution of the Soviet tax (1941–1992) has been reconstructed; its demographic ineffectiveness and discriminatory nature have been demonstrated. The

non-conformity of the tax with the constitutional principles of equality, proportionality, and the right to privacy has been revealed. It has been established that foreign models (German, French, Scandinavian) are based on positive incentives, whereas the Italian and Romanian precedents are linked to authoritarian regimes. It is substantiated that the development of tax deductions for children (Article 218 of the Tax Code of the Russian Federation) represents the only constitutionally admissible instrument of demographic policy.

Practical implications. Legislative activity, law enforcement practice, and scientific research in the fields of tax, constitutional, and family law.

Keywords: tax; demography; fertility; state; liberty; responsibility; childlessness

For citation. M.I. Kukhto, V.P. Chikova, K.V. Arovina (2026). Childlessness tax: history, modernity, prospects for implementation. *Russian Studies in Law and Politics*, 10(1), 30-53. <https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-1-265>

Введение

Актуальность исследования обусловлена демографическим кризисом в России и возобновляемыми инициативами о введении налога на бездетность. Опрос ВЦИОМ от 6 ноября 2024 года фиксирует противоречие: 74% россиян информированы об инициативе, но 67% относятся к ней отрицательно, а 66% не верят в её эффективность. Данное противоречие требует научного осмысления и восполнения пробела в обосновании демографической политики.

Объект исследования – правовые нормы, регулирующие фискальное воздействие на репродуктивное поведение. Историкографический анализ работ С. Н. Грошева, И.А. Григорьева, Е.А. Андреевой, О.В. Морозовой и других авторов свидетельствует об отсутствии комплексного исследования, объединяющего историко-правовой анализ советского налога на бездетность, конституционно-правовую оценку его легитимности и систематизированный сравнительный анализ зарубежных моделей.

Цель работы – правовой анализ генезиса налога на бездетность и оценка легитимности его возрождения на основе конституционных критериев и сравнительно-правового анализа.

Задачи исследования включают: реконструировать эволюцию советского налога на бездетность (1941–1992); оценить его соответствие конституционным принципам равенства, соразмерности и

неприкосновенности частной жизни; систематизировать зарубежные модели демографической политики и классифицировать их; обосновать недопустимость введения аналогичного налога в современной России и доказать необходимость развития системы налоговых вычетов на детей как единственно конституционного инструмента.

Гипотеза: налог на бездетность является архаичным, конституционно уязвимым и неэффективным инструментом, уступающим системам позитивного стимулирования рождаемости.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его выводов органами законодательной власти при оценке демографических инициатив.

Сформулированные критерии неконституционности налога на бездетность и систематизированный зарубежный опыт могут служить научно-обоснованным фильтром при разработке законопроектов, предотвращая принятие фискальных мер, нарушающих права граждан.

Результаты работы также применимы в деятельности правозащитных организаций и в преподавании курсов налогового и конституционного права.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляют историко-правовой, сравнительно-правовой и формально-юридический методы. Эмпирическую базу образуют нормативные правовые акты СССР и Российской Федерации, зарубежное законодательство, статистические данные и научные публикации отечественных и зарубежных авторов по проблематике налогообложения бездетных граждан.

Результаты и обсуждение

Генезис и последующее функционирование так называемого налога на бездетность в СССР представляет собой комплексное правовое и социально-экономическое явление, требующее детального рассмотрения в исторической ретроспективе. Его возникновение, нормативное содержание и эволюция отражают специфику

взаимодействия государства и личности в условиях тоталитарного режима, военного времени и послевоенного восстановления. Анализ данного феномена позволяет выявить не только фискальные цели законодателя, но и глубоко укорененные в идеологии установки, направленные на регулирование приватной сферы жизни граждан в интересах построения социалистического общества.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1941 года «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР» // «Ведомости Верховного Совета СССР», 1941 г., № 42 (с 1 января 1992 г. утратил силу) стал формально-юридическим основанием для введения данного сбора. Контекст его принятия имел первостепенное значение. Страна находилась в крайне тяжелом положении первых месяцев Великой Отечественной войны, неся колоссальные человеческие и материальные потери [19]. В этих условиях государственная машина была вынуждена изыскивать дополнительные ресурсы для финансирования военных нужд [10, с. 220]. Однако, как отмечают исследователи, включая С.Н. Грошева, демографический мотив также присутствовал изначально [3, с. 69]. Правительство осознавало, что текущие и будущие потери населения угрожают самому существованию государства и его трудовому потенциалу [14, с. 255]. Таким образом, указ стал актом, сочетающим экстренные меры с элементами долгосрочной демографической политики, направленной на стимулирование рождаемости.

Содержание указа детально регламентировало круг плательщиков, размеры обложения и предоставляемые льготы. Согласно статье второй, налогом облагались одинокие граждане, а также состоящие в браке, но не имеющие детей мужчины в возрасте от двадцати до пятидесяти лет и женщины в возрасте от двадцати до сорока пяти лет. Данное возрастное ограничение свидетельствует о целевой направленности сбора именно на граждан, находящихся в активном репродуктивном возрасте. Налогооблагаемая база и ставки были дифференцированы. Для рабочих и служащих при заработной плате до ста пятидесяти рублей в месяц устанавливался фиксированный платеж в размере пяти рублей. При заработке свыше указанной суммы

налог исчислялся как пять процентов от месячного дохода. Для иных категорий граждан, таких как лица, занимающиеся индивидуальной деятельностью, устанавливались фиксированные годовые платежи.

Важным аспектом правового регулирования являлся перечень оснований для освобождения от налога. Статья третья указа освобождала от обложения военнослужащих и их жен, что являлось справедливой мерой социальной поддержки в условиях войны. Льготы также предоставлялись учащимся средних и высших учебных заведений до достижения определенного возраста, пенсионерам и лицам, которые по медицинским показаниям, подтвержденным врачебной комиссией, не могли иметь детей. Особого внимания заслуживает норма статьи одиннадцатой, согласно которой взимание налога прекращалось с момента рождения ребенка. В законодательстве о налоге была установлена явная и неразрывная связь между двумя вещами: финансовой обязанностью гражданина (платить или не платить налог) и его личным решением в области деторождения (иметь или не иметь детей).

Последующее развитие законодательства о налоге на бездетных и малосемейных граждан подтвердило его направленность на стимулирование рождаемости. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года // «Ведомости Верховного Совета СССР», 1944, №37 (утратил силу 5 марта 1991 г.) внес существенные изменения в механизм обложения. Была введена прогрессирующая шкала, увязанная с количеством детей в семье. Для граждан, не имеющих детей, ставка была увеличена до шести процентов от дохода. При наличии одного ребенка ставка снижалась до одного процента, а при наличии двух детей - до половины процента. Это изменение означало переход от простого обложения бездетности к системе налоговых льгот для многодетных семей. Государство создавало ощутимые финансовые преимущества для тех, кто следовал провозглашаемым демографическим идеалам.

Функционирование данного налога на протяжении почти пятидесяти лет, вплоть до его отмены в 1992 году в связи с распадом Советского Союза, порождает серьезные вопросы о его эффектив-

ности и социальных последствиях. Ряд авторов, включая Е.А. Андрееву, указывают на то, что налог выполнял важную фискальную функцию, обеспечивая стабильный, хотя и не основной, приток средств в государственный бюджет [1, с. 29]. Эти средства, по замыслу законодателя, должны были направляться на финансирование пособий многодетным матерям, содержание детских учреждений и другие социальные программы. Однако оценка демографической результативности данной меры является дискуссионной. В условиях дефицита товаров, острого жилищного кризиса и низкого уровня жизни фискальное давление не могло стать решающим фактором при принятии решения о рождении ребенка. Как отмечает И.А. Григорьев, демографическое поведение определяется сложным комплексом социально-экономических условий, а не отдельными административными мерами [2, с. 67].

С точки зрения прав человека и гендерного равенства налог на бездетность вызывает критику со стороны современных юристов и социологов. Несмотря на формальное распространение на оба пола, его положения содержали скрытую дискриминацию. Установление различного верхнего возрастного предела для мужчин и женщин, хотя и объясняемое биологическими факторами, закрепляло стереотип о том, что репродуктивная функция является основной социальной ролью женщины. Более того, норма об освобождении от налога жен военнослужащих при отсутствии аналогичной льготы для мужей женщин-военнослужащих косвенно подтверждала патриархальную модель семьи. Данный налог представлял собой прямое вмешательство государства в частную жизнь граждан, регулируя интимные аспекты человеческих отношений и возводя деторождение в разряд гражданской обязанности перед государством.

Исторический опыт применения налога на бездетность в СССР имеет значительное методологическое значение для анализа современных демографических вызовов. Периодически возникающие в публичном дискурсе инициативы о возрождении подобного фискального инструмента, как правило, не находят поддержки в научном сообществе [4, с. 58]. Ученые, например, такие как О.В. Морозова,

подчеркивают, что в правовом демократическом государстве подобные меры вступают в противоречие с конституционными принципами равенства, неприкосновенности частной жизни и свободы личности [9, с. 86]. Современные подходы к демографической политике, как отмечается в работе Т.К. Ростовской и Е.Н. Васильевой, должны базироваться не на принуждении, а на создании благоприятных социально-экономических условий, комплексной поддержке семей с детьми через систему пособий, налоговых вычетов, доступного жилья и инфраструктуры [11, с. 1114]. Российское законодательство, предоставляющее стандартные налоговые вычеты на детей в соответствии со статьей 218 Налогового кодекса Российской Федерации, является примером позитивного стимулирования, не нарушающего прав и свобод граждан.

Таким образом, генезис и функционирование советского налога на холостяков, одиноких и бездетных граждан следует рассматривать как продукт конкретной исторической эпохи, характеризовавшейся тотальным контролем государства над обществом, чрезвычайными условиями войны и послевоенного периода. Его нормативное содержание эволюционировало от фискального сбора в пользу бюджета к инструменту дифференцированного налогообложения, поощряющего многодетность.

Современные научные дискуссии о возможном возрождении в Российской Федерации налога на бездетность, официально именовавшегося в Советском Союзе налогом на холостяков, одиноких и малосемейных граждан, затрагивают фундаментальные вопросы о пределах допустимого вмешательства государства в частную жизнь личности в условиях правового демократического строя [7, с. 295]. Эти дискуссии развиваются в двух основных плоскостях: первая касается правовой легитимности подобной меры, а вторая посвящена сравнительному анализу ее потенциальной эффективности на фоне зарубежных моделей демографического регулирования. Правовым парадоксом, который исследуют авторы, включая С.Н. Грошева, И.А. Григорьеву и Е.А. Андрееву, является конфликт между законным стремлением государства обеспечить национальную

демографическую безопасность и конституционными гарантиями неприкосновенности частной сферы, свободы личности и принципа равенства. Правовое государство, каковым согласно Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // [Официальном интернет-портале правовой информации](http://www.pravo.gov.ru). – URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (далее - Конституция), является Россия, обязано обеспечивать баланс публичных и частных интересов, причем публичный интерес не может автоматически служить оправданием для любых ограничений прав человека. Любое фискальное нововведение, особенно столь специфического характера, должно пройти строгую проверку на соответствие критериям, выработанным конституционной доктриной: наличие законной цели, соразмерность и необходимость избранных средств, отсутствие дискриминационного эффекта и недопустимость избыточного вмешательства в сферу личной автономии.

Легитимность налога на бездетность вызывает серьезные сомнения с точки зрения его соответствия принципу верховенства права. Формально государство имеет право устанавливать налоги для финансирования общественных нужд, а демографическое развитие, несомненно, относится к таким нуждам. Однако содержание и механизм данного конкретного налога выводят его за рамки обычного фискального инструмента. Он трансформируется в инструмент прямого социально-биологического регулирования, связывая размер финансового обязательства гражданина с фактом наличия или отсутствия у него детей. Такой подход создает прецедент, когда государство через налоговую систему оценивает и санкционирует определенные модели личного и семейного поведения, что вступает в прямое противоречие со статьей 23 Конституции Российской Федерации, гарантирующей право на неприкосновенность частной жизни. Частная жизнь в современном понимании включает в том числе решения о вступлении в брак, создании семьи и рождении детей. Установление финансовых санкций за один из возможных вариантов развития личной судьбы гражданина является грубым

вторжением в эту автономную сферу. Государство не должно становиться арбитром в вопросах частного выбора, применяя денежные санкции за несоответствие некоему предписанному демографическому стандарту.

Принцип равенства, закрепленный в статье 19 Конституции Российской Федерации и детализированный в статье 3 НК РФ, также подвергается серьезному испытанию при введении налога на бездетность. Данный налог по определению проводит различие между гражданами по признаку их семейного положения и репродуктивного выбора. Он создает два класса налогоплательщиков: те, чей образ жизни соответствует демографической политике государства, и те, кто по тем или иным причинам от него отклоняется. Такое различие носит дискриминационный характер, поскольку основано не на экономической платежеспособности или объективных характеристиках дохода, а на глубоко личных, зачастую интимных обстоятельствах жизни человека.

Критерий соразмерности и необходимости требует, чтобы избранная мера была адекватна поставленной цели, и чтобы не существовало иных, менее ограничивающих конституционные права способов ее достижения. Цель повышения рождаемости является легитимной и значимой. Однако налог на бездетность как средство ее достижения вызывает вопросы об адекватности. Исторический опыт СССР не дает однозначных доказательств его эффективности, так как демографические процессы послевоенного и позднесоветского периода определялись множеством других мощных факторов.

Сравнительный анализ международного опыта демографического регулирования предоставляет фундаментальные аргументы, свидетельствующие о нецелесообразности и юридической уязвимости введения прямого налога на бездетность в правовом государстве. Правовые системы развитых европейских государств демонстрируют устойчивую эволюционную траекторию, направленную на последовательный отказ от репрессивных фискальных инструментов, непосредственно вторгающихся в частную сферу репродуктивного выбора. Вместо таких инструментов указанные

правопорядки сформировали сложные, многоуровневые системы косвенного стимулирования рождаемости, основанные на принципах добровольности, позитивной дискриминации в пользу семей с детьми и создании благоприятной социальной инфраструктуры [5, с. 479]. Данная трансформация отражает изменения в понимании соотношения публичных и частных интересов, произошедшие в конституционном праве и доктрине прав человека во второй половине XX - начале XXI века.

Немецкая модель правового регулирования социальной поддержки семьи, часто упоминаемая в отечественных дискуссиях в качестве возможного прецедента фискального обременения бездетных граждан, при детальном рассмотрении демонстрирует принципиально иную правовую природу и целевое назначение. Как следует из анализа действующего законодательства Федеративной Республики Германия (Социальный кодекс Германии (Sozialgesetzbuch - SGB), Книга одиннадцатая (SGB XI) — «Социальное страхование на случай необходимости ухода» (Soziale Pflegeversicherung). Конкретная норма, устанавливающая повышенный взнос для бездетных, закреплена в § 55 SGB XI (Beitragszuschlag für Kinderlose)), повышенный страховой взнос по уходу для бездетных граждан не является налогом в его классическом фискально-демографическом понимании и не позиционируется законодателем как инструмент стимулирования рождаемости [8, с. 376]. Данный платеж представляет собой элемент обязательного государственного социального страхования и взимается в размере 0,6 процента от валового дохода с граждан, достигших возраста двадцати трех лет и не имеющих детей. Существенное отличие этого сбора от налога на бездетность заключается в его страховой, а не фискально-карательной природе. Указанный взнос аккумулируется не в общем бюджете для последующего перераспределения на любые государственные нужды, а в специализированных фондах социального страхования, предназначенных для финансирования рисков, связанных с необходимостью длительного ухода за пожилыми гражданами и инвалидами. Логика законодателя состоит в том, что лица, не воспитавшие детей, в по-

жилом возрасте не могут рассчитывать на безвозмездную помощь со стороны потомства и потому в большей степени создают нагрузку на систему государственного страхования по уходу. Соответственно, повышенная ставка взноса для бездетных компенсирует отсутствие у них семейного потенциала для обеспечения ухода. При этом для граждан, имеющих двух и более детей, ставка данного страхового взноса, напротив, существенно снижается, что также соответствует страховым принципам солидарности и соразмерности ответственности. Таким образом, германский опыт не может рассматриваться как подтверждение допустимости или эффективности налога на бездетность, поскольку основан на совершенно ином правовом механизме и преследует цели социального страхования, а не демографического стимулирования.

Итальянская правовая система представляет собой наиболее показательный исторический пример внедрения прямого налога на бездетность в рамках авторитарного политического режима. Как свидетельствуют историко-правовые исследования, налог на холостяков был введен в Италии в 1927 году по инициативе фашистского правительства Бенито Муссолини и стал составной частью масштабной демографической кампании, официально именованной «Битва за рождаемость». Данная кампания носила комплексный идеологический, правовой и фискальный характер. Налогом облагались холостые мужчины, не состоящие в браке и не имеющие детей, за исключением священнослужителей и офицеров вооруженных сил. Размер фискального обложения достигал пяти процентов от средней заработной платы, при этом бездетные граждане дополнительно выплачивали в бюджет фиксированную сумму, установленную законодательством. Параллельно с введением налога фашистский режим реализовывал политику прямой дискриминации лиц, не состоящих в браке: они не могли занимать высокие государственные должности, ограничивались в социальных правах, подвергались общественному порицанию. Одновременно государство создавало систему преференций для многодетных семей, включая введение семейных пособий и оплачиваемого декретного отпуска для за-

страхованных женщин. Данный фискально-репрессивный механизм просуществовал до падения режима Муссолини в 1943 году. Современная итальянская семейная политика, базирующаяся на положениях республиканской Конституции Итальянской Республики (основной закон Италии, принята в 1947 году Конституционной ассамблеей, вступила в силу 1 января 1948 года), провозгласившей семью основной ячейкой общества и закрепившей в статье 31 обязанность государства поддерживать семьи через систему пособий и налоговых льгот, полностью отказалась от фискальных санкций за бездетность. В настоящее время итальянское законодательство использует исключительно позитивные механизмы стимулирования, включая различные формы прямой финансовой поддержки семей с детьми и налоговые вычеты

Румынская модель демографического регулирования эпохи режима Николае Чаушеску представляет собой наиболее радикальный и одновременно трагический пример административно-репрессивного вмешательства государства в репродуктивную сферу [16, с. 88]. В период с 1967 по 1989 год в Социалистической Республике Румыния действовал комплекс законодательных актов, прямо запрещающих аборт и контрацепцию для женщин в возрасте до сорока лет [20]. Данные меры сопровождалась созданием разветвленной системы контроля за беременными женщинами, включая обязательные медицинские осмотры на рабочих местах и привлечение к ответственности как самих женщин, так и медицинских работников за проведение абортов [13, с. 118]. Фискальный компонент данной политики выражался в повышенном налогообложении бездетных граждан, а также граждан, имеющих менее установленного государством норматива количества детей. Современная правовая наука и международное право единодушно квалифицируют указанные меры как грубейшее нарушение фундаментальных прав человека, включая право на неприкосновенность частной жизни, право на свободу от дискриминации, право на охрану здоровья и репродуктивную автономию. Опыт румынской демографической политики демонстрирует не только правовую недопустимость, но и практическую

неэффективность репрессивных методов: краткосрочный всплеск рождаемости сменился глубоким демографическим и социальным кризисом, массовым ростом числа детей-сирот, увеличением материнской смертности и масштабной психологической травматизацией нескольких поколений румынских женщин.

Французская республиканская модель демографического регулирования признается в сравнительном правоведении одной из наиболее эффективных и одновременно наиболее уважаемых с точки зрения соблюдения прав человека. Французское законодательство, в частности налоговый кодекс Франции (*Code général des impôts*, вступил в силу с 1 января 1951 года), не содержит и никогда не содержало прямых фискальных санкций за бездетность. Вместо этого правовая система Франции на протяжении десятилетий последовательно совершенствует механизм семейного коэффициента при исчислении подоходного налога [17]. Сущность данного механизма заключается в следующем: совокупный налогооблагаемый доход домохозяйства делится на определенное количество частей, количество которых напрямую зависит от числа членов семьи. Одинокая бездетная семья из одного человека имеет право на одну часть. Супружеская пара без детей получает право на две части. При наличии детей количество частей увеличивается: каждый ребенок дает право на дополнительную половину части, а начиная с третьего ребенка - на целую часть. Поскольку французская шкала подоходного налога является прогрессивной, уменьшение налогооблагаемой базы за счет деления дохода на большее количество частей приводит к существенному снижению эффективной ставки налогообложения для семей с детьми [6, с. 15]. Данный механизм не создает дискриминационного разделения налогоплательщиков на классы по признаку репродуктивного выбора, не налагает дополнительного бремени на бездетных граждан, не требует от государства сбора и обработки деликатной информации о причинах бездетности. Он действует исключительно как система льгот для тех, кто принял решение о рождении и воспитании детей. При этом французское законодательство дополняет налоговые льготы разветвленной

системой прямых денежных пособий, выплачиваемых семьям с детьми независимо от уровня их доходов, а также масштабными инвестициями в инфраструктуру дошкольного образования и ухода за детьми. Именно этот комплекс мер, а не фискальные санкции, обеспечивает Франции лидирующие позиции в Европейском союзе по показателям суммарного коэффициента рождаемости.

Скандинавская модель демографической политики, реализуемая в Королевстве Швеция, Королевстве Норвегия, Королевстве Дания, Финляндской Республике и Республике Исландия, базируется на принципиально иных концептуальных основаниях, нежели фискальное стимулирование или наказание. Центральным элементом данной модели является не налоговая, а социально-инфраструктурная и гендерно-ориентированная политика [12, с. 120]. Скандинавские государства исторически отказались от идеи использования налоговой системы для прямого воздействия на репродуктивное поведение. Вместо этого они сформировали правовые и организационные механизмы, обеспечивающие фактическую возможность совмещения родительских и профессиональных обязанностей для обоих родителей. Ключевыми элементами скандинавской модели выступают: во-первых, система индивидуального, а не семейного налогообложения, исключающая налоговые преференции для брака и создающая равные условия для мужчин и женщин на рынке труда; во-вторых, развитая сеть общедоступных и высококачественных муниципальных дошкольных учреждений, функционирующих на принципах субсидирования родительской платы из бюджетных средств; в-третьих, гибкая система оплачиваемых отпусков по уходу за ребенком, значительная часть которых резервируется исключительно за отцом, что стимулирует более равномерное распределение семейных обязанностей и снижает дискриминацию женщин при найме и продвижении по службе; в-четвертых, активная политика на рынке труда, направленная на создание рабочих мест с неполным рабочим днем и гибким графиком. Корреляция между высоким уровнем рождаемости в скандинавских странах и отсутствием фискальных санкций за бездетность является не случайной, а за-

кономерной: правовые системы, уважающие автономию личности в репродуктивной сфере, добиваются лучших демографических результатов, чем системы, пытающиеся принудить граждан к деторождению через экономическое давление.

Британский опыт налоговой дифференциации 1894–1920 годов убедительно демонстрирует, что фискальное обложение граждан по критерию семейного положения неизбежно превращается из экономического инструмента в средство социальной стигматизации. В ходе публичных дебатов холостяки прямо именовались «неполноценными гражданами», уклоняющимися от долга перед государством, и были принуждены публично оправдывать свой жизненный выбор, обнажая интимные обстоятельства частной жизни [18]. Для современной России данный исторический урок имеет принципиальное значение: возрождение налога на бездетность не только вступит в противоречие со статьей 23 Конституции Российской Федерации, гарантирующей право на неприкосновенность частной жизни, но и воспроизведет порочную модель принудительного оправдания граждан перед государством.

Попытки обосновать налог на бездетность экономическими аргументами о необходимости перераспределения финансовых ресурсов от бездетных граждан в пользу семей с детьми являются уязвимыми с позиций конституционного права и теории прав человека. Такое перераспределение, осуществляемое в принудительном порядке на основе выделения граждан в особую категорию по критерию их семейного статуса и репродуктивного поведения, не может быть квалифицировано иначе, как форма коллективного взыскания или дискриминационного налогообложения. Принцип правового государства требует, чтобы налоговые обязательства граждан были соразмерны их экономической способности к уплате налога и не зависели от личностных характеристик, не имеющих прямого отношения к объекту налогообложения. Установление повышенного налога для бездетных граждан нарушает данный принцип, поскольку их платежеспособность определяется исключительно размером дохода, а не наличием или отсутствием детей. Более того, подобное перерас-

пределение вступает в противоречие с фундаментальным принципом семейного права, согласно которому обязанность по содержанию и воспитанию детей возлагается прежде всего на их родителей, и лишь субсидиарно на все общество через универсальные механизмы социального государства. Налог на бездетность конструирует принципиально иную модель, при которой ответственность за содержание чужих детей перекладывается на конкретную, выделенную по личностному признаку группу налогоплательщиков, что не имеет под собой ни экономического, ни этического, ни правового обоснования [15, с. 446].

Современное российское налоговое законодательство, вопреки распространенному заблуждению, уже содержит полноценный и конституционно механизм перераспределения налоговой нагрузки в пользу семей с детьми. Развитие и усиление именно этого механизма через увеличение размера вычетов и расширение категорий, имеющих на них право налогоплательщиков, представляет собой бесспорный путь совершенствования российской демографической политики.

Таким образом, комплексный сравнительно-правовой анализ международного опыта демографического регулирования приводит к однозначному выводу о недопустимости и бесперспективности введения налога на бездетность в правовой системе Российской Федерации. Данная фискальная мера не выдерживает проверку на соответствие фундаментальным критериям правового государства: уважению достоинства личности, неприкосновенности частной жизни, равенству всех перед законом и судом, соразмерности ограничений прав граждан конституционно значимым целям. Налог на бездетность представляет собой архаичный, связанный с авторитарными политическими режимами инструмент принудительного государственного патернализма, доказавший свою фактическую неэффективность и правовую несостоятельность. Зарубежные модели демографической политики - германская, французская, скандинавская, делают акцент на создании благоприятных условий для реализации репродуктивных планов граждан, на устранении

объективных барьеров, препятствующих рождению и воспитанию детей, на формировании в обществе атмосферы уважения к семье и родительству. Эти модели не наказывают за отсутствие детей, а последовательно и щедро поддерживают тех, кто принимает на себя ответственность за их воспитание. Для Российской Федерации, конституционно провозгласившей себя правовым и социальным государством, верным и единственно конституционно корректным путем решения демографических проблем является не возрождение советского фискального инструмента, унаследованного от эпохи тотальной мобилизации и огосударствления личности, а последовательное совершенствование и расширение целостной системы мер позитивной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства. Именно этот путь позволяет гармонично сочетать достижение публичных демографических целей с безусловным соблюдением и эффективной защитой фундаментальных прав и свобод каждого гражданина, что и составляет сущностную характеристику правового государства.

Заключение

1. Первоначальное введение налога на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР в 1941 году было обусловлено не столько фискальными потребностями военного времени, сколько стремлением государства к формированию устойчивой модели мобилизационной демографической политики, основанной на принудительном стимулировании рождаемости.

2. Анализ нормативно-правовой базы выявляет прямую зависимость между ужесточением налогового бремени на бездетных граждан и расширением системы государственных пособий многодетным матерям, что свидетельствует о формировании механизма перераспределения доходов между различными демографическими группами населения.

3. Практика применения налога обнаруживает существенный разрыв между декларируемыми целями (стимулирование рождаемости) и фактическими результатами: отсутствие убедительных

демографических эффектов при одновременном устойчивом воспроизводстве налоговой дискриминации по признаку семейного положения и наличия детей.

4. Сужение сферы действия налога в 1950-е годы и последующая его отмена в 1992 году находятся в прямой зависимости от исчезновения мобилизационной модели экономики, изменения репродуктивных стратегий населения и осознания несовместимости налоговой дискриминации с декларируемыми принципами социальной справедливости.

5. Научная новизна работы заключается в триедином анализе налога на бездетность (историко-правовой, конституционно-правовой и сравнительно-правовой), позволившем классифицировать зарубежные модели и обосновать конституционные критерии недопустимости фискального воздействия на репродуктивное поведение. Перспективы дальнейшего исследования связаны с анализом эффективности действующих мер поддержки семей в регионах РФ, мониторингом общественного мнения и разработкой предложений по совершенствованию налоговых вычетов на детей.

Благодарность. Авторы выражают благодарность своему научному руководителю – преподавателю кафедры теории права и публично-правовых дисциплин Рязанского государственного университета – Антону Геннадиевичу Монетову за ценные советы при планировании исследования и рекомендации по оформлению статьи.

Список литературы

1. Андреева, Е. А. (2017). Нужен ли России налог на бездетность? *Матрица научного познания*, (11), с. 29–35. EDN: <https://elibrary.ru/ZUFOOV>
2. Григорьев, И. А. (2017). Налог на холостяков в исторической ретроспективе. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, (2) (76), с. 66–68. EDN: <https://elibrary.ru/XVHUIP>
3. Грошев, С. Н. (2022). Налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан в СССР. К вопросу о правах мужчин. *Вестник Московского университета МВД России*, (4), с. 68–71. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-68-71>. EDN: <https://elibrary.ru/RYFKNO>

4. Данюкова, А. В. (2025). Осмысление практики применения налога на бездетность как основа для будущих налоговых реформ. В: *Современные инструменты налогового регулирования в условиях трансформации социально-экономических процессов: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Ростов-на-Дону, 4 дек. 2024 г.* (с. 53–58). Ростов-на-Дону: Изд-во РГЭУ (РИНХ). EDN: <https://elibrary.ru/TMYOWW>
5. Егузеква, А. А. (2023). Практика применения мер позитивной дискриминации в зарубежных странах. В: *Эволюция российского права: Материалы XXI Международной научной конференции молодых учёных и студентов, Екатеринбург, 28 апреля 2023 года* (с. 478–489). Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева. EDN: <https://elibrary.ru/ALDAZS>
6. Зотиков, Н. З. (2020). Налоговая система Франции, её особенности. *Вестник евразийской науки*, 12(6), с. 15. EDN: <https://elibrary.ru/UAOFWA>
7. Исламов, Д. Р. (2025). Налог на бездетность как ответ на актуальные вызовы демографической политики современной России. В: *Шаг в науку: Сборник тезисов докладов отчётной научно-практической конференции, Москва, 28–30 мая 2025 года* (с. 293–299). Москва: Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова. EDN: <https://elibrary.ru/NGUDTR>
8. Левченко, Е. А. (2016). Социальная защита отдельных категорий граждан в странах ЕС: опыт Германии. *Экономика труда*, 3(4), с. 371–380. <https://doi.org/10.18334/et.3.4.37138>. EDN: <https://elibrary.ru/XVLVRV>
9. Морозова, О. В. (2017). Поможет ли налог на бездетность решению демографической проблемы? *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, (4) (53), с. 81–87. EDN: <https://elibrary.ru/YSJKBX>
10. Проездова, А. Д. (2024). Налог на бездетность. Пережиток прошлого или необходимость. В: *Векторы развития современной науки: Сборник статей III Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 30 мая 2024 года* (с. 219–224). Петрозаводск: Международный центр научного партнёрства «Новая Наука». EDN: <https://elibrary.ru/MCYDAH>
11. Ростовская, Т. К., & Васильева, Е. Н. (2021). Семейно-демографическая политика в контексте воспроизводства населения (страновой обзор). *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*, 29(5), с. 1111–1116. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-5-1111-1116>. EDN: <https://elibrary.ru/BAZONE>
12. Субхангулова, К. А. (2023). Семейная политика скандинавских стран: реакция на демографические вызовы. *Социально-трудовые исследования*, (1) (50), с. 117–130. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-50-1-117-130>. EDN: <https://elibrary.ru/BQLSLC>
13. Тимофеева, О. В. (2022). От запрета к отказу: метаморфозы решения вопроса об абортгах в Румынии. *Вестник Прикамского социального института*, (3) (93), с. 116–123. EDN: <https://elibrary.ru/ZVWNUV>

14. Чепик, О. В. (2023). К вопросу взимания НДФЛ и налога на бездетность: исторический и современный аспект. *Управленческий учёт, (1)*, с. 251–257. <https://doi.org/10.25806/uu12023251-257>. EDN: <https://elibrary.ru/VXZKAF>
15. Шибанова, К. К. (2024). Налог на бездетность: за и против. В: *Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых учёных: Материалы Национальной научно-практической студенческой конференции, Брянск, 18–19 декабря 2024 года* (с. 442–446). Брянск: Брянский государственный университет им. акад. И. Г. Петровского. EDN: <https://elibrary.ru/SLRVXI>
16. Enescu, A. G. (2021). The implication of demographics on the Romanian pension system. *Bulletin of the Transilvania University of Brasov Series V Economic Sciences, (14) (63)*, pp. 85–94. <https://doi.org/10.31926/but.es.2021.14.63.2.10>. EDN: <https://elibrary.ru/JEJIEH>
17. Brunori, P., Maitino, M. L., Ravagli, L., & Sciclone, N. (2020). French do it better. The distributive effect of introducing French family fiscal policies in Italy. *International Journal of Microsimulation, 13(1)*, pp. 2–18. <https://doi.org/10.34196/ijm.00210>. EDN: <https://elibrary.ru/UKJKBU>
18. Haslam, P. (2025). Debating the Bachelor Tax: Masculinity and the Politics of Taxation in Britain, 1894–1920. *Modern British History, 36(3)*, hwa013. <https://doi.org/10.1093/tcbh/hwa013>. EDN: <https://elibrary.ru/RYHTCS>
19. Ironside, K. (2017). Between Fiscal, Ideological, and Social Dilemmas: The Soviet ‘Bachelor Tax’ and Post-war Tax Reform, 1941–1962. *Europe-Asia Studies, 69(6)*, pp. 855–878. <https://doi.org/10.1080/09668136.2017.1344189>. EDN: <https://elibrary.ru/YHVOXB>
20. Zvîncă, G. (2022). Vlad PAȘCA OPRIȘIU Cincinalu n patru ani și jumătate (1971–1975). Nicolae Ceaușescu și economia României socialiste, de la tentații tehnocratice la primatul politicului. *Acta Musei Napocensis. Historica, 58*, pp. 320–322. <https://doi.org/10.54145/actamn.58.18>. EDN: <https://elibrary.ru/BKTBGV>

References

1. Andreeva, E. A. (2017). Does Russia need a childlessness tax? *Matrix of Scientific Knowledge, (11)*, 29–35. EDN: <https://elibrary.ru/ZUFOOV>
2. Grigoriev, I. A. (2017). The bachelor tax in historical retrospect. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of Theory and Practice, (2)(76)*, 66–68. EDN: <https://elibrary.ru/XVHUIP>
3. Groshev, S. N. (2022). The bachelor, single and small-family tax in the USSR: On the issue of men’s rights. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, (4)*, 68–71. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-68-71>. EDN: <https://elibrary.ru/RYFKNO>
4. Danyukova, A. V. (2025). Understanding the practice of applying the childlessness tax as a basis for future tax reforms. In: *Modern tools of tax regulation in the context*

- of transformation of socio-economic processes: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, December 4, 2024* (pp. 53–58). Rostov-on-Don: Publishing House of Rostov State Economic University (RINH). EDN: <https://elibrary.ru/TMYOWV>
5. Yeguzekova, A. A. (2023). The practice of applying positive discrimination measures in foreign countries. In: *Evolution of Russian law: Proceedings of the XXI International Scientific Conference of Young Scientists and Students, Yekaterinburg, April 28, 2023* (pp. 478–489). Yekaterinburg: Ural State Law University named after V.F. Yakovlev. EDN: <https://elibrary.ru/ALDAZS>
 6. Zotikov, N. Z. (2020). The tax system of France and its features. *Bulletin of Eurasian Science*, 12(6), 15. EDN: <https://elibrary.ru/UAOFWA>
 7. Islamov, D. R. (2025). The childlessness tax as a response to current challenges of modern Russia's demographic policy. In: *Step into Science: Collection of abstracts of the reporting scientific and practical conference, Moscow, May 28–30, 2025* (pp. 293–299). Moscow: Plekhanov Russian University of Economics. EDN: <https://elibrary.ru/NGUDTR>
 8. Levchenko, E. A. (2016). Social protection of certain categories of citizens in EU countries: The German experience. *Labour Economics*, 3(4), 371–380. <https://doi.org/10.18334/et.3.4.37138>. EDN: <https://elibrary.ru/XVLRV>
 9. Morozova, O. V. (2017). Will a childlessness tax help solve the demographic problem? *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, (4)(53), 81–87. EDN: <https://elibrary.ru/YSJKBX>
 10. Proezdova, A. D. (2024). The childlessness tax: A relic of the past or a necessity? In: *Vectors of development of modern science: Collection of articles of the III International Scientific and Practical Conference, Petrozavodsk, May 30, 2024* (pp. 219–224). Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership “New Science”. EDN: <https://elibrary.ru/MCYDAH>
 11. Rostovskaya, T. K., & Vasilieva, E. N. (2021). Family and demographic policy in the context of population reproduction: A country review. *Problems of Social Hygiene, Healthcare and History of Medicine*, 29(5), 1111–1116. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-5-1111-1116>. EDN: <https://elibrary.ru/BAZONE>
 12. Subkhangulova, K. A. (2023). Family policy in Scandinavian countries: Response to demographic challenges. *Social and Labour Research*, (1)(50), 117–130. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-50-1-117-130>. EDN: <https://elibrary.ru/BQLSLC>
 13. Timofeeva, O. V. (2022). From prohibition to refusal: Metamorphoses in addressing the abortion issue in Romania. *Bulletin of the Prikamsky Social Institute*, (3)(93), 116–123. EDN: <https://elibrary.ru/ZVWNUV>
 14. Chepik, O. V. (2023). On the issue of collecting personal income tax and childlessness tax: Historical and modern aspects. *Management Accounting*, (1), 251–257. <https://doi.org/10.25806/uu12023251-257>. EDN: <https://elibrary.ru/VXZKAF>

15. Shibanova, K. K. (2024). Childlessness tax: Pros and cons. In: *Actual problems of modern science: A view of young scientists: Proceedings of the National Scientific and Practical Student Conference, Bryansk, December 18–19, 2024* (pp. 442–446). Bryansk: Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. EDN: <https://elibrary.ru/SLRVXI>
16. Enescu, A. G. (2021). The implication of demographics on the Romanian pension system. *Bulletin of the Transilvania University of Brasov Series V: Economic Sciences*, (14)(63), 85–94. <https://doi.org/10.31926/but.es.2021.14.63.2.10>. EDN: <https://elibrary.ru/JEJIEH>
17. Brunori, P., Maitino, M. L., Ravagli, L., & Sciclone, N. (2020). French do it better. The distributive effect of introducing French family fiscal policies in Italy. *International Journal of Microsimulation*, 13(1), pp. 2–18. <https://doi.org/10.34196/ijm.00210>. EDN: <https://elibrary.ru/UKJKBU>
18. Haslam, P. (2025). Debating the bachelor tax: Masculinity and the politics of taxation in Britain, 1894–1920. *Modern British History*, 36(3), hwaf013. <https://doi.org/10.1093/tcbh/hwaf013>. EDN: <https://elibrary.ru/RYHTCS>
19. Ironside, K. (2017). Between fiscal, ideological, and social dilemmas: The Soviet ‘bachelor tax’ and post-war tax reform, 1941–1962. *Europe-Asia Studies*, 69(6), 855–878. <https://doi.org/10.1080/09668136.2017.1344189>. EDN: <https://elibrary.ru/YHVOXB>
20. Zvîncă, G. (2022). Vlad PAȘCA OPRIȘIU Cincinalu n patru ani și jumătate (1971–1975): Nicolae Ceaușescu și economia României socialiste, de la tentații tehnocratice la primatul politicului. *Acta Musei Napocensis. Historica*, 58, 320–322. <https://doi.org/10.54145/actamn.58.18>. EDN: <https://elibrary.ru/BKTBGV>

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Кухто Мария Ивановна, студент 4 курса юридического института

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

ул. Свободы, 46, г. Рязань, Рязанская область, 390000, Российская Федерация

kuhtomaria049@gmail.com

Чикова Валерия Павловна, студент 4 курса юридического института

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

ул. Свободы, 46, г. Рязань, Рязанская область, 390000, Российская Федерация

lera.vasyutina.05@bk.ru

Аровина Карина Владимировна, студент 4 курса юридического института

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

ул. Свободы, 46, г. Рязань, Рязанская область, 390000, Российская Федерация

k.arovina@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Maria I. Kukhto, Student, Institute of Law

S.A. Yesenin Russian State University

46, Svobody Str., Ryazan, Ryazan Oblast, 390000, Russian Federation

kuhtomaria049@gmail.com

Valeria P. Chikova, Student, Institute of Law

S.A. Yesenin Russian State University

46, Svobody Str., Ryazan, Ryazan Oblast, 390000, Russian Federation

lera.vasyutina.05@bk.ru

Karina V. Arovina, Student, Institute of Law

S.A. Yesenin Russian State University

46, Svobody Str., Ryazan, Ryazan Oblast, 390000, Russian Federation

k.arovina@mail.ru

Поступила 15.02.2026

После рецензирования 02.03.2026

Принята 17.03.2026

Received 15.02.2026

Revised 02.03.2026

Accepted 17.03.2026

Публично-правовые науки / Public Law Sciences

Научная статья

Original article

DOI: 10.12731/2576-9634-2026-10-1-264

EDN: XISNKL

УДК 349.2

Проблемы реализации норм о рабочем времени и времени отдыха в сфере автомобильного транспорта: правовой аспект

Н.Д. Берман, Е.В. Кукушкина

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Актуальность темы обусловлена ростом числа нарушений в сфере регулирования труда водителей автомобильного транспорта, что напрямую влияет на уровень безопасности дорожного движения. В условиях интенсификации перевозок распространены случаи несоблюдения режимов труда и отдыха, ведущие к переутомлению водителей, аварийности и административной ответственности работодателей. Проблема усугубляется сложностью применения общих норм Трудового кодекса РФ к специальным требованиям, установленным для водителей.

Цель. Целью работы является выявление системных проблем в правовом регулировании рабочего времени и времени отдыха водителей, управляющих автомобилями в рамках трудовых обязанностей, и индивидуальных предпринимателей, самостоятельно управляющих принадлежащими им автомобилями, разработка практических рекомендаций по совершенствованию правоприменительной практики автотранспортных предприятий.

Метод. В исследовании использовались общенаучные методы (анализ, синтез), а также частно-научные методы: формально-юридический для детального анализа правовых норм и метод анализа судебной практики для выявления типичных споров и коллизий.

Результаты. В результате исследования установлено, что ключевые проблемы связаны с некорректным применением суммированного учета рабочего времени, учетом и оплатой сверхурочных работ, а также неоднозначностью трактовки «режима управления» автомобилем. В результате анализа действующего законодательства и правоприменительной практики сформулированы предложения по совершенствованию нормативной базы и локальных актов предприятий, а также даны рекомендации по выстраиванию системы учёта для минимизации правовых рисков.

Область применения результатов. Результаты проведенного исследования проблем реализации норм о рабочем времени и времени отдыха водителей автомобильного транспорта имеют теоретическое и практическое значение и могут быть использованы в различных сферах юридической деятельности и правоприменения.

Ключевые слова: рабочее время; время отдыха; водители автомобильного транспорта; суммированный учет рабочего времени; тахограф; режим труда и отдыха; трудовые права; судебная практика

Для цитирования. Берман, Н. Д., & Кукушкина, Е. В. (2026). Проблемы реализации норм о рабочем времени и времени отдыха в сфере автомобильного транспорта: правовой аспект. *Russian Studies in Law and Politics / Российские исследования. Право и политика*, 10(1), 54-82. <https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-1-264>

Problems of implementing working hours and rest time regulations in the road transport sector: a legal aspect

N.D. Berman, E.V. Kukushkina

Pacific National University, Khabarovsk, Russian Federation

Abstract

Background. The relevance of this topic is due to the increasing number of violations in the area of labor regulation for drivers of motor vehicles, which directly impacts road safety. With the intensification of transportation, cases of non-compliance with work and rest schedules are common, leading to driver fatigue, accidents, and administrative liability for employers. The problem is compounded by the difficulty of applying the general provisions of the Labor Code of the Russian Federation to the specific requirements established for drivers.

Purpose. The aim of this study is to identify systemic problems in the legal regulation of working hours and rest periods for drivers operating vehicles as part of their job responsibilities, and for individual entrepreneurs independently driving their own vehicles, and to develop practical recommendations for improving the enforcement practices of motor transport enterprises.

Method. The study utilized general scientific methods (analysis and synthesis), as well as specific scientific methods: a formal legal approach for a detailed analysis of legal norms and an analysis of judicial practice to identify typical disputes and conflicts.

Results. The study revealed that key problems relate to the inaccurate application of summarized working time records, the recording and payment of overtime, and the ambiguous interpretation of the “driving mode” of a vehicle. An analysis of current legislation and law enforcement practices led to proposals for improving the regulatory framework and local regulations of enterprises, as well as recommendations for developing an accounting system to minimize legal risks.

Practical implications. The results of this study on the implementation of regulations on working hours and rest time for drivers have theoretical and practical significance and can be used in various areas of legal practice and law enforcement.

Keywords: working hours; rest time; drivers; summarized working time records; tachograph; work and rest regime; labor rights; judicial practice

For citation. Berman, N. D., & Kukushkina, E. V. (2026). Problems of implementing working hours and rest time regulations in the road transport sector: a legal aspect. *Russian Studies in Law and Politics*, 10(1), 54-82. <https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-1-264>

Введение

Актуальность темы настоящего исследования не вызывает сомнений в свете современных вызовов, стоящих перед автотранспортной отраслью. Анализ статистических показателей за 2025 год подтверждает тренд на увеличение автомобильных перевозок в условиях структурной перестройки транспортной системы России. По данным Росстата, по итогам прошедшего года автомобильным транспортом перевезено 6 864,5 млн тонн грузов, что на 1,3% превышает показатель 2024 года, а грузооборот продемонстрировал рост на 2,9% год к году [1]. На фоне роста автомобильных перевозок другие виды транспорта демонстрируют снижение объемов. Суммарное снижение объемов на железнодорожном и внутреннем водном транспорте (76,7 млн тонн) практически полностью компенсируется приростом на автомобильных магистралях (79,5 млн тонн), что свидетельствует о прямом перетоке грузов и нарастающей интенсивности использования автотранспорта. Автомобильный транспорт в общем объеме грузоперевозок является массовым видом транспорта с долей 82,5% [2]. Парадоксально, но интенсификация сопровождается массовым уходом перевозчиков с рынка, что усиливает нагрузку на оставшихся. Например, прогнозируемый отток водителей такси в 2026 г. 200 тыс. человек (20% от общего числа 1 млн) из-за требований по локализации автомобилей, наиболее уязвимой группой окажутся водители, работающие на собственных машинах (более 700 тыс. автомобилей физлиц, 79% из которых не соответствуют новым требованиям). Сокращение числа перевозчиков при сохранении (и даже росте)

спроса означает, что оставшиеся водители вынуждены работать с повышенной интенсивностью, что увеличивает риски нарушений режима труда и отдыха. Ужесточение конкуренции и давление логистических сроков также создают предпосылки для систематических нарушений в сфере труда водителей. Ключевым аспектом данной проблемы является несоблюдение установленных законодательством норм о рабочем времени и времени отдыха, что напрямую приводит к переутомлению водителей, снижению концентрации внимания и, как следствие, к росту аварийности на дорогах. Официальная статистика аварийности за январь-октябрь 2025 года показывает, что почти 89 % ДТП с пострадавшими обусловлены действиями водителей. Дополнительную остроту проблеме придает усиление государственного контроля со стороны Федеральной службы по труду и занятости (Роструд) и Федеральной службы по надзору в сфере транспорта (Ространнадзор), а также увеличение числа судебных споров между водителями и работодателями, связанных с оплатой сверхурочной работы и непредоставлением отдыха. Таким образом, поиск эффективных механизмов для обеспечения правового соответствия в данной области представляет собой насущную практическую задачу. Проблематика правового регулирования труда водителей автомобильного транспорта традиционно находится в фокусе внимания специалистов в области трудового и административного права, социального обеспечения [3-5]. Проблемой является также существующее противоречие между общими гарантиями, предоставляемыми трудовым законодательством, и практическими сложностями их реализации в специфической деятельности водителей автомобильного транспорта. Это порождает множество спорных ситуаций, связанных с применением суммированного учета рабочего времени, квалификацией и оплатой сверхурочных работ, а также корректным учетом времени управления транспортным средством с помощью тахографов. В последние годы наблюдается активизация научного дискурса по данной теме, что связано с существенным обновлением нормативной базы, в частности, с принятием Приказа Министерства транспорта Российской Федерации от 16.10.2020 №

424 «Об утверждении Особенности режима рабочего времени и времени отдыха, условий труда водителей автомобилей», а также с изменением подходов к контрольно-надзорной деятельности [6]. Вместе с тем, анализ научной литературы показывает, что многие проблемы остаются недостаточно изученными. В частности, требуют дополнительного осмысления вопросы коллизии общих и специальных норм при регулировании перерывов в работе, правовые риски при ведении суммированного учета, а также проблемы двойной ответственности, возникающие при правовой квалификации деяний по статьям 5.27 и 11.23 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) [7].

Целью исследования является комплексный анализ правовых норм, регулирующих режим рабочего времени и времени отдыха водителей, выявление системных проблем в правоприменительной практике и разработка на этой основе практических рекомендаций для автотранспортных предприятий.

Методологическую основу работы составил комплекс общенаучных и научно-научных методов. В их числе: анализ и синтез, системный подход, формально-юридический метод, позволивший детально исследовать структуру правовых норм, а также метод анализа судебной практики, направленный на выявление устойчивых правовых позиций и типичных конфликтов.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе проблем реализации норм о рабочем времени и времени отдыха в сфере автомобильного транспорта с учётом современных технологических и социально-экономических изменений, систематизированы факторы, препятствующие соблюдению установленных нормативов (включая влияние цифровых платформ заказа перевозок), выявлены пробелы в правовом регулировании режимов труда водителей, предложены подходы к гармонизации требований трудового и транспортного законодательства, а также разработаны предложения изменения локальных нормативных актов предприятий с позиции минимизации правовых рисков и повышения безопасности дорожного движения, что в совокупности формирует методологическую

основу для дальнейшего развития нормативной базы и практики её применения в динамично меняющихся условиях отрасли.

Практическая значимость исследования проблем реализации норм о рабочем времени и времени отдыха в сфере автомобильного транспорта и разработка предложений по совершенствованию нормативной базы и локальных актов предприятий позволят повысить безопасность дорожного движения за счёт сокращения числа ДТП, вызванных переутомлением водителя, кроме того, внедрение разработанных рекомендаций будут способствовать улучшению условий труда, снижению профессионального выгорания и росту общей эффективности автотранспортной отрасли.

Результаты и обсуждение

Правовое регулирование труда водителей автомобильного транспорта представляет собой сложный, многоуровневый комплекс норм, объединяющий общие положения трудового законодательства и специальные отраслевые требования, обусловленные повышенными рисками и спецификой эксплуатации источников повышенной опасности. основополагающим актом, закрепляющим общие гарантии для всех работников, является Трудовой кодекс Российской Федерации (ТК РФ) [8]. В частности, глава 16 ТК РФ регламентирует общие понятия и виды рабочего времени, а глава 17 – время отдыха, ст. 329 предусматривает возможность установления особенностей регулирования труда работников, непосредственно связанных с движением транспортных средств. Ключевые принципы, такие как нормальная продолжительность рабочего времени (не более 40 часов в неделю), необходимость предоставления перерывов и ежегодного оплачиваемого отпуска, создают фундамент правового статуса любого работника, включая водителя.

Однако в силу объективной специфики транспортной деятельности, характеризующейся непрерывностью, пространственной рассредоточенностью и зависимостью от внешних факторов (дорожная обстановка, погодные условия), общих норм оказалось недостаточно для обеспечения баланса между интересами работодателя в эффек-

тивности перевозок и правом работника на безопасные условия труда. Это объективное противоречие разрешается через механизм специального регулирования, центральным элементом которого выступает Приказ Минтранса России от 16.10.2020 N 424 (ред. от 12.01.2022) «Об утверждении Особенности режима рабочего времени и времени отдыха, условий труда водителей автомобилей» [9]. В 2022 году в документ были внесены изменения, которые включают регулирование труда индивидуальных предпринимателей – добавлены положения, прямо устанавливающие, что водители, являющиеся ИП и управляющие автомобилем самостоятельно, обязаны соблюдать установленные нормативы (продолжительность рабочего времени, разделение рабочего дня и др.), закреплено понятие «ежедневного периода», означающее «период времени, не превышающий 24 часов, ограниченный началом рабочего времени водителя и временем применения ежедневного отдыха», уточнен перечень исключений. Важную роль играют отраслевые соглашения, заключаемые между объединениями работодателей и профсоюзами. Например, Отраслевое соглашение по автомобильному и городскому наземному пассажирскому транспорту, которое может устанавливать дополнительные гарантии для работников, конкретизировать порядок применения норм Приказа № 424 с учетом мнения представительного органа работников [10]. На организационном уровне разрабатываются и вводятся в действие локальные нормативные документы: Положения об оплате труда, Правила внутреннего трудового распорядка, графики сменности (при сменной работе), локальные акты о разделении рабочего дня на части, акты, устанавливающие продолжительность подготовительно-заключительного времени и времени медосмотров.

Выделение труда водителей в особую категорию с установлением специальных правил регулирования обусловлено объективными факторами, связанными с характером выполняемой работы и потенциальной опасностью, которую создает утомленный водитель для окружающих. Водитель управляет источником повышенной опасности. Его утомление, снижение внимания, замедление реакции могут привести к тяжким последствиям – гибели и травмированию

людей, значительному материальному ущербу. Это требует жесткого нормирования времени управления и обязательных перерывов. Продолжительность рейса может зависеть от дорожных, погодных условий, задержек при погрузке/разгрузке. Это объективно требует применения суммированного учета рабочего времени и гибких режимов. Кроме того, рабочее время водителя не сводится только к управлению автомобилем. Оно включает многочисленные дополнительные операции такие, как ожидание погрузки, устранение неисправностей, медицинские осмотры, подготовительно-заключительные работы. Это требует особого подхода к учету и оплате таких периодов [11]. Труд водителя протекает в условиях воздействия вибрации, шума, изменяющихся погодных условий, вынужденной рабочей позы, повышенного нервно-эмоционального напряжения. Это объективно повышает утомляемость и требует увеличенных периодов отдыха для восстановления [12]. Работа водителя часто связана с длительным отсутствием в месте постоянного проживания (междугородние и международные перевозки), что создает специфику в обеспечении права на отдых и требует особых подходов к организации междусменного и еженедельного отдыха.

Круг лиц, на которых распространяется действие специальных норм, определен в Приказе № 424 достаточно широко. Это водители, управление автомобилем для которых является трудовой функцией, независимо от вида перевозок (грузовые, пассажирские, такси), за исключением прямо перечисленных категорий. Особого внимания заслуживает включение в сферу регулирования индивидуальных предпринимателей, управляющих автомобилем самостоятельно. Ранее их труд в этой части не был столь детально регламентирован, что создавало пробел в обеспечении безопасности, поскольку коммерческие перевозки, осуществляемые ИП, представляют не меньшую опасность, чем перевозки наемными работниками. В настоящее время Приказ № 424 прямо устанавливает, что такие водители обязаны соблюдать нормативы рабочего времени и времени отдыха (не превышать нормального числа рабочих часов за месячный учетный период, соблюдать режим перерывов и пр.).

Определение рабочего времени водителя содержится в пункте 9 Приказа Минтранса № 424 – «рабочее время водителя включает время управления автомобилем, время специальных перерывов для отдыха от управления автомобилем, время работы, не связанной с управлением автомобилем». Нормирование времени управления имеет ключевое значение для предотвращения утомления, а специальные перерывы являются обязательными периодами отдыха, которые водитель должен сделать в процессе управления для предотвращения накопления утомления. Эти перерывы включаются в рабочее время и оплачиваются. Специальный перерыв является императивным требованием, неисполнение которого влечет нарушение режима труда и отдыха и может быть зафиксировано тахографом. Порядок регулирования времени работы, не связанного с управлением автомобилем, подробно изложен в пункте 15 Приказа № 424. В силу особенностей транспортной деятельности, в частности при осуществлении междугородних перевозок, зачастую невозможно обеспечить соблюдение установленной ежедневной или еженедельной продолжительности рабочего времени. В подобных ситуациях применяется суммированный учёт рабочего времени, при котором стандартный учётный период составляет один месяц, при этом по согласованию с представительным органом работников данный период может быть продлён до трёх месяцев. Пункт 7 Приказа № 424 допускает «с согласия водителей разделение рабочего дня (смены) на части». Это актуально для водителей, работающих на городских маршрутах с неравномерным пассажиропотоком (например, «утренние» и «вечерние» часы пик). Таким образом, теоретико-правовая конструкция регулирования труда водителей базируется на балансе двух ключевых элементов: детального нормирования рабочего времени (с выделением периодов управления и иной работы) и императивного закрепления минимальной продолжительности различных видов отдыха [13]. Изменения в законодательстве демонстрируют тенденцию к большей гибкости (увеличение учетного периода до 3 месяцев, возможность сокращения междусменного отдыха до 9 часов при сохранении 45-часового еженедельного отдыха) при

одновременном ужесточении контроля за соблюдением этих норм (распространение требований на ИП, обязательное применение тахографов). Это отражает стремление государства учесть экономические реалии транспортной отрасли, не снижая требований безопасности дорожного движения.

Правовое регулирование перерывов в работе водителей автомобильного транспорта представляет собой классический пример соотношения общей и специальной нормы, где возникают существенные сложности правоприменения. Согласно части 1 статьи 108 ТК РФ, работодатель обязан предоставить работнику в течение рабочего дня (смены) перерыв для отдыха и питания. Законодатель устанавливает границы его длительности: не менее 30 минут и не более 2 часов, при этом указанный перерыв не включается в рабочее время. Данное правило распространяется на всех работников, включая водителей. По специальной норме согласно пункту 13 Приказа Минтранса № 424, законодатель устанавливает обязательное требование: по истечении 4 часов 30 минут управления автомобилем водитель обязан взять перерыв длительностью не менее 45 минут для отдыха от процесса управления транспортным средством. Ключевое отличие этого перерыва от обычного обеденного заключается в том, что он включается в рабочее время и оплачивается. На практике возникает коллизия: могут ли эти два вида перерывов «накладываться» друг на друга, и если да, то каким образом следует обеспечивать соблюдение обеих норм? Официальная позиция, отраженная в разъяснениях Роструда, заключается в том, что работодатель вправе объединить эти перерывы [14]. При совмещении перерывов необходимо обеспечить соблюдение минимальных нормативов, если водитель использует обеденный перерыв по истечении 4 часов 30 минут управления, его продолжительность должна составлять не менее 46 минут. Это обусловлено тем, что ст. 108 ТК РФ устанавливает минимальную длительность перерыва для отдыха и питания в 30 минут, а п. 13 Приказа № 424 – минимальную продолжительность специального перерыва для отдыха от управления в 45 минут. И для одновременного удовлетворения обеих норм перерыв должен длиться не менее 45 минут (с учетом того, что специ-

альный перерыв является более длительным). Проблема усугубляется тем, что водители часто воспринимают любую остановку как время отдыха, независимо от ее продолжительности, что создает риски при проверках контролирующих органов [15].

Наибольшую сложность в правоприменительной практике вызывает вопрос о том, возможно ли суммировать несколько коротких остановок для выполнения требования о 45-минутном специальном перерыве. Согласно Приказу № 424 специальный перерыв может быть разделён на несколько частей «первая часть перерыва должна быть не менее 15 минут, последняя часть – не менее 30 минут, а для водителей, занятых на регулярных перевозках пассажиров и багажа в городском и пригородном сообщении, каждая часть перерыва должна быть не менее 10 минут». Однако на практике возникает ситуация, когда водитель делает несколько коротких остановок (например, 5-7 минут каждая) для разминки, перекуса или иных нужд, полагая, что в сумме они составят необходимые 45 минут отдыха. Контролирующие органы и суды оценивают такие ситуации неоднозначно. Система электронных сервисов «Онлайнинспекция.рф» не допускает суммирование коротких остановок продолжительностью менее установленного минимума (15 минут для первой части, 30 минут для последней) [16]. Требование о минимальной продолжительности каждой части перерыва является императивным и не может быть проигнорировано. Если водитель сделал три остановки по 15 минут, это не будет считаться выполнением требования о 45-минутном перерыве, поскольку отсутствует последняя часть продолжительностью не менее 30 минут. Данные тахографа объективно показывают периоды движения и остановок, и контролирующий орган исходит из формальных требований, а не из субъективного восприятия водителя. Работодателям необходимо проводить соответствующий инструктаж водителей для профилактического воздействия и контролировать соблюдение именно требований о минимальной продолжительности каждой части перерыва [17].

Суммированный учет рабочего времени является основным механизмом, позволяющим адаптировать общие нормы трудового за-

конодательства к специфике транспортной деятельности. Однако его применение сопряжено с рядом сложностей и правовых рисков. На практике выбор учетного периода вызывает существенные затруднения у работодателей, поскольку необходимо учитывать множество факторов. Для пассажирских перевозок (городские и пригородные маршруты) характерна сезонность пассажиропотока: в летний период количество рейсов увеличивается, в зимний – снижается. Установление учетного периода в три месяца позволяет сгладить эти колебания и избежать сверхурочных работ в пиковые сезоны. Однако трехмесячный учетный период требует сложного планирования и детального учета, с чем справляются не все работодатели.

Составление графиков сменности для водителей регламентируется ст. 103 ТК РФ, согласно которой «графики сменности доводятся до сведения работников не позднее чем за один месяц до введения их в действие». Практика правоприменения выявляет типичные нарушения и связанные с ними риски. Многие работодатели составляют графики в конце месяца, непосредственно перед началом следующего, и знакомят с ними водителей за несколько дней или даже накануне. Государственная инспекция труда квалифицирует это как нарушение ч. 4 ст. 103 ТК РФ, что влечет административную ответственность по ч. 1 ст. 5.27 КоАП РФ (предупреждение или штраф до 50 000 рублей для юридических лиц) [18]. Судебная практика по вопросу о том, освобождает ли нарушение срока ознакомления работника от обязанности соблюдать график, неоднозначна. С одной стороны, Восьмой кассационный суд общей юрисдикции в определении от 11.06.2020 № 88-6905/2020 указал, что «нарушение работодателем требований ч. 4 ст. 103 ТК РФ (ознакомление с графиком позднее месяца) не является основанием для работника не выходить на работу или выходить в дни, установленные прежним графиком», а факт невыполнения работником трудовых обязанностей обладает юридической значимостью [19]. С другой стороны, в Апелляционном определении Верховного суда Республики Алтай от 22.03.2023 по делу № 33-221/2023 указано, что увольнение работника за прогул признано неправомерным. Основанием послужило отсутствие над-

лежащего ознакомления работника с графиком дежурств, а также недоказанность факта осведомлённости работника о времени начала смен – соответствующие доказательства в материалах дела отсутствовали. [20]. При отсутствии документального подтверждения того, что работник был ознакомлен с графиком под подпись, у него появляется правовое основание в ходе судебного разбирательства ссылаться на факт неосведомлённости о времени выхода на работу и суд, как правило, встаёт на сторону работника. В процессе формирования графиков сменности работодатель обязан принять во внимание позицию представительного органа работников, что предусмотрено ст. 372 ТК РФ. Игнорирование этой процедуры является самостоятельным нарушением, за которое также предусмотрена административная ответственность [21].

Разделение рабочего дня на части (так называемый «разрывной» график) является распространённой практикой на междугородних перевозках, когда водитель совершает рейс с длительным ожиданием обратной загрузки или посадки пассажиров. Пункт 7 Приказа № 424 устанавливает правила разделения рабочего дня. В условиях междугородних рейсов часто невозможно точно определить, когда именно закончилась первая часть смены и началась вторая. Задержки в пути, изменение графиков погрузки создают ситуацию неопределённости, при которой время перерыва фактически «размывается». Многие водители, желая быстрее завершить рейс, сознательно уменьшают время между частями смены или не делают перерыв вовсе, рассчитывая отдохнуть уже после прибытия в пункт назначения. Контроль с использованием тахографа регистрирует данное действие как нарушение установленного режима труда и отдыха. При этом время перерыва между частями смены не подлежит включению в рабочее время и не компенсируется в виде оплаты, водители фактически находятся в месте ожидания (часто вдали от дома) без оплаты. Это порождает конфликты и жалобы в трудовую инспекцию.

Пункт 8 Приказа № 424 допускает установление ненормированного рабочего дня для двух категорий водителей. Согласно ст. 101 ТК РФ, ненормированный рабочий день предполагает именно эпизо-

дическое, а не систематическое привлечение к работе за пределами нормальной продолжительности. На практике работодатели часто включают водителей в перечень должностей с ненормированным днем и затем постоянно требуют от них работы сверх установленного времени, что противоречит самой сути этого режима. Даже при ненормированном рабочем дне водитель обязан соблюдать ограничения, установленные Приказом № 424 в части времени управления. Наиболее серьезная проблема заключается в том, что ненормированный рабочий день для водителей вступает в противоречие с целями обеспечения безопасности дорожного движения. Утомление водителя не зависит от того, на каком основании он находится за рулем – по графику сменности или в рамках ненормированного дня. Физиологические ограничения остаются теми же. Государственная инспекция труда при проверках обращает особое внимание на обоснованность включения водителей в перечень должностей с ненормированным рабочим днем и на фактическое соблюдение ограничений времени управления.

Правильное исчисление и предоставление междуменного и еженедельного отдыха является одной из наиболее сложных проблем в правоприменительной практике, что подтверждается многочисленными судебными спорами. Несмотря на то, что Приказ № 424 установил минимальную продолжительность еженедельного отдыха в 45 часов, на практике многие работодатели продолжают ориентироваться на прежнюю норму в 42 часа, либо неправильно исчисляют этот период. Пункт 19 Приказа № 424 допускает сокращение междуменного отдыха до 9 часов не более трех раз в период между еженедельными отдыхами. Однако на практике возникает вопрос: можно ли использовать это право трижды подряд, предоставляя водителю после каждой смены только 9 часов отдыха? Правовая позиция, отраженная в комментариях к законодательству, заключается в том, что сокращение междуменного отдыха является исключением, а не правилом. Работодатель обязан обеспечить, чтобы в целом за период между еженедельными отдыхами водитель получил полноценный отдых, компенсирующий периоды сокращения.

Систематическое предоставление только 9-часового отдыха после каждой смены может быть признано нарушением, особенно если это приводит к накоплению утомления [22].

Наиболее часто нарушения права на отдых фиксируются при междугородних перевозках. Роструд в своих разъяснениях указывает, что «если пребывание водителя в автомобиле предусматривается продолжительностью более 12 часов, в рейс должны направляться двое и более водителей. При этом автомобиль должен быть оборудован спальным местом для отдыха». Однако даже при направлении двух водителей возникают проблемы с учетом времени отдыха второго водителя. Согласно разъяснениям Роструда, «время присутствия на рабочем месте водителя, осуществляющего междугороднюю перевозку, когда он не управляет автомобилем, при направлении в рейс двух и более водителей засчитывается ему в рабочее время в размере не менее 50 процентов» [23]. Нарушение установленной продолжительности междуменного и еженедельного отдыха квалифицируется как нарушение трудового законодательства (ст. 5.27 КоАП РФ). Однако более серьезные последствия наступают в случае, если такое нарушение привело к ДТП или иным тяжким последствиям. Разрешение этих проблем требует как совершенствования законодательства, так и повышения правовой грамотности работодателей и водителей, а также последовательной судебной практики, обеспечивающей защиту права водителей на полноценный отдых как одного из ключевых элементов комплексной системы безопасности дорожного движения.

ФЗ №196 «О безопасности дорожного движения» определяет тахограф как «техническое средство контроля, обеспечивающее непрерывную, некорректируемую регистрацию информации о скорости и маршруте движения транспортного средства, о времени управления транспортным средством и отдыха водителя транспортного средства, о режиме труда и отдыха водителя транспортного средства» [24]. Обязательность оснащения транспортных средств тахографами установлена законодательством Российской Федерации для обеспечения безопасности дорожного движения и контроля

за соблюдением водителями установленных нормативов рабочего времени и времени отдыха [25]. Статья 11.23 КоАП РФ «устанавливает ответственность за нарушения, связанные с использованием тахографов и соблюдением режима труда и отдыха водителей». При этом законодатель дифференцирует ответственность в зависимости от характера правонарушения и субъекта ответственности. В своём исследовании П. С. Коблов отмечает «если не соблюдаются требования к установке и использованию тахографа (что делает невозможным контроль за режимом труда и отдыха), это грозит административной ответственностью по ч. 1 ст. 11.23 КоАП РФ. А за прямое нарушение режима труда и отдыха водители несут ответственность по ч. 3 ст. 11.23 КоАП РФ» [26]. Проблема заключается в сложности выявления фактов незаконного вмешательства в работу тахографов и фальсификации регистрируемой ими информации. Зачастую такие нарушения обнаруживаются только при проведении специальных проверок или инструментального контроля. Кроме того, существует проблема доказывания умысла на фальсификацию данных, поскольку водители и работодатели могут ссылаться на технические неисправности или неквалифицированное обслуживание тахографов.

Статья 5.27 КоАП РФ устанавливает «ответственность за нарушение трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права». Статья 11.23 КоАП РФ предусматривает «ответственность за нарушения, связанные с использованием тахографов и соблюдением режима труда и отдыха водителей». Ключевое различие между этими составами заключается в объекте правонарушения и субъектном составе. Статья 5.27 КоАП РФ направлена на защиту трудовых прав работников и устанавливает общие требования к соблюдению трудового законодательства всеми работодателями. Часть 1 статьи 5.27.1 КоАП РФ предусматривает ответственность «за нарушение государственных нормативных требований охраны труда, содержащихся в федеральных законах и иных нормативных правовых актах Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных частями 2-4 настоящей статьи и частью 3 статьи 11.23 настоящего Кодекса». Статья 11.23

КоАП РФ имеет специальный характер и применяется в сфере транспорта. Часть 3 данной статьи устанавливает ответственность «за несоблюдение установленных нормативными правовыми актами Российской Федерации норм времени управления транспортным средством и отдыха либо нарушение установленного нормативными правовыми актами Российской Федерации режима труда и отдыха водителей в части времени управления транспортным средством и времени отдыха».

Двойная ответственность может возникнуть, если конкретные действия (или бездействие) подпадают под признаки правонарушений, описанных в разных статьях КоАП РФ. В области регулирования труда водителей подобная коллизия чаще всего возникает при сопоставлении ч. 3 ст. 11.23 и ст. 5.27 КоАП РФ. Чтобы устранить данное противоречие, законодатель внёс в ч. 1 ст. 5.27 КоАП РФ специальную оговорку: «исключение случаев, предусмотренных частью 3 статьи 11.23 КоАП РФ». Это означает, что нарушение режима труда и отдыха водителей, подпадающее под признаки ч. 3 ст. 11.23, не должно квалифицироваться по статье 5.27 КоАП РФ.

Деятельность по перевозкам пассажиров и иным видам перевозок подлежит лицензированию. В соответствии с ч. 4 ст. 14.1.2 КоАП РФ, за грубое нарушение лицензионных требований при ведении предпринимательской деятельности в транспортной сфере предусмотрена административная ответственность. Проблема соотношения ч. 4 ст. 14.1.2 и ст. 11.23 КоАП РФ возникает в случаях, когда нарушение режима труда и отдыха водителей или правил использования тахографов одновременно является нарушением лицензионных требований. В соответствии с ч. 2 ст. 11.23 КоАП РФ, выпуск транспортного средства на линию без тахографа либо с нарушением правил его эксплуатации влечёт административную ответственность. При этом данное положение не распространяется на случаи, предусмотренные ч. 3 и 4 ст. 14.1.2 КоАП РФ. Это означает, что приоритет имеет специальная норма о лицензионных нарушениях, если деяние подпадает под признаки грубого нарушения лицензионных требований. Анализ судебной практики показывает подходы к разграничению

указанных составов. При самостоятельном нарушении водителем режима труда и отдыха (без вины работодателя) действуют две правовые нормы: в отношении водителя применяется ч. 3 ст. 11.23 КоАП РФ; в отношении работодателя, не осуществившего контроль, – ч. 1 ст. 5.27 КоАП РФ. В случае если нарушение режима труда и отдыха обусловлено графиками или локальными нормативными актами работодателя, которые противоречат требованиям Приказа № 424, должностные и юридические лица несут ответственность по ч. 3 ст. 11.23 КоАП РФ (согласно примечанию к статье). Если нарушение режима труда и отдыха или правил использования тахографа одновременно является грубым нарушением лицензионных требований, применяется ч. 4 ст. 14.1.2 КоАП РФ.

Нарушения режима труда и отдыха водителей не только влекут административную ответственность, но и являются серьезным фактором производственного травматизма, включая случаи с летальным исходом. Судебная практика последних лет демонстрирует устойчивую тенденцию к признанию таких нарушений причиной несчастных случаев на производстве и взысканию компенсаций с работодателей. Как разъясняется в готовых решениях КонсультантПлюс, ответственность работодателя при несчастном случае на производстве наступает «за нарушение государственных нормативных требований охраны труда, содержащихся в федеральных законах и иных нормативных правовых актах РФ (исключение – случаи, указанные в частях 2-4 статьи 5.27.1 и части 3 статьи 11.23 КоАП РФ)» [27].

Помимо административной ответственности, нарушения режима труда и отдыха, повлекшие вред жизни или здоровью работника, являются основанием для взыскания с работодателя компенсации морального вреда в порядке гражданского судопроизводства. Обязанность доказывать соблюдение режима труда и отдыха и отсутствие причинно-следственной связи между переработками и несчастным случаем возлагается на работодателя. При непредставлении таких доказательств суд исходит из презумпции вины работодателя. В своей правовой позиции Верховный Суд РФ подчеркивает, что обеспечение условий труда, соответствующих государственным нормативам охра-

ны труда, является прямой обязанностью работодателя. Невыполнение этой обязанности, выразившееся в допущении систематических переработок, является основанием для возложения на работодателя ответственности за вред, причиненный жизни и здоровью работника.

Действующая система административных наказаний за нарушения режима труда и отдыха водителей характеризуется рядом проблем, снижающих ее эффективность. Законодательство не устанавливает повышенной ответственности за повторные нарушения режима труда и отдыха в течение года. Водитель, систематически нарушающий нормативы, каждый раз рискует лишь минимальным штрафом, что не создает стимула к правомерному поведению.

На основе анализа действующего законодательства и правоприменительной практики можно сформулировать предложения по его совершенствованию. Целесообразно установить повышенную ответственность за нарушения режима труда и отдыха, повлекшие создание угрозы причинения вреда жизни и здоровью людей либо причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью. В настоящее время такие последствия учитываются только при наступлении тяжких последствий, что создает пробел в правовом регулировании. Предлагается дополнить статью 11.23 КоАП РФ положением, устанавливающим ответственность для лиц (руководителей и работников), в чьи обязанности входит обеспечение безопасности дорожного движения. Основанием для привлечения к ответственности станет бездействие при выявлении тахографами систематических нарушений водителями режима труда и отдыха. Необходимо законодательно закрепить возможность использования данных, получаемых в автоматическом режиме от тахографов, в качестве доказательств по делам об административных правонарушениях. Предлагается выделить в отдельный состав административного правонарушения действия по вмешательству в работу тахографа, его блокированию, корректировке, модификации или фальсификации регистрируемой им информации, установив за них повышенные санкции.

В настоящее время в Российской Федерации действует Автоматизированная информационная система «Тахографический контроль»

(АИС ТК), предназначенная для сбора, обработки, хранения и анализа информации о режиме труда и отдыха водителей, получаемой от тахографов. Однако, несмотря на создание технической инфраструктуры, практика использования АИС ТК сталкивается с рядом серьезных проблем. Не все транспортные средства, подлежащие оснащению тахографами, в реальности подключены к системе автоматизированной передачи данных. Значительная часть тахографов работает в автономном режиме, и снятие данных с них производится только при проведении контрольно-надзорных мероприятий на дороге. Это существенно снижает эффективность контроля и создает условия для уклонения от ответственности. На многих транспортных средствах установлены тахографы старых моделей, не поддерживающие функции автоматической передачи данных. Замена такого оборудования требует значительных финансовых затрат, которые перевозчики (особенно малые и средние) не всегда готовы нести. Передача данных тахографов в автоматизированном режиме сопряжена с необходимостью соблюдения требований законодательства о персональных данных (Федеральный закон № 152-ФЗ) и о защите коммерческой тайны. Данные тахографов содержат информацию о маршрутах движения, времени нахождения водителя за рулем, что может рассматриваться как коммерческая информация, разглашение которой способно нанести ущерб интересам перевозчика. Требуется разработка четких правовых механизмов, обеспечивающих баланс между интересами контроля и защиты конфиденциальной информации. Разные производители тахографов используют различные форматы данных и протоколы передачи, что затрудняет их интеграцию в единую систему. Требуется разработка и нормативное закрепление единых стандартов обмена данными, обязательных для всех участников рынка. Для передачи больших объемов данных от десятков тысяч транспортных средств, находящихся в движении, требуются высокоскоростные каналы связи, доступные не на всей территории Российской Федерации. Особенно остро эта проблема стоит в удаленных и малонаселенных регионах. Необходимо законодательно установить обязанность перевозчиков обеспечить передачу данных

тахографов в АИС ТК в режиме, приближенном к реальному времени, с определением поэтапных сроков для различных категорий транспортных средств. Предусмотреть возможность удаленного доступа контрольно-надзорных органов к данным тахографов при проведении проверок без остановки транспортного средства, что позволит минимизировать вмешательство в производственный процесс и повысить эффективность контроля. Важным направлением является интеграция АИС ТК с иными информационными системами, используемыми в сфере транспорта: системой взимания платы «Платон», автоматизированными системами весогабаритного контроля, системами управления дорожным движением. Это позволит получить комплексную картину соблюдения требований безопасности.

Заключение

В результате анализа теоретико-правовых аспектов регулирования труда водителей и существующей правоприменительной практики показал наличие системных проблем, препятствующих надлежащему исполнению норм о рабочем времени и времени отдыха.

Сохраняются коллизии между общими нормами Трудового кодекса РФ и специальными положениями Приказа Минтранса № 424. Наиболее остро эта проблема проявляется в регулировании перерывов в работе, где неопределенность соотношения перерыва для отдыха и питания (ст. 108 ТК РФ) и специального перерыва для отдыха от управления (п. 13 Приказа № 424) порождает многочисленные ошибки в правоприменении и споры с контролирующими органами. Проблема «раздробленных» перерывов, когда водители ошибочно полагают, что несколько коротких остановок могут заменить полноценный 45-минутный перерыв, требует дополнительных разъяснений и, возможно, уточнения нормативного регулирования.

Применение суммированного учета рабочего времени сопряжено с существенными сложностями при выборе учетного периода, составлении графиков сменности и соблюдении сроков ознакомления с ними работников. Судебная практика демонстрирует неоднозначность подходов к оценке последствий нарушения сроков ознакомления с

графиками, что создает риски как для работодателей (признание увольнения за прогул незаконным), так и для работников (невозможность оспорить неправомерные требования работодателя). Особую сложность представляют ситуации с «разрывным» рабочим днем на междугородних перевозках, где фактическое время ожидания не всегда учитывается надлежащим образом.

Пункт 8 Приказа № 424 допускает для водителей легковых автомобилей ненормированный рабочий день, однако на практике это часто превращается в систематическое привлечение к сверхурочной работе без компенсации. Подобная практика противоречит сути ненормированного режима (который предполагает эпизодичность, а не регулярность переработок) и повышает риски ДТП из-за нарастающего утомления водителей, создает угрозу безопасности дорожного движения.

Правовое регулирование междусменного и еженедельного отдыха, претерпевшее существенные изменения с принятием Приказа № 424 (сокращение минимальной продолжительности междусменного отдыха до 11 часов при одновременном увеличении еженедельного отдыха до 45 часов), не всегда правильно применяется на практике. Судебная практика по спорам о нарушении права на отдых, включая случаи признания увольнений незаконными за отказ выйти на работу до истечения 45-часового еженедельного отдыха, указывает на необходимость детальных разъяснений относительно порядка исчисления и предоставления таких периодов отдыха.

Система контроля за соблюдением режимов труда и отдыха, ключевым элементом которой является тахограф, сталкивается с серьезными проблемами, связанными с вмешательством в работу контрольных устройств, фальсификацией данных, использованием «заводных ключей» и иных приспособлений, искажающих регистрируемую информацию. Административная ответственность, предусмотренная ст. 11.23 КоАП РФ, не всегда является эффективным сдерживающим фактором ввиду несоразмерности санкций потенциальной выгоде от нарушения режима и сложности выявления латентных нарушений.

Сосуществование административных составов, закреплённых в ст. 5.27 КоАП РФ (нарушение трудового законодательства), ст. 11.23 КоАП РФ (нарушение режима труда и отдыха) и ч. 4 ст. 14.1.2 КоАП РФ (грубое нарушение лицензионных требований), порождает сложности в квалификации правонарушений и повышает риск двойного привлечения к ответственности за одно и то же действие. Несмотря на наличие законодательных и судебных разъяснений, правоприменительная практика в этой части остается не единообразной.

Наиболее серьезные последствия нарушения режима труда и отдыха проявляются в сфере производственного травматизма. Судебная практика последних лет демонстрирует устойчивую тенденцию к признанию несчастных случаев, произошедших на фоне систематических переработок и нарушений права на отдых, связанными с производством, и взысканию с работодателей значительных сумм компенсации морального вреда (до 1,5 млн рублей). Это формирует дополнительный стимул для работодателей к соблюдению установленных нормативов, однако не решает проблему профилактики таких нарушений.

Следует отметить, что проблемы, возникающие при практическом осуществлении норм о рабочем времени и времени отдыха водителей автомобильного транспорта, имеют комплексный характер и не могут быть решены исключительно путем ужесточения санкций или совершенствования отдельных нормативных актов. Требуется системный подход, сочетающий устранение коллизий и пробелов в действующем законодательстве, развитие технических средств контроля и их интеграцию в единую информационную систему, повышение правовой грамотности работодателей и водителей, усиление роли социального партнерства в защите прав работников, обеспечение неотвратимости ответственности за нарушения, создающие угрозу безопасности дорожного движения.

Особое значение приобретает соблюдение баланса между экономической эффективностью транспортной деятельности и требованиями безопасности. Излишне жесткое регулирование, не учитывающее реалии транспортного бизнеса, будет провоцировать массовые на-

рушения и поиск путей обхода закона. Недостаточное регулирование создает угрозу жизни и здоровью участников дорожного движения. Поиск оптимального баланса представляет собой сложную задачу, требующую дальнейших научных исследований и мониторинга правоприменительной практики.

Список литературы

1. *Транспорт*. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. <https://rosstat.gov.ru/statistics/transport> (дата обращения: 21.03.2026).
2. *Трансформация грузопотоков: как автомобильный транспорт перехватывает инициативу у железной дороги и водных артерий России*. Ассоциация организаций промышленного железнодорожного транспорта [Электронный ресурс]. <https://associacia-pgdt.ru/news/transformaciya-gruzopotokov-kak-avtomobilnyj-transport-perexvatyvaet-iniciativu-u-zheleznoj-dorogi-i-vodnyx-arterij-rossii/> (дата обращения: 21.03.2026).
3. Галкина, Ю. В. (2025). Проблемы регулирования труда и отдыха водителей: научный взгляд. *Экономика и безопасность*, (10). <https://voenvestnik.ru/PDF/15ES1025.pdf> (дата обращения: 04.03.2026). EDN: <https://elibrary.ru/TLCQIS>
4. Мамедов, А. Ш. (2024). Тахографический контроль и его влияние на соблюдение водителем режима труда и отдыха. *Автомобильная промышленность*, (10), с. 31–33. EDN: <https://elibrary.ru/IXRHWO>
5. Якимов, А. Ю. (2010). Соблюдение режима труда и отдыха водителей автотранспортных средств как важный фактор обеспечения безопасности дорожного движения (нормативно-правовая основа). *Административное право и процесс*, (1), с. 5–11. EDN: <https://elibrary.ru/LAFJKJ>
6. Мальгин, Е. Л., Шеметова, Е. Г., Деревянкин, А. В., & Гончаренко, Н. Г. (2024). Анализ новых правил, регулирующих безопасность труда водителей автотранспорта: условия труда, режим рабочего времени и отдыха. *Безопасность жизнедеятельности*, 2(278), с. 3–10. EDN: <https://elibrary.ru/KCNGIU>
7. *Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях* от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 20.02.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.03.2026). Справочная правовая система КонсультантПлюс.
8. *Трудовой кодекс Российской Федерации* от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025, с изм. от 06.02.2026). Справочная правовая система КонсультантПлюс.
9. *Приказ Минтранса России от 16.10.2020 № 424* (ред. от 12.01.2022) «Об утверждении Особенности режима рабочего времени и времени отдыха, условий труда водителей автомобилей». Справочная правовая система КонсультантПлюс.

10. Миронов, В. И. (2022). Применение норм Общей части трудового права: теория и практика (взгляд сквозь призму целей, задач и предмета отрасли). *Юрист*, (6), с. 55–61. <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2022-6-55-61>. EDN: <https://elibrary.ru/NMPYZQ>
11. Мажинская, Н. Г. (2021). Проблема осуществления предпринимательской деятельности субъектами малого бизнеса, применяющих труд водителей, работающих в режиме разделения рабочего дня на части. *Право и экономика*, 8(402), с. 17–21. EDN: <https://elibrary.ru/QCLPFK>
12. Бубнов, И. Н., & Кожевникова, Н. Ю. (2023). Особенности гигиены труда водителя автомобиля. *Молодёжь и наука*, (3). EDN: <https://elibrary.ru/SNYSBW>
13. Хныкин, Г. В. (2023). Проблемы правового регулирования режима рабочего времени. *Трудовое право в России и за рубежом*, (4), с. 43–46. <https://doi.org/10.18572/2221-3295-2023-4-43-46>. EDN: <https://elibrary.ru/AWRVGB>
14. *Профилактика нарушений. Доклад с руководством по соблюдению обязательных требований, дающих разъяснение, какое поведение является правомерным, а также разъяснение новых требований нормативных правовых актов за II квартал 2022 года* (утв. Федеральной службой по труду и занятости). СПС Гарант [Электронный ресурс]. <https://base.garant.ru/405200135/> (дата обращения: 04.03.2026).
15. Мацкевич, О. В. (2019). Реализация работниками права на отдых: отдельные аспекты правоприменительной практики. *Юридическое образование и наука*, (12), с. 19–23. Справочная правовая система КонсультантПлюс. <https://doi.org/10.18572/1813-1190-2019-12-19-23>. EDN: <https://elibrary.ru/QVLENE>
16. *Памятки по трудовым правам и обязанностям работника и работодателя, разъясняющие требования трудового законодательства Российской Федерации: Сборник памяток для работодателя*. Справочная правовая система КонсультантПлюс.
17. Зайцева, Л. В., & Курсова, О. А. (2020). Правовое регулирование труда водителей в системе управления рисками в сфере обеспечения безопасности дорожного движения. *Российское право: образование, практика, наука*, 4(118), с. 133–141. <https://doi.org/10.34076/2410-2709-2020-4-133-141>. EDN: <https://elibrary.ru/EAEEBW>
18. Демидов, Н. В. (2019). Ознакомление работника с локальными нормативными актами о рабочем времени. *Кадровик*, (6), с. 117–123. EDN: <https://elibrary.ru/AQRBNM>
19. *Восьмой кассационный суд общей юрисдикции. Дело № 8Г-3076/2020 [88-6905/2020]*. https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=38475497&case_uid=bb01ccaa-b55a-4335-864e-3ace986f022b&new=2800001&delo_id=2800001

20. Апелляционное определение Верховного суда Республики Алтай от 22.03.2023 по делу № 33-221/2023. Справочная правовая система КонсультантПлюс.
21. Федеральная служба по труду и занятости. *Онлайнинспекция.рф*. *Требование трудового законодательства* [Электронный ресурс]. <https://www.онлайнинспекция.рф/requirements/export/?type=ajax&id=51&print=1>
22. Аникеева, О. Е. (2023). Трудовые отношения: вопросы и ответы. *Налоги и финансовое право*, (5), с. 8–105. EDN: <https://elibrary.ru/IPWNYP>
23. Федеральная служба по труду и занятости. *Онлайнинспекция.рф*. *Особенности рабочего времени и времени отдыха работников автомобильного транспорта* [Электронный ресурс]. <https://онлайнинспекция.рф/reminder/124>
24. *Федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ* (ред. от 31.07.2025) «О безопасности дорожного движения». Справочная правовая система КонсультантПлюс.
25. *Приказ Минтранса России от 28.10.2020 № 440* (ред. от 01.09.2022) «Об утверждении требований к тахографам, устанавливаемым на транспортные средства, категорий и видов транспортных средств, оснащаемых тахографами, правил использования, обслуживания и контроля работы тахографов, установленных на транспортные средства» (Зарегистрировано в Минюсте России 27.11.2020 № 61118). Справочная правовая система КонсультантПлюс.
26. Коблов, П. С. (2025). Зарубежный опыт обеспечения соблюдения режима труда и отдыха профессиональными водителями. *Безопасность дорожного движения*, (1), с. 54–61. EDN: <https://elibrary.ru/VYUJAI>
27. *Подборка наиболее важных документов по запросу Ч. 3 ст. 11.23* (нормативно-правовые акты, формы, статьи, консультации экспертов). Справочная правовая система КонсультантПлюс.

References

1. Federal State Statistics Service. *Transport* [Electronic resource]. Retrieved March 21, 2026, from <https://rosstat.gov.ru/statistics/transport>
2. Association of Industrial Railway Transport Organizations. *Transformation of freight flows: How road transport is taking the lead from railways and waterways in Russia* [Electronic resource]. Retrieved March 21, 2026, from <https://associacia-pgd.ru/news/transformaciya-gruzopotokov-kak-avtomobilnyj-transport-perexvatyvaet-iniciativu-u-zheleznnoj-dorogi-i-vodnyx-arterij-rossii/>
3. Galkina, Yu. V. (2025). Problems of regulating working and rest hours for drivers: A scientific perspective. *Economics and Security*, (10). Retrieved March 04, 2026, from <https://voenestnik.ru/PDF/15ES1025.pdf>. EDN: <https://elibrary.ru/TLCQIS>
4. Mamedov, A. Sh. (2024). Tachographic control and its impact on drivers' compliance with working and rest hour regulations. *Automotive Industry*, (10), 31–33. EDN: <https://elibrary.ru/IXRHWO>

5. Yakimov, A. Yu. (2010). Compliance with working and rest hour regulations for motor vehicle drivers as a key factor in road safety (legal framework). *Administrative Law and Process*, (1), 5–11. EDN: <https://elibrary.ru/LAFJKJ>
6. Malgin, E. L., Shemetova, E. G., Derevyankin, A. V., & Goncharenko, N. G. (2024). Analysis of new regulations governing occupational safety for truck drivers: Working conditions, working and rest hours. *Safety of Life*, 2(278), 3–10. EDN: <https://elibrary.ru/KCNGIU>
7. *Code of the Russian Federation on Administrative Offences* No. 195-FZ (2001, as amended 2026). ConsultantPlus.
8. *Labour Code of the Russian Federation* No. 197-FZ (2001, as amended 2025, with amendments 2026). ConsultantPlus.
9. Ministry of Transport of Russia. (2020, amended 2022). *Order No. 424: On Approval of Specific Features of Working Hours and Rest Periods, Working Conditions for Vehicle Drivers*. ConsultantPlus.
10. Mironov, V. I. (2022). Application of norms of the General Part of Labour Law: Theory and practice (through the lens of goals, tasks, and subject of the field). *Lawyer*, (6), 55–61. <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2022-6-55-61>. EDN: <https://elibrary.ru/NMPYZQ>
11. Mazhinskaya, N. G. (2021). The problem of conducting business activities by small business entities employing drivers working under split workday arrangements. *Law and Economics*, 8(402), 17–21. EDN: <https://elibrary.ru/QCLPFK>
12. Bubnov, I. N., & Kozhevnikova, N. Yu. (2023). Occupational hygiene features for car drivers. *Youth and Science*, (3). EDN: <https://elibrary.ru/SNYSDW>
13. Khnykin, G. V. (2023). Problems of legal regulation of working hours. *Labour Law in Russia and Abroad*, (4), 43–46. <https://doi.org/10.18572/2221-3295-2023-4-43-46>. EDN: <https://elibrary.ru/AWRVGB>
14. Federal Service for Labour and Employment. (2022). *Prevention of violations: Report with guidance on compliance with mandatory requirements, explaining lawful behaviour and clarifying new regulatory requirements for Q2 2022* [Electronic resource]. Retrieved March 04, 2026, from <https://base.garant.ru/405200135/>
15. Matskevich, O. V. (2019). Implementation of employees' right to rest: Selected aspects of law enforcement practice. *Legal Education and Science*, (12), 19–23. <https://doi.org/10.18572/1813-1190-2019-12-19-23>. EDN: <https://elibrary.ru/QVLEHE>
16. Federal Service for Labour and Employment. (n.d.). *Guidelines on labour rights and obligations of employees and employers, explaining requirements of the Russian Federation labour legislation: Collection of guidelines for employers*. ConsultantPlus.
17. Zaitseva, L. V., & Kursova, O. A. (2020). Legal regulation of drivers' labour in the risk management system for road safety. *Russian Law: Education, Practice, Science*, 4(118), 133–141. <https://doi.org/10.34076/2410-2709-2020-4-133-141>. EDN: <https://elibrary.ru/EAEEBW>

18. Demidov, N. V. (2019). Familiarizing employees with local normative acts on working hours. *HR Specialist*, (6), 117–123. EDN: <https://elibrary.ru/AQRBNM>
19. Eighth Cassation Court of General Jurisdiction. (2020). *Case No. 8G-3076/2020 [88-6905/2020]*. Retrieved from https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=38475497&case_uid=bb01c-caa-b55a-4335-864e-3ace986f022b&new=2800001&delo_id=2800001
20. Supreme Court of the Altai Republic. (2023). *Appellate ruling in Case No. 33-221/2023 dated March 22, 2023*. ConsultantPlus.
21. Federal Service for Labour and Employment. *Labour legislation requirements* [Electronic resource]. Retrieved from <https://www.онлайнинспекция.рф/requirements/export?type=ajax&id=51&print=1>
22. Anikeeva, O. E. (2023). Labour relations: Questions and answers. *Taxes and Financial Law*, (5), 8–105. EDN: <https://elibrary.ru/IPWNYP>
23. Federal Service for Labour and Employment. *Features of working hours and rest periods for road transport workers* [Electronic resource]. Retrieved from <https://онлайнинспекция.рф/reminder/124>
24. *Federal Law No. 196-FZ dated December 10, 1995 (as amended on July 31, 2025) "On Road Safety"*. ConsultantPlus.
25. Ministry of Transport of Russia. (2020, amended 2022). *Order No. 440 dated October 28, 2020 (as amended on September 1, 2022) "On Approval of Requirements for Tachographs Installed on Vehicles, Categories and Types of Vehicles Equipped with Tachographs, Rules for Use, Maintenance and Monitoring of Tachograph Operation" (Registered with the Ministry of Justice of Russia on November 27, 2020, No. 61118)*. ConsultantPlus.
26. Koblov, P. S. (2025). Foreign experience in ensuring compliance with working and rest hour regulations for professional drivers. *Road Safety*, (1), 54–61. EDN: <https://elibrary.ru/VYUJAI>
27. ConsultantPlus. *Collection of most important documents on Part 3, Article 11.23: Regulatory legal acts, forms, articles, expert consultations*. ConsultantPlus.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Берман Нина Демидовна, старший преподаватель Высшей школы транспортных систем и технологий

Тихоокеанский государственный университет

ул. Тихоокеанская, 136, г. Хабаровск, 680035, Российская Федерация

000650@togudv.ru

Кукушкина Елизавета Витальевна, магистрант Высшей школы транспортных систем и технологий

Тихоокеанский государственный университет

ул. Тихоокеанская, 136, г. Хабаровск, 680035, Российская Федерация
2020102108@togudv.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Nina D. Berman, Senior Lecturer, School of Transport Systems and Technologies

Pacific National University

136, Tikhookeanskaya Str., Khabarovsk, 680035, Russian Federation

000650@togudv.ru

SPIN code: 7071-2909

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3573-048X>

Elizaveta V. Kukushkina, Master's Student, School of Transport Systems and Technologies

Pacific National University

136, Tikhookeanskaya Str., Khabarovsk, 680035, Russian Federation

2020102108@togudv.ru

Поступила 28.02.2026

После рецензирования 17.03.2026

Принята 21.03.2026

Received 28.02.2026

Revised 17.03.2026

Accepted 21.03.2026

Публично-правовые науки / Public Law Sciences

Научная статья

Original article

DOI: [10.12731/2576-9634-2026-10-1-266](https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-1-266)

EDN: [GVHZNE](https://www.edn.ru/entry/gvzhzne)

УДК 342.9

Проблемы правового регулирования дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих: от принципов до системы взысканий

А.Г. Монетов

Рязанский государственный университет, Рязань, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. В статье рассмотрены проблемы реализации дисциплинарной ответственности государственных служащих (далее – госслужащих). В настоящее время важно, чтобы представители власти осознавали необходимость соблюдать служебную дисциплину, так как от этого зависит функционирование аппарата управления, престиж государственной власти. В связи с чем особое значение приобретает дисциплинарная ответственность государственных служащих, что вызывает необходимость проведения комплексного анализа специальной дисциплинарной ответственности, устранении имеющихся правовых пробелов. Проведенное исследование позволило выявить ряд проблем в правовом регулировании дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих (отсутствие основополагающих начал привлечения к дисциплинарной ответственности, отсутствие дифференциации в системе дисциплинарных взысканий, наличие недостатков в понятийном аппарате рассматриваемого правового института). Сделан вывод о необходимости дальнейшего реформирования служебного законодательства, в том числе путем принятия специального акта – Дисциплинарного устава государственной гражданской службы.

Актуальность исследовательской работы заключается в том, что в качестве механизма способного обеспечить необходимый уровень правопорядка и надлежащего соблюдения служебной дисциплины выступает дисциплинарная ответственность государственных гражданских служащих. Наличие объективных сведений о снижении уровня служебной дисциплины в аппарате публичного управления свидетельствует о необходимости дополнительного анализа норм, регламентирующих дисциплинарную ответственность государственных гражданских служащих. В частности, так только за недостоверность и полноту представленных сведений

о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера в 2023 году в органах Росстата было наложено 87 дисциплинарных взысканий.

Цель заключается в комплексном анализе института дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих и формулировании возможных направлений по оптимизации действующего законодательства в данной сфере. В свою очередь поставленная цель может быть достигнута путем решения следующих задач: определения правовой сущности специальной дисциплинарной ответственности, выявления и анализа проблемных аспектов правового регулирования дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих.

Методология проведения работы. В исследовании использовались сравнительно-правовой, догматический методы, метод правового регулирования.

Результаты. Проанализирована сущность дисциплинарной ответственности госслужащих, обоснована принадлежность рассматриваемого правового института к административному праву; в ходе исследования были выявлены проблемы правового регулирования дисциплинарной ответственности госслужащих, а именно: отсутствие законодательно закрепленных основополагающих начал реализации дисциплинарной ответственности, широта дискреционных полномочий представителя нанимателя при избрании дисциплинарных взысканий оказывающих моральное воздействие, отсутствие градации дисциплинарных проступков по их тяжести, отдельно обосновывается необходимость закрепления малозначительного дисциплинарного проступка.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в нормотворческой деятельности, в сфере дальнейшего теоретического изучения рассматриваемой темы.

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность; проступок; взыскание; государственная гражданская служба; власть

Для цитирования. Монетов, А. Г. (2026). Проблемы правового регулирования дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих: от принципов до системы взысканий. *Russian Studies in Law and Politics / Российские исследования. Право и политика*, 10(1), 83-108. <https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-1-266>

Problems of legal regulation of disciplinary liability of state civil servants: from principles to the system of penalties

A.G. Monetov

Ryazan State University, Ryazan, Russian Federation

Abstract

Background. The article discusses the problems of implementing disciplinary responsibility of civil servants (hereinafter referred to as civil servants). At present, it is

important that government representatives are aware of the need to observe official discipline, as the functioning of the administrative apparatus and the prestige of state power depend on it. In this regard, the disciplinary responsibility of civil servants is of particular importance, which necessitates a comprehensive analysis of special disciplinary liability and the elimination of existing legal gaps. The conducted research revealed a number of problems in the legal regulation of disciplinary liability of state civil servants (lack of fundamental principles of bringing to disciplinary responsibility, lack of differentiation in the system of disciplinary penalties, the presence of shortcomings in the conceptual framework of the legal institution in question). The conclusion is made about the need for further reform of the service legislation, including through the adoption of a special act – the Disciplinary Statute of the state civil service.

The relevance of the research work lies in the fact that the disciplinary responsibility of state civil servants acts as a mechanism capable of ensuring the necessary level of law and order and proper observance of official discipline. The availability of objective information about a decrease in the level of official discipline in the public administration apparatus indicates the need for additional analysis of the norms governing the disciplinary responsibility of state civil servants. In particular, 87 disciplinary penalties were imposed by the Rosstat authorities in 2023 alone for the unreliability and completeness of the information provided on income, property, and property obligations.

Purpose. It consists in a comprehensive analysis of the institution of disciplinary responsibility of state civil servants and the formulation of possible directions for optimizing current legislation in this area. In turn, this goal can be achieved by solving the following tasks: determining the legal essence of special disciplinary liability, identifying and analyzing problematic aspects of the legal regulation of disciplinary liability of government civil servants.

Methodology. The methodology of this scientific research includes both general scientific methods (analysis, systematic, structural, logical techniques, induction, deduction) and special scientific methods, among which dogmatic, comparative legal, legal modeling, and dogmatic methods should be highlighted.

Results. The essence of disciplinary responsibility of civil servants is analyzed, and the affiliation of the legal institution under consideration to administrative law is substantiated.; In the course of the study, problems of legal regulation of disciplinary liability of civil servants were identified, namely: the lack of legally established fundamental principles for the implementation of disciplinary liability, the breadth of discretionary powers of the employer's representative when choosing disciplinary penalties that have a moral impact, the lack of gradation of disciplinary offenses according to their severity, the need to consolidate minor disciplinary misconduct is separately justified.

Practical implications. The results of the research can be applied in standard-setting activities, in the field of further theoretical study of the topic under consideration.

Keywords: disciplinary responsibility; misconduct; punishment; state civil service; government

For citation. Monetov, A. G. (2026). Problems of legal regulation of disciplinary liability of state civil servants: from principles to the system of penalties. *Russian Studies in Law and Politics*, 10(1), 83-108. <https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-1-266>

Введение

Актуальность исследования заключается в том, что эффективность управленческой деятельности государственных служащих зависит от их профессиональных навыков и умений, реализация которых напрямую влияет на имидж государственной службы и власти в целом. Однако, не всегда госслужащие добросовестно исполняют свои служебные обязанности, что приводит к совершению ими дисциплинарных проступков. Это в свою очередь обуславливает необходимость комплексного анализа института дисциплинарной ответственности государственных служащих. Особенно следует отметить тот факт, что меры дисциплинарного воздействия могут эффективно противодействовать распространению коррупционного поведения, обеспечить надлежащую модель поведения госслужащих.

Теоретической основой исследования являются работы таких авторов как: М.Б. Добробабы, М.К. Козлова, Э.Л. Лещиной, С.В. Передерина, М.М. Полякова и других авторов, в работах которых отмечается наличие широкого круга проблем реализации специальной дисциплинарной ответственности, при этом каждый автор рассматривает лишь отдельные проблемные аспекты.

Объектом исследования выступают нормы отечественного и зарубежного служебного законодательства, регламентирующие порядок привлечения госслужащего к дисциплинарной ответственности.

Цель исследования заключается в проведении всестороннего анализа института дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих и формулировании возможных направлений по оптимизации действующего законодательства в данной сфере, для чего необходимо достичь следующих задач: определить правовую сущность специальной дисциплинарной ответственности, выявить и проанализировать проблемные аспекты правового регулирования

дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих, провести сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного служебного законодательства.

Научная новизна исследования заключается в разработке и обосновании теоретической модели систематизации института дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих, которая в отличие от существующих фрагментарных подходов позволит объединить разрозненные правовые нормы в единый комплекс. Практическая значимость исследования заключается в том, что материалы исследования могут быть использованы в законотворческой деятельности при подготовке изменений в действующее служебное законодательство, а также могут быть использованы в ходе дальнейшего реформирования служебного права, например, при разработке и принятии «Дисциплинарного устава государственной гражданской службы», что позволило бы устранить ряд системных проблем, имеющихся в правовом регулировании дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих:

1) устранение пробелов и правовой неоправданности понятийного аппарата – легальное закрепление понятия дисциплинарного взыскания, сформулированного на основе специфических признаков данной меры воздействия, позволит обеспечить единообразное понимание и применение норм юрисдикционными субъектами. Закрепление в «Дисциплинарном уставе государственной гражданской службы» системы принципов дисциплинарной ответственности.

2) систематизировать принципы дисциплинарной ответственности и закрепить их на легальном уровне, что станет правовой основой для дальнейшей правоприменительной практики, придаст обоснованность для применения мер дисциплинарного взыскания, при этом в исследовании отдельно обосновывается значимость принципа гласности и предлагается особый механизм его реализации, позволяющий восстановить доверие населения к органам власти.

3) дифференциация дисциплинарных проступков. Закрепление в Дисциплинарном уставе государственной гражданской службы системы дисциплинарных проступков, сконструированной с учетом

степени их тяжести, позволит сократить широту дискреционных полномочий юрисдикционного субъекта при избрании меры налагаемого взыскания, снизить нагрузку на дисциплинарные комиссии за счет возможности освобождения от дисциплинарной ответственности в связи с совершением малозначительного дисциплинарного проступка.

Материалы и методы

Отдельно следует выделить важность применения сравнительно-правового метода исследования, при помощи которого становится возможным сопоставить институт специальной дисциплинарной ответственности в Российской Федерации и в некоторых зарубежных государствах, что может позволить внедрить иностранный положительный опыт в российскую правовую действительность. Особым значением обладает и метод правового моделирования, при помощи которого происходит формулирование возможных изменений в законодательстве, регламентирующих реализацию дисциплинарной ответственности.

Результаты и обсуждение

Прежде чем перейти к анализу проблемных аспектов реализации дисциплинарной ответственности следует определиться с сущностью данного правового явления.

В настоящее время ведется дискуссия по поводу отнесения дисциплинарной ответственности государственных служащих к той или иной отрасли права. Одна группа авторов отмечает, что специальная дисциплинарная ответственность является частью трудового права, аргументируя свою точку зрения тем, что поступление на государственную службу осуществляется путем заключения служебного контракта, являющегося специальной разновидностью трудового договора [9, с. 125].

Другая часть авторов поддерживает точку зрения, что дисциплинарная ответственность госслужащих является специальным правовым институтом, подпадающим под правовое регулирование административного права. В качестве аргументов, поддерживающих

эту позицию, указывают особые основания, на основе которых происходит привлечение к дисциплинарной ответственности, например, коррупционное поведение госслужащего [17, с. 142].

Целесообразно согласиться именно с этой позицией, так как трудовым законодательством порядок реализации дисциплинарной ответственности госслужащих не регламентирован. Отнесение дисциплинарной ответственности государственных служащих к сфере административно-правового регулирования связано с тем, что допущение госслужащими дисциплинарных проступков приводит к нарушению установленного порядка деятельности государственных органов и порядка управления.

Характеризуя сущность дисциплинарной ответственности следует согласиться с высказыванием О.О. Чурековой, которая отмечает, что применение дисциплинарной ответственности направлено на обеспечение соблюдения государственными гражданскими служащими своих должностных обязанностей и применении мер взысканий в том случае, если допускаются нарушения служебной дисциплины [25, с. 112].

Э.Б. Хашагульгугова рассматривает сущность дисциплинарной ответственности как средства укрепления служебной дисциплины государственной гражданской службы [22, с. 3].

В.К. Ботнев определяет дисциплинарную ответственность как вид юридической ответственности, одну из правовых форм воздействия на нарушителей дисциплины труда, заключающуюся в наложении дисциплинарных взысканий [4, с. 73].

А.Г. Можаяев отмечает, что отличительной чертой дисциплинарной ответственности является корпоративный характер управленческих отношений [11, с. 127].

В научной литературе также выделяют и специфическую функцию дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих – защитную, выраженную в том, что при реализации дисциплинарной ответственности происходит защита прав и законных интересов не только заинтересованных лиц, но и при необходимости самих государственных служащих [3, с. 80].

Проанализировав вышеуказанные точки зрения, можно прийти к выводу, что дисциплинарная ответственность является средством регулирования общественных отношений, возникающих в связи с прохождением государственной гражданской службы, позволяющим: создать должные предпосылки для соблюдения требований служебной дисциплины, положений нормативно-правовых актов, а также противодействию коррупционному поведению на государственной гражданской службе.

Важность реализации дисциплинарной ответственности обусловлена тем фактом, что она позволяет обеспечить построения надлежащей модели правосознания государственных гражданских служащих [26, с. 127].

Рассмотрев общие вопросы, связанные с сущностью дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих, целесообразно перейти к выделению проблемных аспектов реализации специальной дисциплинарной ответственности.

Перейдем к рассмотрению наиболее важных на наш взгляд проблемных аспектов.

1. Отсутствие законодательно закреплённых принципов дисциплинарной ответственности, то есть основополагающих начал применения мер государственного принуждения к госслужащим, совершившим дисциплинарный проступок. Справедливым в этой части является высказывание М.Б. Добробабы, которая полагает, что принципы дисциплинарной ответственности – это правовые установления, закреплённые в служебном законодательстве, определяющие задачи, сущность и содержание института дисциплинарной ответственности, действующего в системе государственной службы. При этом автор отмечает, что принципы могут выполнять свою роль только будучи опосредованными конкретными нормами служебного права, что даёт возможность уяснить их воздействие на служебно-деликтные отношения [7, с. 132].

Построение системы принципов дисциплинарной ответственности возможно с учетом ряда общеправовых и конституционных принципов, в силу чего нам представляется возможным выделить следующие принципы дисциплинарной ответственности:

1) Принцип законности означает равенство всех государственных служащих перед законом, в том числе и при привлечении их к юридической ответственности. Порядок применения дисциплинарного взыскания строго регламентирован и осуществляется в процессуальной форме, что позволяет обеспечить не только соблюдение прав и законных интересов представителя нанимателя и граждан, но и самих госслужащих, привлекаемых к дисциплинарной ответственности.

2) Принцип неотвратимости дисциплинарной ответственности. Данный принцип неразрывно связан с принципом законности, закрепление его на законодательном уровне приведет к созданию предпосылок для реализации ответственности в позитивном смысле. Госслужащие смогут осознавать, что в случае нарушения служебной дисциплины, они будут привлечены к ответственности.

3) Принцип справедливости, имеющий во многом конституционную природу, перекладывается также и на общественные отношения, возникающие в связи с привлечением государственного служащего к дисциплинарной ответственности. Так с учетом ст. 50 Конституции РФ в ч.2 ст.57 ФЗ от 27.07.2004 N 79-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» предусматривается правило, согласно которому не допускается применение сразу нескольких взысканий к государственному гражданскому служащему за совершение одного проступка [19].

4) Принцип презумпции невиновности означает, что к дисциплинарной ответственности может быть привлечен лишь тот государственный гражданский служащий, в отношении которого установлена вина в совершении дисциплинарного проступка.

5) Принцип индивидуализации дисциплинарной ответственности несет в себе важное значение, что обусловлено отсутствием строго установленных санкций за совершение дисциплинарных проступков. Рассматриваемый принцип означает, что при избрании дисциплинарного взыскания необходимо учитывать характер совершенного деяния, его последствия, положение, которое занимает госслужащий в аппарате, допускалось ли им ранее нарушение служебной дисциплины.

б) Принцип гласности. Нам представляется, что принцип гласности привлечения к дисциплинарной ответственности несет в себе особое значение, так как отдельные случаи нарушения служебной дисциплины могут приводить не только к нарушению надлежащего порядка деятельности органа государственной власти, но и посягать на права и законные интересы граждан, что напрямую влияет на престиж государственной власти. В связи с чем становится жизненно необходимым для института государственной службы вернуть свой имидж в глазах населения, поэтому мы предлагаем на законодательном уровне закрепить обязанность представителя нанимателя публично объявлять о результатах служебной проверки и применении мер дисциплинарного взыскания, например, на официальных сайтах ведомств.

2. Отсутствие легального определения дисциплинарного взыскания в Федеральном законе от 27.07.2004 N 79-ФЗ (последняя редакция) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ).

Обратившись к научной литературе, можно выявить точки зрения, согласно которым дисциплинарное взыскание отождествляется с понятием дисциплинарной ответственности [19, с. 78].

На наш взгляд, нельзя отождествлять две вышеуказанные категории, так как дисциплинарное взыскание является составной частью дисциплинарной ответственности. Оно может быть назначено в отношении госслужащего только при привлечении его к дисциплинарной ответственности. Дисциплинарное взыскание выступает в качестве средства принуждения, применяемого в отношении госслужащего, совершившего служебный проступок.

Однако, представляется необходимым определить понятие дисциплинарного взыскания, что позволит отличить данную меру воздействия от административного или уголовного наказания, для этого целесообразно рассмотреть признаки дисциплинарного взыскания.

1) Основанием применения дисциплинарного взыскания может являться совершение государственным служащим деяния, нарушающего служебную дисциплину.

2) Особый субъект, осуществляющий привлечение к дисциплинарной ответственности правонарушителя, в качестве которого выступает прямой руководитель госслужащего, совершившего дисциплинарный проступок, а также вышестоящее руководство.

3) Личный характер дисциплинарного взыскания, так как оно применяется в отношении госслужащего, совершившего дисциплинарный проступок. В основе личного характера дисциплинарного воздействия лежит виновность госслужащего в совершении дисциплинарного правонарушения.

4) Особое правовое последствие применения дисциплинарного взыскания, выраженное в возникновении состояния дисциплинарной наказанности, сохраняющейся в течение года с момента применения дисциплинарного взыскания в отношении государственного служащего.

Таким образом, с учетом вышеуказанных признаков, дисциплинарное взыскание можно определить как меру дисциплинарной ответственности, применяемую к государственному служащему за совершение дисциплинарного проступка уполномоченным должностным лицом (прямым руководителем или вышестоящим руководством), которая носит личный характер и влечёт возникновение состояния дисциплинарной наказанности.

3. Фрагментарная регламентация системы дисциплинарных взысканий, применяемых в отношении государственных гражданских служащих. В настоящее время в Федеральном законе от 27.07.2004 № 79-ФЗ закреплены следующие основные виды дисциплинарных взысканий: замечание, выговор, предупреждение о неполном служебном соответствии, увольнение с государственной гражданской службы.

Так, если основания для применения такого дисциплинарного взыскания как увольнение с государственной гражданской службы прямо закреплены в Федеральном законе от 27.07.2004 № 79-ФЗ, то критерии, при помощи которых будут избираться более мягкие виды дисциплинарных взысканий отсутствуют.

Замечание выступает в качестве дисциплинарного взыскания, несущего моральное воздействие на правонарушителя. Фактиче-

ски замечание представляет собой указание на факт допущения государственным гражданским служащим нарушений служебной дисциплины.

Выговор является более строгим дисциплинарным взысканием, которое применяется в отношении госслужащих, допустивших серьезные, но не критические нарушения служебной дисциплины. Выговор как мера дисциплинарного воздействия также имеет моральный характер воздействия.

Предупреждение о неполном должностном соответствии – одно из наиболее серьезных мер среди взысканий, применяемых к государственным гражданским служащим, нередко наступает перед досрочным увольнением и, как правило, применяется, когда в отношении служащего уже ранее применялись дисциплинарные взыскания.

Увольнение с государственной гражданской службы является наиболее суровой мерой дисциплинарного воздействия. Неслучайно Ю.М. Буравлев, характеризуя данное дисциплинарное взыскание, отмечает, что увольнение является самой жесткой мерой воздействия [5, с. 114]. Это действительно так, потому что увольнение с государственной гражданской службы применяется за наиболее тяжкие случаи нарушения служебной дисциплины, например, за прогул, нахождение на службе в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, совершение по месту службы хищения и иных, установленных законом нарушений.

Судебной практике известны и другие случаи нарушений, которые признавались в качестве грубых и являлись основанием для увольнения с государственной гражданской службы, так к ним были отнесены непринятие оперативных мер, направленных на обеспечение электронного документооборота, в результате чего был причинен вред деятельности территориального органа Федерального казначейства [13].

Фрагментарность правового регулирования дисциплинарных взысканий заключается в том, что основания, при наличии которых, применяется увольнение с государственной гражданской службы предусмотрены исчерпывающим образом, при этом не закреплен

конкретный перечень оснований или перечень критериев, при которых представитель нанимателя мог бы делать выбор между замечанием и выговором. Решением данной проблемы стало бы принятие системы критериев, которая позволяла бы юрисдикционному субъекту выбрать применяемое дисциплинарное взыскание.

4. Отсутствие системности в регламентации дисциплинарных проступков. Это связано с тем, что нарушение интересов службы возможно путем совершения самых разнообразных дисциплинарных проступков, которые могут быть как закреплены в должностных регламентах и ведомственных актах, так и не быть закреплены. М.М. Полякова также связывает отсутствие системности в регламентации дисциплинарных проступков с тем, что в нормативно-правовых актах, регулирующих прохождение государственной гражданской службы, в отличие от Уголовного кодекса Российской Федерации отсутствует исчерпывающий перечень дисциплинарных проступков [15, с. 65].

В научной литературе авторы неоднократно отмечали существование данной проблемы. Так С.В. Передерин пишет, что еще в советский период времени возникала необходимость в кодификации норм служебного права, в которой бы отражался перечень составов дисциплинарных правонарушений с возможными мерами взысканий [14, с. 225]. Несмотря на то, что прошло уже несколько десятков лет данный вопрос так и не был разрешен.

Недостатком в регламентации системы дисциплинарных проступков является отсутствие деления дисциплинарных проступков по их степени тяжести. Подобное деление уже известно российскому отраслевому законодательству. В частности, в УК РФ уголовно-наказуемые деяния подразделяются по степени тяжести. В ст. 2.9 КоАП РФ предусматривается малозначительное деяние, под которым понимается подпадающее под признаки административного правонарушения деяние, которое в силу малой степени общественной опасности, деятельного раскаяния, возмещения, причиненного вреда признается в качестве малозначительного.

Нам представляется, что обеспечение обоснованности и справедливости назначения дисциплинарных взысканий за нарушение

служебной дисциплины возможно только в том случае, если дисциплинарные проступки будут подразделены на категории.

В научной литературе имеются следующие предложения по градации дисциплинарных проступков. Так, Ю.Б. Носова предлагает делить дисциплинарные проступки на незначительные, значительные и серьезные проступки [12, с. 13]. М.Б. Добробаба выделяет незначительные, значительные грубые проступки [6, с. 49].

С целью применения в российском законодательстве единообразных терминов, нам представляется подразделить дисциплинарные проступки на малозначительные, значительные и грубые. Установление данной градации дисциплинарных проступков по их тяжести позволит ограничить субъективное правоприменение представителя нанимателя при назначении взысканий, в том числе если госслужащим совершен проступок малой тяжести. Так, С.Е. Чаннов, критикуя широту дискреционных полномочий представителя нанимателя, отмечает, что на практике нередко возникают ситуации, при которых представитель нанимателя начинает более лояльно относиться к одним сотрудникам (нередко «покрывая» совершаемые ими правонарушения, в том числе коррупционные) и чрезмерно строго – к другим, вызвавшим чем-то его недовольство [23, с. 63].

Введение такой категории, как малозначительные дисциплинарные проступки, позволит снизить нагрузку на юрисдикционные субъекты.

В качестве малозначительных дисциплинарных проступков следует рассматривать те деяния, нарушающие служебную дисциплину и совершенные впервые, но не причинившие вреда правам и законным интересам третьих лиц, не повлекшие нарушение установленного порядка деятельности органа государственной власти, причинение какого-либо материального ущерба. Значительные дисциплинарные проступки – это деяния, нарушающие служебную дисциплину, в результате совершения которых был причинен вред правам и законным интересам. В свою очередь грубые дисциплинарные проступки установлены исчерпывающим образом в ст.37 ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 N 79-ФЗ.

Однако, для разрешения общей проблемы – отсутствие системности в регламентации системы дисциплинарных взысканий, необходимо также рассмотреть частную проблему, связанную с разграничением малозначительных дисциплинарных проступков от значительными. Прежде всего, существование данной проблемы обусловлено тем, что в служебном законодательстве отсутствует понятие малозначительности, неизвестно оно и Трудовому Кодексу Российской Федерации. Ситуация в правоприменительной практике сложилась таким образом, что отсутствуют единые критерии позволяющие определить, является ли деяние малозначительным дисциплинарным проступком или нет. Фактически данная квалификация осуществляется исключительно субъектом юрисдикционной деятельности.

Так, Дисциплинарный устав органов внутренних дел Российской Федерации предусматривает, что непосредственный руководитель полицейского, совершившего малозначительный дисциплинарной проступок, обладает правом применения альтернативы привлечения к дисциплинарной ответственности в виде устного предупреждения [20].

Схожие положения закреплены в Дисциплинарном уставе уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, в частности, если руководителем был обнаружен факт совершения его подчиненным малозначительного проступка, то по усмотрению руководителя подчиненный может быть освобожден от дисциплинарной ответственности, при этом данная возможность не распространяется на дисциплинарные проступки, в основе которых имеется коррупционная природа.

Отдельные авторы также полагают, что в некоторых случаях возможно признание коррупционного дисциплинарного проступка в качестве малозначительного, но только в том случае, если имеются смягчающие обстоятельства [24, с. 2201].

Однако, нельзя согласиться с данной позицией, совершение коррупционного дисциплинарного правонарушения уже само по себе является грубым дисциплинарным проступком, что нуждается в законодательном закреплении.

Таким образом, можно сделать вывод, что введение такой категории как малозначительный дисциплинарный проступок для государственных гражданских служащих возможно, так как институт малозначительности уже известен иным отраслям права и применяется при привлечении к специальной дисциплинарной ответственности в рамках иных видов государственной службы. В качестве критериев, используемых для отнесения дисциплинарного проступка к малозначительному деянию, могут выступать: степень тяжести совершенного правонарушения, наличие умысла на совершение дисциплинарного проступка, объем причиненного вреда, наличие или отсутствие материального ущерба.

Кроме того, введение категории малозначительных дисциплинарных проступков в некоторой степени окажет стимулирующее воздействие на госслужащих. Также будет реализован и принцип справедливости привлечения к дисциплинарной ответственности, так как в настоящее время в рамках отдельных видов государственной службы возможно признание дисциплинарного проступка малозначительным, а в рамках других видов госслужбы такой возможности нет.

Отдельно хотелось бы отметить о необходимости проведения сравнительно-правового анализа института дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих в российском и зарубежном законодательстве, что позволит выявить возможные направления для оптимизации российского законодательства. Как отмечается в научной литературе, в европейских государствах распространена точка зрения, согласно которой верность определенным принципам и идеалам должны лежать в основе деятельности любого служащего, начиная от самых низовых категорий и завершая самыми высокими. Представляется, что подобные требования отражаются и в содержании актов служебного законодательства [1, с. 243].

Целесообразнее всего провести компаративный анализ с европейскими государствами, так как они точно также, как и Российская Федерация относятся к континентальной правовой семье. Их характерной особенностью является кодификация служебного законодательства [26, с. 54].

Одним из таких государств является Федеративная республика Германия (далее – ФРГ), где правовое регулирование института государственной службы характеризуется действием специального закона, регламентирующего порядок привлечения госслужащих к дисциплинарной ответственности. Правовая база ФРГ в рассматриваемой сфере включает в себя: Общий закон ФРГ о правовом положении государственных служащих» от 1 июля 1957 г., Закон о гражданской службе 1997 года, Федеральный дисциплинарный закон для гражданских служащих [2, с. 10].

Уникальность института специальной дисциплинарной ответственности в ФРГ заключается в том, что согласно Закону ФРГ «О федеральных служащих» возможно привлечение государственного служащего к ответственности и при его выходе на пенсию, если в результате совершения дисциплинарного проступка был причинен вред демократическим основам государства, была создана угроза для безопасности государства, сведения, охраняемые законом, получили распространение. В то же время российское служебное законодательство не допускает привлечение государственного служащего, вышедшего в отставку к дисциплинарной ответственности.

Проанализировав систему дисциплинарных взысканий, установленных в ФРГ в отношении государственных служащих, можно выделить особую роль взысканий, оказывающих материальное воздействие. В качестве такого дисциплинарного взыскания выступает денежный штраф, представляющий собой либо лишение денежного содержания в полном объеме за один месяц, либо лишение госслужащего стимулирующих выплат. Максимальный размер денежного штрафа не может составлять более 500 евро.

Специфическим дисциплинарным взысканием, оказывающим имущественное воздействие является сокращение оклада государственного служащего. Сущность данного взыскания заключается в том, что законодательно определен предел сокращения должностного оклада до 1/5 от денежного содержания, при этом данное взыскание может быть назначено на срок не более 3 лет.

Кроме того, по служебному законодательству ФРГ государственный служащий не может рассчитывать на получение дополнительных материальных выплат, оказывающих стимулирующее воздействие, получение новой должности в период действия состояния дисциплинарной наказанности.

Заслуживает определенного внимания и регламентация института дисциплинарной ответственности во Франции. Закон от 26 января 1984 г. № 84-53 предусматривает детальную систему дисциплинарных взысканий, применяемых в отношении государственных служащих [10, с. 110].

Первая группа: предупреждение, выговор, отрешение от должности, назначаемого сроком на три дня.

Вторая группа: исключения из табеля, используемого при продвижении государственных служащих по карьерной лестнице, понижение в должности, отрешение от должности на срок до пятнадцати дней.

Третья группа: понижение в классе, отрешение от должности сроком до двух лет.

Четвертая группа включает в себя увольнение на пенсию, в том случае если государственный служащий приобрел необходимый стаж для пенсионного обеспечения, увольнение со службы

В том случае, если государственный служащий выработал необходимый стаж для получения пенсии, то за совершение дисциплинарного проступка, то возможно применение увольнения на пенсию.

Проанализировав систему дисциплинарных взысканий Франции, можно сделать вывод, что основное направление воздействия при применении большинства взысканий заключается в лишении возможности продвижения по карьерной лестнице.

Отдельно следует отметить систему гарантий для государственных гражданских служащих, установленных по французскому законодательству. Так, основополагающим принципом дисциплинарного процесса является то, что субъект, обладающий юрисдикционными функциями обязан обеспечить составление досье на госслужащего соответствующим образом. Кроме этого, при принятии решения о назначении дисциплинарного взыскания учитывается какое поло-

жение лицо занимает в системе государственной службы, степень вины госслужащего. В случае, если срок рассмотрения дела о совершенном дисциплинарном правонарушении превышает 4 месяца, то в этом случае дисциплинарное производство в отношении госслужащего прекращается [28, с. 229].

Соответственно нам представляется, что зарубежное служебное право заслуживает внимания со стороны российского законодателя. В частности, из опыта ФРГ могут быть заимствованы дисциплинарные взыскания, осуществляющие материальное воздействие, среди положений французского законодательства отдельно следует отметить тщательно разработанную систему гарантий в отношении госслужащих, привлекающихся к дисциплинарной ответственности.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что институт дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих занимает важное место в административном праве. Эффективное правовое регулирование специальной дисциплинарной ответственности напрямую влияет на состояние законности и уровень служебной дисциплины в органах, образующих публичную власть. Дисциплинарная ответственность выступает не только средством реагирования на нарушения служебной дисциплины, но и важным инструментом формирования правосознания служащих, противодействия коррупции и укрепления авторитета власти.

В ходе исследования выявлен ряд системных проблем правового регулирования дисциплинарной ответственности: отсутствие легально закрепленных принципов, пробел в определении понятия «дисциплинарное взыскание», фрагментарность системы дисциплинарных проступков и взысканий. Отсутствие четких критериев выбора меры воздействия порождает широту дискреционных полномочий представителя нанимателя и создает риски субъективного правоприменения.

В качестве решения обозначенных проблем обоснована необходимость разработки и принятия Дисциплинарного устава государственной гражданской службы, который позволил бы объединить разрозненные нормы в единый комплекс.

Заключение

1. Дисциплинарная ответственность государственных гражданских служащих является специальной разновидностью юридической ответственности, что обуславливается особой сферой ее реализации, а также назначением, заключающимся в обеспечении соблюдения должного уровня служебной дисциплины в системе государственного управления, недопущению коррупционного поведения госслужащих, поддержания престижа представителей власти перед населением.

2. Однако, анализ как теоретических положений, так и действующего законодательства регулирующего порядок привлечения к дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих свидетельствует о наличии существенного количества проблем, нуждающихся в разрешении. Среди таких проблем следует выделить: спор о природе специальной дисциплинарной ответственности, отсутствие единого перечня основополагающих начал привлечения к рассматриваемому виду ответственности, отсутствие критериев, на основании которых представителем нанимателя избирается дисциплинарное взыскание, фрагментарность правового регулирования дисциплинарных проступков, в частности отсутствие такой категории как малозначительность.

3. Нам представляется, что разрешение вышеуказанных и иных проблем, а также дальнейшая оптимизация служебного законодательства возможна путем принятия кодифицированного акта, например, Дисциплинарного устава государственной гражданской службы, в котором бы получили закрепление принципы реализации дисциплинарной ответственности, основные понятия – дисциплинарный проступок, дисциплинарное взыскание.

4. Оптимизация российского служебного законодательства возможна путем заимствования перспективного опыта зарубежного законодателя. В частности, интерес представляет опыт ФРГ, а именно наличие специального акта, регламентирующего привлечения государственного служащего к дисциплинарной ответственности, опыт французского законодателя, который предусмотрел расширенную

систему гарантий для госслужащих при привлечении последних к ответственности.

5. В качестве новых аспектов работы, расширяющих научное знание можно выделить: авторскую классификацию принципов дисциплинарной ответственности, сформулированную с учетом специфики государственной гражданской службы, разрабатываются критерии, на основании которых будет избирается, назначаемое взыскание, обосновывается необходимость градации дисциплинарных проступков, так в работе обосновывается введение трехуровневой системы проступков, что позволяет перенести теоретические разработки в практическую плоскость.

Список литературы

1. Абрамов, Я. Р. (2011). Дисциплинарный режим гражданской службы Европейского союза. *Вестник МГИМО Университета*, (5) (20), с. 243–247. EDN: <https://elibrary.ru/OONITB>
2. Акулов, В. И. (2010). Административно-правовое регулирование государственной службы в Германии. *Административное и муниципальное право*, (11) (35), с. 10–17. EDN: <https://elibrary.ru/QAOWWZ>
3. Бобракова, Н. В. (2020). Дисциплинарная ответственность государственных гражданских служащих органов управления транспортом. *Ленинградский юридический журнал*, (1) (59), с. 79–86. EDN: <https://elibrary.ru/HRBYMM>
4. Ботнев, В. К. (2013). Виды юридической ответственности за коррупционные правонарушения в системе образования Российской Федерации. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*, (3), с. 73–79. EDN: <https://elibrary.ru/RBEOIF>
5. Буравлёв, Ю. М. (2019). *Дисциплинарная ответственность государственных служащих (теоретическое и правовое исследование): монография*. Москва: Юр. Норма: ИНФРА-М, 160 с.
6. Добрабаба, М. Б. (2013). Проблема систематизации служебно-дисциплинарных деликтов. *Административное право и процесс*, (7), с. 48–50. EDN: <https://elibrary.ru/QYUKJF>
7. Добрабаба, М. Б. (2015). Принципы дисциплинарной ответственности государственных служащих: конституционные основы и проблемы реализации в нормах служебного права. *Ленинградский юридический журнал*, (2) (40), с. 131–145. EDN: <https://elibrary.ru/UFENDZ>
8. Доклад «О выполнении в 2023 году мероприятий, предусмотренных Планом Федеральной службы государственной статистики по противодействию кор-

- руссии на 2021–2024 годы». https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Doklad_2023.html (дата обращения: 03.03.2026).
9. Козлов, М. К. (2019). Проблемы правового регулирования дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих. *Научный альманах, (3-1)* (53), с. 125–128. EDN: <https://elibrary.ru/VKLFIT>
 10. Лещина, Э. Л. (2020). Дисциплинарная ответственность государственных служащих Французской Республики. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право, 20(4)*, с. 109–115. <https://doi.org/10.14529/law200419>. EDN: <https://elibrary.ru/FZUQSW>
 11. Можяев, А. Г. (2013). Анализ соотношения дисциплинарной и уголовной ответственности должностных лиц. *Вестник Томского государственного университета, (374)*, с. 126–129. EDN: <https://elibrary.ru/UJLCKH>
 12. Носова, Ю. Б. (2008). *Дисциплинарная ответственность государственных гражданских служащих Российской Федерации*: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 34 с. EDN: <https://elibrary.ru/NKNMEN>
 13. *Обзор судебной практики по спорам, связанным с прохождением службы государственными гражданскими служащими и муниципальными служащими* (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.06.2016). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200170/ (дата обращения: 03.03.2026).
 14. Передерин, С. В. (2019). Законодательство о дисциплинарной ответственности: состояние и тенденции развития. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право, (1)* (36), с. 224–239. EDN: <https://elibrary.ru/MJENOS>
 15. Поляков, М. М. (2018). Дисциплинарная ответственность государственных гражданских служащих за нарушение законодательства в сфере стратегического планирования и противодействия коррупции. *Актуальные проблемы российского права, (8)* (93), с. 63–71. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.93.8.063-071>. EDN: <https://elibrary.ru/YAQCXCX>
 16. *Об утверждении дисциплинарного устава уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: приказ Минюста России от 12.09.2019 № 202* (Зарегистрировано в Минюсте России 17.09.2019 № 55944). Официальный интернет-портал правовой информации. <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.03.2026).
 17. Савин, С. А. (2023). Проблемы применения механизма дисциплинарной ответственности государственных служащих за коррупционные правонарушения. *Академическая публицистика, (3-1)*, с. 141–147. EDN: <https://elibrary.ru/ILWZSW>
 18. *Сводные статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции и мировых судей в России за 2020–2024 года*. <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 07.03.2026).
 19. Смирнов, А. К. (2021). Проблемы применения дисциплинарных взысканий на государственной гражданской службе. *Administrative Consulting, 7(2)*, с. 77–83. EDN: <https://elibrary.ru/APKBPI>

20. Указ Президента РФ от 14.10.2012 № 1377 «О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации». Справочная правовая система КонсультантПлюс.
21. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (последняя редакция). <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.03.2026).
22. Хашагульгова, Э. Б. (2022). Дисциплинарная ответственность государственных гражданских служащих в Российской Федерации. *Юридический факт*, (179), с. 3–5. EDN: <https://elibrary.ru/TRDERA>
23. Чаннов, С. Е. (2018). Дисциплинарная и административная ответственность государственных и муниципальных служащих: вопросы эффективности. *Журнал российского права*, (2) (254), с. 63. https://doi.org/10.12737/art_2018_2_6. EDN: <https://elibrary.ru/YNJEKQ>
24. Чаннов, С. Е. (2014). Может ли коррупционный проступок быть малозначительным? *Актуальные проблемы российского права*, (10) (47), с. 2197–2203. EDN: <https://elibrary.ru/VCPIGR>
25. Чурекова, О. О. (2018). Дисциплинарная ответственность государственных служащих в Российской Федерации. *Эпомен*, (14), с. 110–115. EDN: <https://elibrary.ru/XSCHSP>
26. Aristovnik, A., Kovac, P., Leben, A., & Tomaževic, N. (2018). Excellence in public administration: Job satisfaction as a factor of good administration. *International Journal of Human Resources Development and Management*, 18(1–2), pp. 127–144. <https://doi.org/10.1504/IJHRDM.2018.092303>
27. Hine, D. (2006). Codes of Conduct for Public Officials in Europe: Common Label, Divergent Purposes. В: *Public Ethics and Governance: Standards and Practices in Comparative Perspective (Research in Public Policy Analysis and Management, Vol. 14)* (pp. 43–69). Emerald Group Publishing Limited, Bingley. [https://doi.org/10.1016/S0732-1317\(05\)14004-4](https://doi.org/10.1016/S0732-1317(05)14004-4)
28. Puran, A. (2014). The Disciplinary Liability of French Civil Servants — Comparative Analysis with the Romanian Law. *Analele Universității Titu Maiorescu*, (XIII), pp. 226–236.

References

1. Abramov, Ya. R. (2011). Disciplinary regime of the civil service of the European Union. *Bulletin of MGIMO University*, (5)(20), 243–247. EDN: <https://elibrary.ru/OONITB>
2. Akulov, V. I. (2010). Administrative and legal regulation of public service in Germany. *Administrative and Municipal Law*, (11)(35), 10–17. EDN: <https://elibrary.ru/QAOWWZ>

3. Bobrakova, N. V. (2020). Disciplinary responsibility of civil servants in transport management bodies. *Leningrad Legal Journal*, (1)(59), 79–86. EDN: <https://elibrary.ru/HRBYMM>
4. Botnev, V. K. (2013). Types of legal liability for corruption offenses in the education system of the Russian Federation. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences*, (3), 73–79. EDN: <https://elibrary.ru/RBEOIF>
5. Buravlev, Yu. M. (2019). *Disciplinary responsibility of public servants: Theoretical and legal research: Monograph*. Moscow: Yur. Norma: INFRA-M, 160 p.
6. Dobrobaba, M. B. (2013). The problem of systematization of service-disciplinary delicts. *Administrative Law and Process*, (7), 48–50. EDN: <https://elibrary.ru/QYUKJF>
7. Dobrobaba, M. B. (2015). Principles of disciplinary responsibility of public servants: Constitutional foundations and problems of implementation in service law norms. *Leningrad Legal Journal*, (2)(40), 131–145. EDN: <https://elibrary.ru/UFEHDZ>
8. Federal State Statistics Service. (2023). *Report on the implementation of activities provided by the Anti-Corruption Plan of the Federal State Statistics Service for 2021–2024 in 2023* [Electronic resource]. Retrieved March 03, 2026, from https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Doklad_2023.html
9. Kozlov, M. K. (2019). Problems of legal regulation of disciplinary responsibility of civil servants. *Scientific Almanac*, (3-1)(53), 125–128. EDN: <https://elibrary.ru/VKLFIT>
10. Leschina, E. L. (2020). Disciplinary responsibility of public servants of the French Republic. *Bulletin of South Ural State University. Series: Law*, 20(4), 109–115. <https://doi.org/10.14529/law200419>. EDN: <https://elibrary.ru/FZUQSW>
11. Mozhaev, A. G. (2013). Analysis of the relationship between disciplinary and criminal liability of officials. *Bulletin of Tomsk State University*, (374), 126–129. EDN: <https://elibrary.ru/UJLCKH>
12. Nosova, Yu. B. (2008). *Disciplinary responsibility of civil servants of the Russian Federation: Abstract of a candidate dissertation in legal sciences*. Voronezh, 34 p. EDN: <https://elibrary.ru/NKNMEH>
13. Supreme Court of the Russian Federation. (2016). *Review of judicial practice on disputes related to public and municipal service (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 22, 2016)* [Electronic resource]. Retrieved March 03, 2026, from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200170/
14. Perederin, S. V. (2019). Legislation on disciplinary responsibility: Current state and development trends. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Law*, (1)(36), 224–239. EDN: <https://elibrary.ru/MJENOS>
15. Polyakov, M. M. (2018). Disciplinary responsibility of civil servants for violations of legislation in strategic planning and anti-corruption. *Actual Problems of Russian*

- Law*, (8)(93), 63–71. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.93.8.063-071>. EDN: <https://elibrary.ru/YAQCXCX>
16. Ministry of Justice of the Russian Federation. (2019). *Order No. 202 dated September 12, 2019 "On Approval of the Disciplinary Charter of the Penal System of the Russian Federation"* (Registered with the Ministry of Justice on September 17, 2019, No. 55944) [Electronic resource]. Retrieved March 03, 2026, from <http://www.pravo.gov.ru>
 17. Savin, S. A. (2023). Problems of implementing the mechanism of disciplinary responsibility for corruption offenses among public servants. *Academic Publicism*, (3-1), 141–147. EDN: <https://elibrary.ru/ILWZSW>
 18. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.). *Consolidated statistical data on the activities of general jurisdiction courts and magistrates in Russia for 2020–2024* [Electronic resource]. Retrieved March 07, 2026, from <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>
 19. Smirnov, A. K. (2021). Problems of applying disciplinary sanctions in public civil service. *Administrative Consulting*, 7(2), 77–83. EDN: <https://elibrary.ru/APKBPI>
 20. President of the Russian Federation. (2012). *Decree No. 1377 dated October 14, 2012 "On the Disciplinary Charter of Internal Affairs Bodies of the Russian Federation"*. ConsultantPlus.
 21. State Duma of the Russian Federation. (2004, amended 2026). *Federal Law No. 79-FZ dated July 27, 2004 "On the State Civil Service of the Russian Federation"* [Electronic resource]. Retrieved March 03, 2026, from <http://www.pravo.gov.ru>
 22. Khashagulgova, E. B. (2022). Disciplinary responsibility of civil servants in the Russian Federation. *Legal Fact*, (179), 3–5. EDN: <https://elibrary.ru/TRDERA>
 23. Channov, S. E. (2018). Disciplinary and administrative responsibility of state and municipal servants: Issues of effectiveness. *Journal of Russian Law*, (2)(254), 63. https://doi.org/10.12737/art_2018_2_6. EDN: <https://elibrary.ru/YNJEKQ>
 24. Channov, S. E. (2014). Can a corruption offense be insignificant? *Actual Problems of Russian Law*, (10)(47), 2197–2203. EDN: <https://elibrary.ru/VCPIGR>
 25. Churekova, O. O. (2018). Disciplinary responsibility of public servants in the Russian Federation. *Epomen*, (14), 110–115. EDN: <https://elibrary.ru/XSCHSP>
 26. Aristovnik, A., Kovac, P., Leben, A., & Tomaževic, N. (2018). Excellence in public administration: Job satisfaction as a factor of good administration. *International Journal of Human Resources Development and Management*, 18(1–2), 127–144. <https://doi.org/10.1504/IJHRDM.2018.092303>
 27. Hine, D. (2006). Codes of Conduct for Public Officials in Europe: Common Label, Divergent Purposes. B: *Public Ethics and Governance: Standards and Practices in Comparative Perspective (Research in Public Policy Analysis and Management, Vol. 14)* (pp. 43–69). Emerald Group Publishing Limited, Bingley. [https://doi.org/10.1016/S0732-1317\(05\)14004-4](https://doi.org/10.1016/S0732-1317(05)14004-4)

28. Puran, A. (2014). The Disciplinary Liability of French Civil Servants – Comparative Analysis with the Romanian Law. *Analele Universităţii Titu Maiorescu*, (XIII), pp. 226–236.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Монетов Антон Геннадиевич, преподаватель кафедры теории права и публично-правовых дисциплин
Рязанский государственный университет
ул. Свободы, 46, г. Рязань, Рязанская область, 390000, Российская Федерация
monetov62@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Anton G. Monetov, Lecturer of the Department of Theory of Law and Public Law Disciplines
Ryazan State University
46, Svobody Str., Ryazan, Ryazan Region, 390000, Russian Federation
monetov62@mail.ru
SPIN-code: 4015-0936
ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-5133-7979>

Поступила 28.02.2026

После рецензирования 18.03.2026

Принята 20.03.2026

Received 28.02.2026

Revised 18.03.2026

Accepted 20.03.2026

Частно-правовые науки / Private Law Sciences

Научная статья

Original article

DOI: [10.12731/2576-9634-2026-10-1-267](https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-1-267)

EDN: [LNSRFE](https://www.edn.ru/record/10.12731/2576-9634-2026-10-1-267)

УДК 304.4

Социальная политика Российской Федерации в эпоху трансформации: вызовы и политические решения

Ю.В. Земцова, П.П. Нечаева, Н.Н. Шанихина

ИПИ им. П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ, Ишим, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Настоящая статья посвящена анализу социальной политики Российской Федерации (РФ) в условиях комплексной социально-экономической трансформации. В центре внимания находятся вызовы демографического, социально-экономического, бюджетного, институционального и технологического характера, оказывающие определяющее влияние на изменение механизмов государственной социальной поддержки.

Цель. Целью исследования является выявление взаимосвязи между трансформационными социально-экономическими вызовами и эволюцией инструментов социальной политики РФ.

Методология проведения работы. Методологическую основу исследования составляют методы анализа и синтеза, сравнительного анализа, анализа статистических данных, а также индуктивный и дедуктивный методы, применяемые для выявления закономерностей трансформации социальной политики РФ.

Результаты. В результате исследования установлено, что социальная политика РФ за последние 20-25 лет эволюционировала от преимущественно компенсаторной модели к системе, направленной на адресность, программно-целевое управление и развитие человеческого капитала. Обоснована устойчивая зависимость между характером трансформационных вызовов и изменением механизмов социальной политики.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы в практике разработки и корректировки мер социальной политики на федеральном и региональном уровнях, а также в дальнейших научных исследованиях, посвященных трансформации социальной политики и государственному управлению социальной сферой.

Ключевые слова: социальная политика; трансформация; адресная поддержка; национальные проекты; цифровизация; человеческий капитал; социальные риски

Для цитирования. Земцова, Ю. В., Нечаева, П. П., & Шанихина, Н. Н. (2026). Социальная политика Российской Федерации в эпоху трансформации: вызовы и политические решения. *Russian Studies in Law and Politics / Российские исследования. Право и политика*, 10(1), 109-133. <https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-1-267>

Social policy of the Russian Federation in the era of transformation: challenges and political solutions

J.V. Zemtsova, P.P. Nechaeva, N.N. Shanikhina

Tyumen State University, Pedagogical Institute (branch), Ishim, Russian Federation

Abstract

Background. The article explores the social policy of the Russian Federation (RF) in the context of comprehensive socio-economic transformation. The focus is on demographic, socio-economic, budgetary, institutional, and technological challenges that have a decisive impact on changes in state social support mechanisms.

Purpose. The purpose of the study is to identify the relationship between transformational socio-economic challenges and the evolution of social policy instruments in the Russian Federation.

Methodology. The methodological framework of the study is based on methods of analysis and synthesis, comparative analysis, statistical data analysis, as well as inductive and deductive methods used to identify patterns in the transformation of social policy in the Russian Federation.

Results. The study finds that over the past 20-25 years, social policy in the Russian Federation has evolved from a predominantly compensatory model to a system focused on targeted support, program-based management, and human capital development. The stable relationship between the nature of transformational challenges and changes in the mechanisms of social policy is substantiated.

Practical implications. The results of the study can be used in the development and adjustment of social policy measures at both federal and regional levels, as well as in further academic research on social policy transformation and public administration in the social sphere.

Keywords: social policy; transformation; targeted support; national projects; digitalization; human capital; social risks

For citation. Zemtsova, J. V., Nechaeva, P. P., & Shanikhina, N. N. (2026). Social policy of the Russian Federation in the era of transformation: challenges and political solutions. *Russian Studies in Law and Politics*, 10(1), 109-133. <https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-1-267>

Введение

В последние годы социальная политика в Российской Федерации развивается в условиях достаточно глубоких структурных изменений, вследствие чего ее анализ можно считать *актуальным*. Имеющиеся данные статистики на конец 2025 года одновременно отражают и позитивные изменения, и значительные социальные риски, что подтверждает необходимость совершенствования механизмов государственной поддержки социального характера.

Согласно последним данным Росстата, по итогу первого полугодия 2025 года численность населения РФ, имеющего доходы ниже установленной рамки (черты бедности), составляла 11,6 млн человек, что соответствует 8% от всего населения Российской Федерации. За аналогичный период в 2024 году таких россиян насчитывалось 13,3 млн человек, или 9,1% [9]. Из данных статистики действительно можно отметить положительную динамику; при этом само ведомство, в свою очередь, объясняет снижение количества россиян, проживающих за чертой бедности, ростом доходов населения.

Однако многие эксперты указывают на то, что реальное число населения в РФ, имеющего доходы ниже установленной черты бедности, может быть существенно выше (вплоть до 15%), что, как правило, связывается с ограниченностью используемой официальной методологии расчета бедности, которая не в полной мере учитывает региональные различия в уровне цен, структуру потребления домохозяйств и инфляционные процессы. В особенности это актуально с учетом региональных различий и методологических подходов к расчетам: в то время как в официальной статистике преимущественно применяется абсолютный подход, основанный на величине прожиточного минимума, в экспертной и международной практике также используются относительные методики оценки бедности, отражающие соотношение доходов населения с медианным уровнем, что и устанавливает расхождения в итоговых оценках [26].

Данный тезис, в частности, косвенно подтверждается государственными расходами на социальную политику: в проекте федерального бюджета на данный раздел только на 2025 год было предусмотрено

порядка 6,4 трлн рублей, что соответствует примерно 16% от всех расходов на федеральном уровне. Более того, в соответствии с принятым федеральным бюджетом, на 2026-2028 гг. предусмотрено свыше 22 трлн рублей на социальную политику в Российской Федерации [7].

В равной степени в подтверждение данного тезиса можно отметить сохранение социально-экономического неравенства в реалиях современной России. Коэффициент Джини, который позволяет оценить неравномерность распределения доходов, в последние годы в РФ стабильно остается на уровне 0,41 [4]. Такой показатель находится выше среднего (чем он больше, тем сильнее выражено неравенство в распределении доходов населения), если сравнивать его со многими европейскими странами, где, например, в Германии и Франции коэффициент Джини составляет около 0,29-0,32 ед., а в странах Северной Европы – порядка 0,27-0,28 ед.

Как следствие, актуальные данные статистики демонстрируют одновременно и прогресс России в снижении бедности, и сохраняющиеся проблемы структурного характера, поэтому крайне важно на современном этапе исследовать направления социальной политики Российской Федерации в эпоху трансформации.

Научная новизна исследования заключается в определении устойчивой взаимосвязи между характером трансформационных социально-экономических вызовов и изменением инструментов социальной политики РФ. В связи с чем в данной работе социальная политика РФ будет рассматриваться как система, подверженная изменениям, которая трансформируется от преимущественно компенсаторной модели к модели, приоритетами для которой являются адресность, программный подход и развитие человеческого капитала.

Объектом исследования выступает социальная политика Российской Федерации. *Целью исследования* является выявление взаимосвязи между трансформационными социально-экономическими вызовами и изменением инструментов социальной политики Российской Федерации. В рамках достижения поставленной цели предполагается решение следующих *задач*: определить основные трансформационные вызовы социальной политики РФ; проанализи-

зировать эволюцию инструментов социальной политики в современных условиях; обосновать переход социальной политики РФ от компенсаторной модели к модели, направленной прежде всего на адресность и развитие человеческого капитала.

Обращаясь к *обзору литературы*, уместно будет отметить, что актуальные отечественные исследования, как правило, рассматривают социальную политику РФ преимущественно в контексте долгосрочных изменений, социальной защиты и перераспределения доходов, при этом в большинстве научных работ не анализируется трансформация современных политических решений под влиянием комплексных социально-экономических вызовов [6; 22].

В иностранных научных работах по большей части исследуются изменения моделей социальной политики под влиянием демографических и экономических факторов [24; 25]. Иными словами, в современной научной практике недостаточно комплексных исследований взаимосвязи актуальных трансформационных вызовов и эволюции инструментов социальной политики РФ, что и восполнит настоящая работа.

Материалы и методы

Источниковую базу настоящего исследования, помимо научных статей и исследований, составили официальные статистические ресурсы Федеральной службы государственной статистики и аналитические отчеты авторитетных изданий. Также следует отметить нормативно-правовые акты, направленные на регулирование социальной политики в реалиях современной России. Соответствующие законодательные документы в равной степени составляют источниковую базу исследования.

В рамках работы используются общетеоретические методы исследования, которые позволяют комплексно рассмотреть и проанализировать социальную политику РФ в условиях трансформации. Отметим ниже основные из них:

1. Методы анализа и синтеза применяются для изучения современных публикаций, нормативно-правовых актов и статистики; они

ориентированы на выявление основных трансформационных вызовов, а также на установление соответствующих инструментов государственной социальной поддержки, направленных на их решение.

2. Метод сравнительного анализа необходим для сопоставления состояния социальной политики в РФ и реализуемых политических решений в разные периоды трансформации; он позволяет определить направления эволюции социальной политики.

3. Анализ статистики используется с целью описательного представления ряда показателей, начиная от демографических и экономических и заканчивая социальными; он не предполагает проведение математических расчетов наряду с построением сложно структурированных моделей.

4. Индуктивный и дедуктивный методы применяются непосредственно для формулирования общих закономерностей социальной политики РФ исходя из изучения частных случаев и общей ситуации; данные методы направлены на формирование объективных и логических выводов.

Равным образом кратко зафиксируем последовательность использования отмеченных выше методов. Прежде всего, проводятся анализ и синтез актуальных публикаций, нормативных документов и статистики, по результатам которых определяются ключевые вызовы и направления социальной политики РФ. Далее посредством использования сравнительного анализа устанавливаются изменения в инструментах социальной политики РФ в разные периоды. Впоследствии, на основе полученных данных и с применением метода индукции выясняются общие закономерности трансформации социальной политики. Дедуктивный метод, в свою очередь, используется для сопоставления данных закономерностей с теоретическими положениями о функции социальной политики. Анализ статистики необходим для подтверждения всех соответствующих выводов и демонстрации имеющихся тенденций.

Как следствие, по совокупности использования отмеченных выше методов данный подход позволяет определить актуальную взаимосвязь между трансформационными вызовами и эволюцией

инструментов социальной политики в реалиях современной России.

Трансформационные социально-экономические вызовы социальной политики РФ

По результатам проведенного анализа современной социальной политики Российской Федерации было определено, что она развивается в условиях комплексной трансформации социально-экономической среды. В частности, были выявлены четыре основные группы, к которым можно отнести соответствующие вызовы, определяющие направления эволюции инструментов социальной политики РФ.

Первая группа – вызовы демографического характера. Актуальная демографическая ситуация в Российской Федерации на современном этапе является не самой оптимистичной как для властей, так и непосредственно для населения. Число трудоспособных россиян снижается с каждым годом, в обществе наметилась тенденция старения.

По предварительной оценке, сформированной Росстатом на 1 января 2025 года, в стране насчитывалось 146 028 млн жителей. Данная оценка не учитывает четыре новых региона [19]. Одновременно с этим на начало 2025 года люди в возрасте от 65 лет и старше составляли почти 18% от общей численности населения России. При этом на начало 1990-х людей в такой возрастной группе было всего 9,9%. По имеющимся оценкам, к середине века их доля может повыситься до 24% [23].

Более того, возрастная группа россиян старше 65 лет увеличивается не только в относительных, но и в абсолютных статистических величинах: ее численность возросла с 14,6 млн человек в начале 1990-х до 25,8 млн человек в 2025 году [23].

В сложившихся обстоятельствах необходимо отметить, что сокращение трудоспособного населения, причем достаточно стремительное, значительно увеличивает нагрузку как на пенсионную систему, так и на систему социальной защиты, а это уже требует от государства разработки и интеграции новых механизмов перераспределения доходов и поддержки наиболее уязвимых групп населения [11, с. 42].

Подобная ситуация наблюдается не только в Российской Федерации. Так, например, греческие ученые оценили влияние старения

населения на 23 страны из Организации экономического сотрудничества и развития. Результаты их исследования также подчеркивают негативное влияние на пенсионные системы соответствующих государств. Кроме того, в их исследовании отмечается негативное влияние старения населения на темпы роста реального ВВП [28, р. 78].

Вторая группа – социально-экономические вызовы. Несмотря на снижение уровня бедности в РФ за первые два квартала 2025 года по официальным данным Росстата до 8%, в России по-прежнему сохраняются значительные различия на уровне регионов, а также достаточно высокий коэффициент Джини, который за последние годы колебался около значения в 0,41 ед. [4].

В ситуации с региональным различием в уровне бедности отметим разницу между более и менее развитыми регионами. Так, например, количество людей, проживающих за чертой бедности, в Санкт-Петербурге и Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО) составляет порядка 3,5% от всего населения в данных субъектах РФ (по данным на начало 2025 года). В то же время в Ингушетии доля населения, проживающего за чертой бедности, на тот же период составляет уже 25,6% [20]. Санкт-Петербург является городом федерального значения, в сущности, выступая второй столицей в РФ после Москвы. ЯНАО следует считать одним из лидеров России по добыче газа. Напротив, Ингушетия является регионом аграрно-индустриальным, преимущественно сельским, в частности поэтому в данном субъекте РФ столь высокий процент населения, проживающего за чертой бедности [10, с. 21].

Все это указывает на сохраняющееся социальное неравенство, основными причинами которого выступают различия в уровне экономического развития регионов, отраслевой структуре экономики, доступе к рабочим местам и социальной инфраструктуре. Дифференциация доходов наряду с ограниченными возможностями для осуществления трудовой деятельности в ряде регионов, связанными с низкой диверсификацией экономики, ограниченным рынком труда и дефицитом высокооплачиваемых рабочих мест, формируют потребность в адресной поддержке и стимулировании занятости [18,

с. 155]. Кроме того, особенно важным является планомерное развитие программ социального характера на региональном уровне.

Третья группа – ограниченность бюджетных ресурсов, связанная непосредственно с ростом социальных обязательств государства на фоне старения населения и структурными ограничениями доходной части бюджета. Как уже ранее отмечалось, в 2025 году расходы на социальную политику были заложены в размере 16%, они исчисляются триллионами рублей [8], что в целом демонстрирует достаточно высокую финансовую нагрузку на социальную сферу. Правда, в то же время в Фонде пенсионного и социального страхования дефицит к концу того же года, по данным Министерства финансов Российской Федерации, должен составить порядка 780 млрд рублей [2]. Возникающий дефицит ранее всегда покрывался за счет средств федерального бюджета, однако и в данном случае на современном этапе имеются определенные проблемы.

Прежде всего, изначально в проект бюджета дефицит вышеупомянутого Фонда был заложен в размере 369,5 млрд рублей, что вдвое меньше, чем получившийся в результате показатель. Актуальные результаты, в свою очередь, создают весьма серьезную нагрузку на федеральный бюджет, которая первоначально не была учтена. Одновременно с этим межбюджетные трансферты в 2025 году составляют всего 3,6 трлн рублей вместо запланированных 4 трлн, что, опять же, накладывает дополнительное давление на федеральный бюджет, так как дефицит в рассматриваемом году был зафиксирован не только в ранее упомянутом Фонде [2].

В Государственной Думе РФ ранее подчеркнули, что никаких проблем с выплатой пенсий населению в ближайшие годы не будет, даже несмотря на дефицит бюджета Фонда пенсионного и социального страхования. Однако крайне важно понимать, что данная проблема не коснется современных пенсионеров, но в то же время может негативно сказаться на будущем поколении людей пенсионного возраста. Государственная пенсия достаточно редко покрывает даже 40% от прежних доходов населения, что в результате ведет к падению уровня жизни [2]. Если дефицит бюджета Фонда

пенсионного и социального страхования продолжит безостановочно повышаться, будущим пенсионерам нужно будет готовиться к потенциально еще более низкому уровню жизни, чем у текущих пенсионеров [15, с. 120].

Четвертая группа – вызовы институционального и технологического характера. В рамках обсуждения данной группы факторов необходимо отметить, что, с одной стороны, цифровизация социальных услуг наряду с развитием электронных платформ предоставления социальной помощи формируют новые возможности в контексте повышения общей доступности и контроля эффективности соответствующих программ. С другой стороны, подобные изменения создают дополнительные риски для возникновения цифрового неравенства среди населения, причем выводы, полученные на примере европейских стран, в том числе Италии, могут быть применимы и к Российской Федерации, поскольку факторы цифрового неравенства (возраст, уровень образования и доходов, доступ к инфраструктуре) имеют, как правило, универсальный характер [27, р. 2].

Для сравнения, в Германии реализуются региональные программы цифровой поддержки пожилых граждан, а во Франции внедряются социальные контракты с интеграцией профессиональной подготовки. Такие модели позволяют оценить возможности трансформации зарубежного опыта к российской практике и определить подходы к повышению эффективности социальной поддержки.

По данным аналитического центра НАФИ, несмотря на активный переход России в онлайн-среду, миллионы пожилых россиян за цифровизацией не успевают. Исходя из результатов проведенного данным аналитическим центром исследования, было определено, что 77% от всего числа опрошенных лиц старше 55 лет хотели бы улучшить свои цифровые навыки. Наряду с этим почти половина опрошенных (45%) старше 55 лет чувствуют себя уязвимыми перед онлайн-мошенниками, вследствие чего данная возрастная группа россиян в меньшей степени доверяет цифровым ресурсам [1].

В сложившихся обстоятельствах требуется интеграция механизмов, которые смогут учитывать не только региональные различия в области

цифровой грамотности, но и в целом возможности доступа населения в разных субъектах в РФ к ресурсам сети Интернет [17, с. 457].

В качестве промежуточного вывода следует отметить, что выявленные в рамках данного раздела трансформационные вызовы формируют настоятельную необходимость в улучшении и коррекции актуальной социальной политики РФ, которая в современных реалиях должна совершить переход от традиционной компенсаторной модели к системе более адресной, программной и направленной прежде всего на развитие человеческого капитала.

Эволюция инструментов социальной политики

С учетом влияния вызовов трансформационного характера, отмеченных ранее в предыдущем разделе, социальная политика РФ претерпела достаточно серьезные изменения в рамках используемых подходов к распределению ресурсов и организации мер социальной поддержки в отношении уязвимых групп населения. Как следствие, эволюция инструментов социальной политики РФ за последние 20-25 лет по своему содержанию отражает переход от преимущественно компенсаторной модели к системе более индивидуализированной и одновременно комплексной. Далее рассмотрим основные этапы данной эволюции, представив краткую характеристику для каждого из них.

Первым этапом был переход к адресной поддержке. Еще в 2000-м году Президент РФ Владимир Путин отмечал в своем послании Федеральному Собранию РФ: «нынешняя система социальной поддержки, основу которой составляют безадресные социальные пособия и льготы, устроена так, что распыляет государственные средства, позволяет богатым пользоваться общественными благами за счет бедных. Формально бесплатные образование и здравоохранение фактически платны и порой недоступны для малообеспеченных; детские пособия мизерны и не выплачиваются годами; пенсии скудны и не привязаны к реальному трудовому вкладу» [21].

Соответственно, основным из первых изменений, которые были реализованы в рамках совершенствования системы социальной политики в РФ еще начале 2000-х, стало усиление адресности и

целенаправленности мер социальной поддержки. В данном направлении были увеличены доли целевых выплат по сравнению с универсальными пособиями для соответствующих групп населения: малоимущих семей, семей с детьми, инвалидов и т.п. Так, например, в 2002 году на финансирование социальных программ в РФ выделялись особенно значительные на тот период времени средства – 6% ВВП [21].

Кроме того, впоследствии были разработаны социальные контракты для стимулирования трудовой активности уязвимых групп населения и оказания им необходимого уровня помощи для самостоятельного выхода из бедности. Социальные контракты были введены на основе ст. 8.1 Федерального закона от 17 июля 1999 года № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» [12]. Указанная статья была введена Федеральным законом от 25 декабря 2012 года № 258-ФЗ. Следует отметить, в 2025 году в рассматриваемый Федеральный закон были внесены новые изменения, уточняющие категории получателей и порядок предоставления социальной помощи на основании социального контракта, которые вступили в силу с 1 января 2026 г.

Однако на практике для реализации социальных контрактов характерен ряд достаточно серьезных проблем: низкий уровень понимания среди населения касательно возможностей получения помощи, ограниченные ресурсы некоторых регионов, а также сложность контроля эффективности расходования средств. В некоторых субъектах РФ число заключенных контрактов на душу населения значительно ниже среднего по стране, что указывает на необходимость региональной трансформации подходов.

Вторым этапом можно считать усиление роли регионов – субъектов Российской Федерации. Современная социальная политика РФ предполагает под собой расширение полномочий регионов в контексте предоставления социальных услуг населению [5, с. 78], что позволяет учитывать специфические потребности россиян, проживающих на разных территориях, а также дифференциацию субъектов России в соответствии с их экономическими возможностями.

Кроме того, интеграция и реализация отдельных региональных инициатив, как правило, сопровождается федеральными гарантиями минимального уровня социальной защиты, что в результате позволяет обеспечивать паритет между централизацией и локальной трансформацией социальной политики. Такие федеральные гарантии устанавливаются на основе Федерального закона «О гарантиях социальной защиты отдельных категорий граждан» от 8 июня 2015 года № 139-ФЗ [13].

В качестве третьего этапа следует отметить переориентацию социальной системы РФ на программный подход и национальные проекты. Особенно значимым инструментом социальной политики РФ, который был использован для устранения трансформационных вызовов, выступила реализация национальных проектов, в том числе под наименованиями «Демография», «Здравоохранение», «Образование», а также «Цифровая экономика». Начало отмеченным выше национальным проектам было положено по результатам утверждения Указа Президента РФ 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [14].

Подтверждение эффективности национальных проектов РФ в области социальной политики можно зафиксировать по результатам проведенного в 2022 году опроса аналитическим центром ВЦИОМ. Наиболее заметными мерами социальной поддержки, которые были реализованы в рамках национальных проектов РФ за отмеченный выше год, респонденты назвали: «материнский капитал (98%); льготную ипотеку (91%) ежемесячные выплаты при рождении детей до трех лет (89%); расселение аварийного жилья, диспансеризацию населения (88%), раздельный сбор и переработку мусора (88%)» [3].

Подобные программы позволяют концентрировать ресурсы на наиболее приоритетных направлениях, формировать актуальные целевые индикаторы, а также увеличивать общую эффективность социального воздействия. Как следствие, программный подход способствует не только более структурированной, но и лучше прогнозируемой реализации социальной политики РФ, способной

учитывать долгосрочные тенденции демографического и экономического характера.

Наконец, в качестве четвертого этапа эволюции социальной политики Российской Федерации в условиях трансформационных вызовов можно отметить цифровизацию и интеграцию в действующую систему инновационных форм предоставления услуг социального характера. Активная интеграция цифровых платформ для улучшения предоставления социальных услуг населению РФ предоставляет россиянам большую доступность наряду с прозрачностью поддержки. Рассматривая данное направление, в качестве примера первостепенно можно выделить обеспечение возможностей для получения социальной поддержки через сервис Госуслуги [16, с. 13].

Правда, как ранее отмечалось, цифровизация также создает дополнительные вызовы, которые напрямую связаны с неравенством цифрового характера. Данный аспект требует уделения должного внимания к технической поддержке россиян со стороны органов государственной власти, поскольку цифровое неравенство проявляется не только в возрастном и доходном разрыве, но и в региональных различиях: в сельских и северных регионах доля пожилых граждан, испытывающих трудности с цифровыми сервисами, в среднем на 20-30% выше, чем в крупных городах. Основными причинами выступают ограниченный доступ к инфраструктуре, недостаток цифровой грамотности и низкая доступность образовательных программ.

На основании проведенного анализа была составлена следующая обобщающая таблица, в которой кратко зафиксирована эволюция инструментов социальной политики РФ в условиях трансформации (см Табл. 1).

Исходя из проведенного анализа, можно сделать следующий обобщающий вывод: действующая российская модель социальной политики совмещает в себе элементы традиционной защиты социального характера с более инновационными подходами, в рамках которых делается акцент на целевую поддержку, программное управление и цифровые возможности. Реализованные за последние 20-25 лет изменения отражают гибкость и пластичность социальной политики РФ в условиях

трансформации, а также подготавливают базу для формирования более устойчивых механизмов, которые в будущем потенциально будут способны противостоять демографическим, социально-экономическим, институциональным и технологическим вызовам.

Таблица 1.

Эволюция инструментов социальной политики Российской Федерации в условиях трансформации

Table 1. The Evolution of Social Policy Instruments in the Russian Federation Amid Transformation

Период	Основные инструменты	Ключевые изменения
Начало 2000-х гг.	Адресные социальные выплаты, социальные пособия, социальные контракты	Переход от безадресной компенсаторной модели к адресной поддержке уязвимых групп населения; рост доли целевых выплат; интеграция социальных контрактов как инструмента стимулирования трудовой активности и самостоятельного выхода из бедности
Середина 2000-х – 2010-е гг.	Региональные социальные программы, федеральные социальные гарантии	Усиление роли субъектов РФ в реализации социальной политики; расширение региональных полномочий с учетом территориальной специфики при сохранении федеральных минимальных гарантий социальной защиты
С 2018 г.	Национальные проекты, программный подход	Переориентация социальной политики на программно-целевое управление; концентрация ресурсов на приоритетных направлениях; формирование системы целевых индикаторов и повышение прогнозируемости социальной политики
Конец 2010-х гг. – настоящее время	Цифровые платформы предоставления социальных услуг, электронные сервисы	Цифровизация системы социальной поддержки; повышение доступности и прозрачности социальных услуг; одновременное возникновение вызовов, связанных с цифровым неравенством населения

Взаимосвязь вызовов и инструментов социальной политики

Проведенный ранее анализ трансформационных вызовов и эволюции инструментов социальной политики в Российской Федерации с начала 2000-х годов позволяет определить достаточно устойчивые взаимосвязи между характером социальным проблем и изменением механизмов государственной поддержки.

1. Прежде всего, следует отметить, что демографические вызовы, в числе которых наиболее серьезными считаются старение населения и сокращение трудоспособного контингента, стимулируют развитие адресных выплат и системы социальных контрактов, которые направлены на поддержку уязвимых групп населения (в первую очередь пенсионеров и семей с детьми), а также на поддержку занятости среди россиян, которым требуется помощь социального характера.

2. В равной степени необходимо подчеркнуть, что вызовы социально-экономического характера, главным образом дифференциация доходов наряду с региональными различиями, усиливают значимость программного подхода и реализации национальных проектов. Такие меры социальной политики позволяют не только концентрировать ресурсы на приоритетных направлениях поддержки наиболее уязвимых групп населения, но и в целом сокращать социальное неравенство в реалиях современной России.

3. Что касается ограниченности бюджетных ресурсов, в данном направлении приоритетными мерами социальной политики являются обеспечение эффективного распределения средств, концентрация финансирования на ключевых и особенно важных программах, а также повышение адресности и целенаправленности социальных выплат.

4. Наконец, институциональные и технологические вызовы (в числе которых первостепенно следует выделить цифровизацию и интеграцию электронных платформ) стимулируют развитие инновационных форм предоставления социальной помощи. Такие меры по улучшению социальной политики РФ в условиях трансформации позволяют повышать доступность соответствующей поддержки для россиян и одновременно увеличивают прозрачность ее распределения. Однако в данном контексте также крайне важно учитывать необходимость преодоления цифрового неравенства, что в особенности касается населения России пенсионного возраста.

На основании вышеизложенного можно выделить устойчивую закономерность: характер трансформационных вызовов напрямую определяет эволюцию социальной политики Российской Федерации. Как следствие, в реалиях современной России формируется более

гибкая и универсальная модель, совмещающая в себе компенсаторные элементы наряду с адресностью, программным подходом и развитием человеческого капитала.

Заключение

По результатам проведенного исследования было определено, что социальная политика Российской Федерации в условиях трансформации развивается как достаточно гибкая система, которую при возникновении соответствующих обстоятельств можно корректировать. Анализ выявленных трансформационных вызовов наряду с эволюцией инструментов социальной политики РФ в последние 20-25 лет позволил выполнить поставленные задачи и подтвердить отмеченную ранее научную новизну исследования.

Представим основные выводы работы в нумерованном формате ниже:

1. Были определены ключевые вызовы и факторы, оказывающие наиболее существенное влияние на социальную политику Российской Федерации. Такие вызовы были разделены на четыре большие группы: демографические, социально-экономические, ограниченность бюджетных ресурсов, а также институциональные и технологические. Именно данные вызовы в первую очередь формируют необходимость трансформации инструментов социальной политики, предполагающей усиление адресности мер поддержки, развитие программного подхода и направленность на профилактику социальных рисков, что полностью соответствует объекту исследования – социальной политике Российской Федерации.

2. Была проанализирована эволюция инструментов социальной политики в России в XXI веке. Под влиянием отмеченных выше вызовов социальная политика РФ претерпела определенные изменения, начиная от перехода к адресной поддержке, что прослеживается через рост доли целевых выплат малоимущим семьям, семьям с детьми и инвалидам, а также через реализацию социальных контрактов, и интеграции программного подхода и заканчивая расширением роли регионов и активизацией цифровизации предоставления услуг соци-

ального характера. Подобные изменения, в свою очередь, отражают решение задачи анализа эволюции инструментов социальной политики и перехода Российской Федерации от компенсаторной модели к модели, направленной прежде всего на адресность, программный подход и развитие человеческого капитала.

3. Была также установлена устойчивая взаимосвязь между характером трансформационных вызовов и изменением инструментов социальной политики РФ. Так, было определено, что демографические, социально-экономические, институциональные и технологические факторы, а также ограниченность бюджетных ресурсов оказывают непосредственное влияние на развитие социальной политики в РФ, что выражается в реализации адресного и программного подходов, а также в интеграции цифровых механизмов. Данный вывод подтверждает научную новизну исследования, в которой предполагалось выявление системной зависимости между трансформационными вызовами и инструментами социальной политики РФ.

4. Было подтверждено, что российская социальная политика на современном этапе представляет собой систему в достаточной степени гибкую и универсальную, которая способна совмещать традиционные элементы социальной поддержки и защиты с инструментами более инновационными. В результате в РФ получается обеспечивать устойчивость и достаточную эффективность государственной поддержки уязвимых групп населения в условиях трансформации. Данный вывод отражает решение задачи обоснования перехода социальной политики РФ к модели, приоритетами которой являются адресность, программный подход и развитие человеческого капитала, понимаемого как повышение квалификации, образовательного уровня и здоровья населения с целью увеличения его экономического и социального потенциала.

В контексте выявленных трансформационных вызовов целесообразно рассмотреть следующие направления совершенствования социальной политики:

1. Адресная поддержка и программные меры, включая прежде всего усиление целевых выплат и программ поддержки наиболее

уязвимых групп населения, а также повышение эффективности реализации системы социальных контрактов.

2. Региональные инициативы и цифровизация, начиная от развития программ с учетом локальных особенностей регионов и заканчивая активизацией цифровых сервисов при параллельной работе по снижению цифрового неравенства населения РФ.

3. Развитие человеческого капитала, в свою очередь, может включать меры по повышению уровня образования, квалификации и здоровья населения наряду с формированием долгосрочного потенциала для экономической и социальной устойчивости.

На краткосрочную перспективу возможны корректировка социальных выплат и усиление контроля за реализацией программ, а на среднесрочную – расширение национальных проектов и интеграция инновационных механизмов социальной поддержки.

Поставленная цель исследования, а именно выявление взаимосвязи между трансформационными социально-экономическими вызовами и изменением инструментов социальной политики РФ, была достигнута по результатам выполнения всех поставленных ранее задач. Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в целях совершенствования региональных и федеральных программ социальной поддержки, разработки новых методик адресной помощи, а также для подготовки аналитических материалов при корректировке национальных проектов. Конкретно, выявленные показатели цифрового неравенства и региональной дифференциации должны позволить более точно нацеливать меры поддержки наиболее уязвимых групп населения.

Список литературы

1. Аналитический центр НАФИ. (2025, 1 октября). *Цифровой разрыв: каждый третий россиянин старше 55 лет боится остаться за бортом технологий*. <https://nafi.ru/analytics/tsifrovoy-razryv-kazhdyy-tretyi-rossiyanin-starshe-55-let-boitsya-ostatsya-za-bortom-tekhnologiy/>
2. Веспер, А. (2025, 7 ноября). *Средняя зарплата не обеспечит достойную пенсию: почему так и что делать*. <https://companies.rbc.ru/news/HB14Lg5Tnw/srednyaya-zarplata-ne-obespechit-dostojnyuyu-pensiyu-pochemu-tak-i-chto-delat/>

3. ВЦИОМ. (2023, 26 января). *Национальные проекты — 2022: социальная сфера*. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nacionalnye-proekty-2022-socialnaja-sfera>
4. Гальчева, А., Рожкова, Е., & Виноградова, Е. (2025, 7 марта). *Неравенство в России вернулось почти к «досанкционному» уровню*. <https://www.rbc.ru/economics/07/03/2025/67c96f139a794702ed62e69a>
5. Гончарова, К. С. (2016). Эволюция структуры управления региональной социально-экономической политикой России на уровне федеральных министерств. *Экономическая политика*, (6), с. 61–85. https://doi.org/10.18288/1994-5124_2023_6_62_89
6. Григорьева, И. А. (2017). Сто лет трансформаций социальной политики в России. *Журнал исследований социальной политики*, (4), с. 497–514. https://doi.org/10.17323/727-0634_2017_15_4_497_514. EDN: <https://elibrary.ru/YMEOWO>
7. Замахина, Т. (2025, 20 ноября). *Принят закон о новом федеральном бюджете на три года: Куда пойдут деньги и какие направления остаются в приоритете*. <https://rg.ru/2025/11/20/gosduma-priniala-zakon-o-novom-federalnom-biudzhete.html>
8. Киселёва, А., & Крюков, В. (2024, 1 октября). *Расходы на социальную политику составят 16 % от всего федерального бюджета*. <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/10/01/1065617-rashodi-na-sotsialnuyu-politiku>
9. Котченко, К. (2025, 6 сентября). *Росстат сообщил о снижении доли населения за чертой бедности*. <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2025/09/06/1137229-rosstat-soobschil>
10. Полонкочева, Ф. Я., & Томова, Х. Б. (2022). Уровень жизни в Республике Ингушетия. *Colloquium-journal*, (17) (140), с. 21–22. https://doi.org/10.24412/2520-6990_2022_17140_21_22
11. Потапенко, В. В. (2025). Старение населения и демографическая нагрузка на российскую пенсионную систему. *Вестник Института экономики Российской академии наук*, (5), с. 27–45. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2025_5_27_45. EDN: <https://elibrary.ru/ISBAMN>
12. Российская Федерация. (1999). *Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи»*. Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
13. Российская Федерация. (2015). *Федеральный закон от 08.06.2015 № 139-ФЗ «О гарантиях социальной защиты отдельных категорий граждан»*. Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
14. Российская Федерация. (2018). *Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»*. Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

15. Сафонов, А. Л., & Долженкова, Ю. В. (2020). Факторы финансовой несбалансированности обязательной системы пенсионного страхования: анализ российской практики. *Финансы: теория и практика*, (6), с. 108–122. https://doi.org/10.26794/2587-5671_2020_24_6_108_122. EDN: <https://elibrary.ru/RCHPFH>
16. Скипин, Д. Л., Кольцова, Т. А., & Шаргина, А. В. (2025). Система электронных государственных услуг населению: состояние и развитие. *Агропродовольственная политика России*, (1), с. 10–19. https://doi.org/10.35524/2227-0280_2025_01_10. EDN: <https://elibrary.ru/ORHYKD>
17. Сорокина, Н. Ю. (2025). Проблема цифрового неравенства населения регионов Российской Федерации. *Уровень жизни населения регионов России*, 21(3), с. 447–460. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_8_447_460. EDN: <https://elibrary.ru/KCVCXI>
18. Тарасова, М. В., Юрченко, И. В., & Донцова, М. В. (2022). Факторы дестабилизации региональных процессов на Юге России (на материалах Ростовской области, Краснодарского края и Республики Адыгея). *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*, (1), с. 151–166. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.13>. EDN: <https://elibrary.ru/ABEMMQ>
19. Федеральная служба государственной статистики. Росстат. (2025, 25 апреля). *Демография*. <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>
20. Федеральная служба государственной статистики. Росстат. (2025, 3 декабря). *Уровень жизни*. <https://rosstat.gov.ru/folder/13397>
21. Федюкин, И. (2007, 17 сентября). *Восемь лет при Путине*. <https://www.kommersant.ru/doc/804651>
22. Широ́в, А. А., Узяков, М. Н., & Узякова, Е. С. (2022). Перераспределение первичных доходов населения как фактор снижения неравенства и ускорения экономического роста на региональном уровне. *Экономика региона*, 18(2), с. 423–436. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-2-9>. EDN: <https://elibrary.ru/LEPZUW>
23. Щербакoва, Е. (2025, 10 июня). *Старшие поколения россиян, 2025 год*. <https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01079/barom01.php>
24. Aşkun, V., Cizel, R. B., & Ajanovic, E. (2023). Comparative Analysis of Social Policy Studies. *Celal Bayar Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi*, 21(4), pp. 93–112. <https://doi.org/10.18026/cbayarsos.1278360>. EDN: <https://elibrary.ru/YBZKAQ>
25. Baranowski, M., Cichocki, P., & McKinley, J. (2023). Social welfare in the light of topic modelling. *Sociology Compass*, 17(8). <https://doi.org/10.1111/soc4.13086>. EDN: <https://elibrary.ru/UAXXYW>
26. Lyndell, D. (2024, November 22). *Not in favor of the poor: Rosstat's poverty figures vs. objective reality*. <https://theins.ru/en/economics/276500>

27. Martini, E., & Sgambato, M. C. (2025). Digital Inequalities and Access to Technology: Analyzing How Digital Tools Exacerbate or Mitigate Social Inequalities. *Societies*, 15(11), 318, pp. 1–13. <https://doi.org/10.3390/soc15110318>. EDN: <https://elibrary.ru/BEVDWH>
28. Papapetrou, E., & Tsalaporta, P. (2020). The impact of population aging in rich countries: What's the future. *Journal of Policy Modeling*, 42(1), pp. 77–95. <https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2019.12.002>. EDN: <https://elibrary.ru/DWKHXH>

References

1. NAFI Analytical Center. (2025, October 1). *Digital divide: One in three Russians over 55 fear being left behind by technology* [Electronic resource]. Retrieved from <https://nafi.ru/analytics/tsifrovoy-razryv-kazhdyy-tretiy-rossiyanin-starshe-55-let-boit-sya-ostatsya-za-bortom-tekhnologiy/>
2. Vesper, A. (2025, November 7). *Average salary will not ensure a decent pension: Why this is so and what to do* [Electronic resource]. Retrieved from <https://companies.rbc.ru/news/HB14Lg5Tnw/srednyaya-zarplata-ne-obespechit-dostojnyuyu-pensiyu-pochemu-tak-i-chto-delat/>
3. VCIOM. (2023, January 26). *National projects — 2022: Social sphere* [Electronic resource]. Retrieved from <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor-nacionalnye-proekty-2022-socialnaja-sfera>
4. Galcheva, A., Rozhkova, E., & Vinogradova, E. (2025, March 7). Inequality in Russia has returned almost to the “pre-sanctions” level. [Electronic resource]. Retrieved from <https://www.rbc.ru/economics/07/03/2025/67c96f139a794702ed62e69a>
5. Goncharova, K. S. (2016). Evolution of the structure of regional socio-economic policy management in Russia at the level of federal ministries. *Economic Policy*, (6), 61–85. https://doi.org/10.18288/1994-5124_2023_6_62_89
6. Grigorieva, I. A. (2017). One hundred years of transformations in social policy in Russia. *Journal of Social Policy Studies*, (4), 497–514. https://doi.org/10.17323/727-0634_2017_15_4_497_514. EDN: <https://elibrary.ru/YMEOWO>
7. Zamakhina, T. (2025, November 20). *A new federal budget law for three years has been adopted: Where will the money go and which areas remain a priority* [Electronic resource]. Retrieved from <https://rg.ru/2025/11/20/gosduma-priniala-zakon-o-novom-federalnom-biudzhete.html>
8. Kiseleva, A., & Kryukov, V. (2024, October 1). Social policy spending will account for 16 % of the total federal budget. [Electronic resource]. Retrieved from <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/10/01/1065617-rashodi-na-sotsialnuyu-politiku>
9. Kotchenko, K. (2025, September 6). *Rosstat reports a decrease in the share of the population below the poverty line* [Electronic resource]. Retrieved from <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2025/09/06/1137229-rosstat-soobschil>

10. Polonkoeva, F. Ya., & Tomova, Kh. B. (2022). Living standards in the Republic of Ingushetia. *Colloquium journal*, (17)(140), 21–22. https://doi.org/10.24412/2520-6990_2022_17140_21_22
11. Potapenko, V. V. (2025). Population aging and demographic burden on the Russian pension system. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, (5), 27–45. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2025_5_27_45. EDN: <https://elibrary.ru/ISBAMN>
12. Russian Federation. (1999). *Federal Law No. 178-FZ dated July 17, 1999 “On State Social Assistance”*. ConsultantPlus.
13. Russian Federation. (2015). *Federal Law No. 139-FZ dated June 8, 2015 “On Guarantees of Social Protection for Certain Categories of Citizens”*. ConsultantPlus.
14. Russian Federation. (2018). *Decree of the President of the Russian Federation No. 204 dated May 7, 2018 “On National Goals and Strategic Objectives of the Development of the Russian Federation for the Period up to 2024”*. ConsultantPlus.
15. Safonov, A. L., & Dolzhenkova, Yu. V. (2020). Factors of financial imbalance in the mandatory pension insurance system: Analysis of Russian practice. *Finance: Theory and Practice*, (6), 108–122. https://doi.org/10.26794/2587-5671_2020_24_6_108_122. EDN: <https://elibrary.ru/RCHPFH>
16. Skipin, D. L., Koltsova, T. A., & Shargina, A. V. (2025). The system of electronic public services for the population: Current state and development. *Agri-Food Policy of Russia*, (1), 10–19. https://doi.org/10.35524/2227-0280_2025_01_10. EDN: <https://elibrary.ru/ORHYKD>
17. Sorokina, N. Yu. (2025). The problem of digital inequality among the population of Russian regions. *Living Standards of the Population in Russian Regions*, 21(3), 447–460. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_8_447_460. EDN: <https://elibrary.ru/KCVCXI>
18. Tarasova, M. V., Yurchenko, I. V., & Dontsova, M. V. (2022). Factors destabilizing regional processes in Southern Russia (based on materials from Rostov Oblast, Krasnodar Krai, and the Republic of Adygea). *Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional Studies. International Relations*, (1), 151–166. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.13>. EDN: <https://elibrary.ru/ABEMMQ>
19. Federal State Statistics Service. Rosstat. (2025, April 25). *Demography* [Electronic resource]. Retrieved from <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>
20. Federal State Statistics Service. Rosstat. (2025, December 3). *Living standards* [Electronic resource]. Retrieved from <https://rosstat.gov.ru/folder/13397>
21. Fedyukin, I. (2007, September 17). Eight years under Putin. [Electronic resource]. Retrieved from <https://www.kommersant.ru/doc/804651>
22. Shirow, A. A., Uzyakov, M. N., & Uzyakova, E. S. (2022). Redistribution of primary incomes as a factor in reducing inequality and accelerating economic growth at the regional level. *Economy of the Region*, 18(2), 423–436. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-2-9>. EDN: <https://elibrary.ru/LEPZUW>

23. Shcherbakova, E. (2025, June 10). *Older generations of Russians, 2025* [Electronic resource]. Retrieved from <https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01079/barom01.php>
24. Aşkun, V., Cizel, R. B., & Ajanovic, E. (2023). Comparative analysis of social policy studies. *Celal Bayar Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi*, 21(4), 93–112. <https://doi.org/10.18026/cbayarsos.1278360>. EDN: <https://elibrary.ru/YBZKAQ>
25. Baranowski, M., Cichocki, P., & McKinley, J. (2023). Social welfare in the light of topic modelling. *Sociology Compass*, 17(8). <https://doi.org/10.1111/soc4.13086>. EDN: <https://elibrary.ru/UAXXYW>
26. Lyndell, D. (2024, November 22). Not in favor of the poor: Rosstat’s poverty figures vs. objective reality [Electronic resource]. Retrieved from <https://theins.ru/en/economics/276500>
27. Martini, E., & Sgambato, M. C. (2025). Digital inequalities and access to technology: Analyzing how digital tools exacerbate or mitigate social inequalities. *Societies*, 15(11), 318, 1–13. <https://doi.org/10.3390/soc15110318>. EDN: <https://elibrary.ru/BEVDWH>
28. Papapetrou, E., & Tsalaporta, P. (2020). The impact of population aging in rich countries: What’s the future? *Journal of Policy Modeling*, 42(1), 77–95. <https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2019.12.002>. EDN: <https://elibrary.ru/DWKHXH>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Земцова Юлиана Витальевна

ИПИИ им. П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ

*ул. Ленина, 1, г. Ишим, Тюменская область, 627750, Российская Федерация
zemcova-2005@mail.ru*

Нечаева Полина Петровна

ИПИИ им. П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ

*ул. Ленина, 1, г. Ишим, Тюменская область, 627750, Российская Федерация
polinanechaeva709@gmail.com*

Шанихина Надежда Николаевна, старший преподаватель

ИПИИ им. П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ

*ул. Ленина, 1, г. Ишим, Тюменская область, 627750, Российская Федерация
op-8jk@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Juliana V. Zemtsova

Tyumen State University, Pedagogical Institute (branch)

*1, Lenin Str., Ishim, Tyumen region, 627750, Russian Federation
zemcova-2005@mail.ru*

Polina P. Nechaeva

*Tyumen State University, Pedagogical Institute (branch)
1, Lenin Str., Ishim, Tyumen region, 627750, Russian Federation
polinanechaeva709@gmail.com*

Nadezhda N. Shanihina, Senior Lecturer

*Tyumen State University, Pedagogical Institute (branch)
1, Lenin Str., Ishim, Tyumen region, 627750, Russian Federation
op-8jk@mail.ru*

Поступила 15.01.2026

После рецензирования 20.02.2026

Принята 24.02.2026

Received 15.01.2026

Revised 20.02.2026

Accepted 24.02.2026

Государственное управление / Public Administration

Научная статья

Original article

DOI: 10.12731/2576-9634-2026-10-1-269

EDN: PUWRWZ

УДК 351

Цифровое государственное управление и электронное государство: смысловые границы терминологии в эпоху вызовов цифровой этики

А.П. Миронова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Актуальность статьи определяется необходимостью осмысления процесса цифровой трансформации государственного управления в эпоху обострения этических, правовых и социальных проблем. В статье рассмотрены вызовы, связанные с обеспечением прозрачности государственного управления, защиты персональных данных граждан, а также кибербезопасности в цифровой среде.

Цель. Основной целью данной работы является определение сущности электронного государственного управления и рассмотрение роли этики и цифровизации в процессах функционирования современных систем электронного государства. В данном исследовании особое внимание уделено теоретическим и практическим аспектам цифрового государственного управления в эпоху диджитализации.

Основными **методами** исследования являются сравнительно-понятийный анализ терминологии, структурно-функциональный анализ государственных инициатив и проектов, а также обобщение и интерпретация научных позиций отечественных и иностранных исследователей.

Результаты исследования. Автор конкретизирует понятие «электронное государство», рассматривает его особенности, а также определяет текущий уровень развития «электронного государства» в Российской Федерации. В ходе изложения информации автор также разграничивает понятия «цифровое государственное управление» и «электронное государство», настаивая на том, что первое – это не только технологический, но еще и этический процесс, а второе это платформа для предоставления государственных услуг. Важными принципами в управлении должны быть: защита прав граждан, соблюдение цифровой нравственности и клиентоцентричность. В работе проведен анализ нормативных инициатив и практик,

направленных на формирование безопасной цифровой среды, базирующейся на моральной ответственности каждого человека в обществе. Автором делается вывод о необходимости введения комплексного подхода в управление, обеспечивающего баланс между этикой в процессе государственно-гражданских отношений и самой эффективностью электронного государственного управления.

Ключевым **выводом** исследования является тезис о необходимости представления цифрового государственного управления не только как процесса технологической модернизации управленческой деятельности, но и как систему ценностно-ориентированных инструментов на основе клиентоцентричности, морали и нравственности, а также защиты прав граждан.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных данных в деятельности органов государственной власти при разработке новых и совершенствовании существующих программ цифровой трансформации государственного управления. Результаты исследования могут быть полезны при формировании государственными служащими клиентоцентричных цифровых сервисов и внедрении стандартов этики цифрового государственного управления.

Ключевые слова: электронное государство; цифровое государственное управление; информация; информационно-коммуникационные технологии; цифровая трансформация; вызовы цифровой этики

Для цитирования. Миронова, А. П. (2026). Цифровое государственное управление и электронное государство: смысловые границы терминологии в эпоху вызовов цифровой этики. *Russian Studies in Law and Politics / Российские исследования. Право и политика*, 10(1), 134-153. <https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-1-269>

Digital public governance and e-government: semantic boundaries of terminology in the era of digital ethics challenges

A.P. Mironova

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russian Federation*

Abstract

Background. The relevance of this article stems from the need to understand the digital transformation of public administration in an era of heightened ethical, legal, and social challenges. The article examines the challenges associated with ensuring transparency in public administration, protecting citizens' personal data, and cybersecurity in the digital environment.

Purpose. The primary objective of this study is to define the essence of electronic government and examine the role of ethics and digitalization in the functioning of modern e-government systems. This study focuses on the theoretical and practical aspects of digital public administration in the digital age.

Methodology. The primary research methods include a comparative and conceptual analysis of terminology, a structural and functional analysis of government initiatives and projects, and a summary and interpretation of the scientific positions of domestic and international researchers.

Results. The author defines the concept of “e-government”, examines its characteristics, and determines the current level of development of e-government in the Russian Federation. In presenting the information, the author also distinguishes between the concepts of “digital public administration” and “e-government”, insisting that the former is not only a technological but also an ethical process, while the latter is a platform for the provision of public services. The important principles of governance should be: protecting citizens’ rights, upholding digital ethics, and customer-centricity. The paper analyzes regulatory initiatives and practices aimed at creating a secure digital environment based on the moral responsibility of every individual in society. The author concludes that it is necessary to introduce a comprehensive approach to governance that ensures a balance between ethics in public-civil relations and the effectiveness of e-government.

The key **conclusion** of the study is the thesis that digital public administration must be conceptualized not only as a process of technological modernization of governance activities, but also as a system of value-oriented tools based on customer-centricity, morality, and ethics, as well as the protection of citizens’ rights.

The **practical significance** of the study lies in the potential use of the obtained data by government agencies in developing new and improving existing digital transformation programs for public administration. The study’s findings may be useful in helping civil servants develop customer-centric digital services and implement ethical standards for digital public administration.

Keywords: electronic government; digital public administration; information; information and communication technologies; digital transformation; challenges of digital ethics

For citation. Mironova, A. P. (2026). Digital public governance and e-government: semantic boundaries of terminology in the era of digital ethics challenges. *Russian Studies in Law and Politics*, 10(1), 134-153. <https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-1-269>

Введение

Основа социально-экономического развития страны – это прогрессивное развитие ее населения. В условиях становления постиндустриального общества таким движущим фактором выступает цифровизация, позволяющая оптимизировать функционирование

всех сфер жизнедеятельности. Каждая из них претерпевает специфические трансформации, которые в первую очередь связаны с переводом большинства доступной информации в электронный формат, а в дальнейшем предполагает создание универсальных цифровых сервисов и платформ. Сфера государственного управления не является тому исключением. Полученный результат отражает высокий уровень конкурентоспособности нашей страны на мировом уровне, а также это является прямым доказательством того, что в цифровом развитии государственных услуг заинтересованы не только представители власти, но само население Российской Федерации.

Однако, стоит отметить, что повсеместная оцифровка информации дала доступ к безграничным объемам данных, которые непроизвольно создают ситуацию информационного переизбытка или информационного шума. Решение этого возможно, если обратиться к источнику первопричины, а именно к инструментам цифровизации. Внедрение инновационных цифровых проектов, обеспечивающих грамотное перераспределение информационных потоков и управление результирующими показателями, должно положительно отразиться на уровне жизни современного человека, т. е. упростить процесс усвоения информации и оптимизировать время на принятие взвешенного решения.

Представленные здесь замечания подчеркивают актуальность исследуемой темы, важность её тщательной проработки и необходимость проведения дальнейшего анализа для определения перспектив развития цифровых проектов в области электронного государства (далее – ЭГ).

Что представляет собой электронное государство?

Первые научные работы, непосредственно относящиеся к теме электронного государства, были опубликованы в середине прошлого столетия: работа Howard Gammon «Автоматизация документооборота на предприятии» и Анатолия Китова «Электронные цифровые машины». Со временем интерес в этой области только нарастал, ввиду активного распространения сети Интернет и появ-

ления всё новых цифровых технологий. Активное распространение и совершенствование последних породил целый ряд дискуссий в академических кругах на предмет разделения достижений электронного и цифрового правительства. Однако несмотря на некоторые разногласия центральная идея применения цифровых технологий в государственном секторе заключается в трансформации традиционных методов управления для создания прозрачной и эффективной среды взаимодействия между государством и обществом, а значит это может быть рассмотрено как единое явление.

В первую очередь ряд русскоязычных авторов предлагают конкретизировать определение «электронного государства». Согласно работе А. С. Лолаевой «Место электронного правительства в системе государственного управления» термин «электронное правительство» или же как в оригинале «e-government» берет свое начало и развитие в исследованиях зарубежных авторов, однако ввиду неоднозначности перевода с английского «government», которое может означать, как и определенный высший исполнительный орган власти, так и саму систему государства в целом, зачастую может возникать ситуация неоднозначности понимания и применения этого термина [8, с. 22].

И. С. Калганов отмечает, что распространенное в мировой практике определение дословно переводится на русский язык как «электронное правительство», что соответственно делает область его применения весьма ограниченной – только в рамках исполнительной власти. Но очевидно, что концепция «электронного государства» является комплексным решением, результаты деятельности которого должны применяться не только в рамках государственных структур, но и распространяться на общественные взаимоотношения [7, с. 84].

Как показывают эти определения, электронное правительство связано с цифровизацией государственных услуг, и его развитие влияет на эффективность государственного управления [17, с. 159]. Высокое качество услуг, предлагаемых гражданам, должно сопровождаться хорошей инфраструктурой и работой высоко компетентных сотрудников для предоставления цифровых услуг и решения любых проблем, которые могут возникнуть.

Таким образом, сегодня цифровая трансформация охватывает сферу государственного управления на техническом и организационном уровнях, то есть проект «электронного государства» призван фокусироваться не только на внедрении средств ИКТ для улучшения внутренних бизнес-процессов, но также и на использовании возможностей цифровой технологий для реформирования устаревших бюрократических привычек и реинтеграции государственных учреждений для удовлетворения потребностей населения в государственных услугах более целостным, гибким и адаптивным образом.

Среди основных проектов и инициатив развития электронного государства сегодня выделяют следующие:

1. Федеральный портал государственных услуг (Госуслуги) – это онлайн- платформа, агрегатор государственных услуг, которые могут получить любой гражданин или организация. На портале можно получить услуги, связанные с регистрацией по месту жительства, оформлением паспорта, водительских прав, регистрацией автомобиля, получением различных справок и документов, а также многие другие услуги. В рамках данного проекта в последние годы была разработана система «суперсервисов», объединяющих несколько государственных и муниципальных услуг в рамках одного пользовательского сценария.

2. Проект «Умный город» – призван обеспечить разработку и реализацию цифровой инфраструктуры, которая бы могла обеспечить комфортные условия жизни жителей и рост эффективности потребления энергоресурсов в городе. Основная цель реализации этого проекта заключается в снижении затрат на услуги ЖКХ, произвести экономию электроэнергии на освещение и повышение транспортной активности.

3. Введение аутентификации граждан в цифровых сервисах (электронного аналога паспорта) для снижения анонимности в процессах доступа к государственным информационным системам через ЕСИА (Единую систему государственных и муниципальных услуг).

За последнее десятилетие благодаря взрывным инновациям в области ИКТ нового поколения, таким как большие данные, облачные

вычисления, искусственный интеллект и Интернет вещей, которые получили широкое распространение в государственном секторе, электронное правительство превратилось из простейшей автоматизированной офисной программы в сложную систему, способствующую интеллектуальному принятию решений, реинтеграции организаций и трансформации управления. Асогва высоко оценивает многочисленные преимущества, которые дает широкомасштабное использование государственных электронных услуг: высокая эффективность государственного управления, высокая прозрачность операций, меньшая степень коррупции, снижение административных расходов, улучшение отношений с гражданами и расширение связей [16, с. 150].

По словам Н. В. Сопиной, сотрудники компании Gartner считают, что использование преимуществ цифровых данных и есть одна из особенностей «цифрового правительства», которые в свою очередь позволят оптимизировать и трансформировать систему предоставления государственных услуг. В качестве примера они приводят налоговую структуру, которая отчасти может быть упразднена: если все государственные органы будут находиться в едином информационном пространстве и обладать полной достоверной информацией, это позволит отказаться от сдачи налоговых деклараций [11, с. 131].

Следует отметить, что ряд ученых предлагают различать понятия «электронного государства» и «цифрового государства». В работах М. Б. Понявиной и А. Ф. Дормилова уточняется принципиальное отличие терминов, где основу электронного правительства составляет переход всех процессов в электронный формат, а цифровое правительство рассматривается в качестве «надстройки» или другими словами – нового этапа развития электронного правительства, являющегося основой стратегии цифровой трансформации страны [3, с. 83]. Следовательно, под термином «цифрового правительства» понимают некоторую «надстройку», следующий этап после электронного, в основе которого лежит использование больших данных, внедрение облачных технологий, моделей мобильных и социальных коммуникаций, а также повышенных требований к безопасности [2, с. 56]. Но несмотря на то, что академические исследования могут стремиться

к точности в определениях, в практическом применении эти термины могут быть использованы как синонимы, так как они имеют общую цель: использование информационных и коммуникационных технологий для разработки интегрированных систем, позволяющих улучшить доступность, эффективность и качество предоставляемых государственных услуг гражданам и компаниям [10, с. 121].

Смысловые границы описанных выше понятий следует определить следующим образом: «электронное государство» является собой процесс оцифровки различных государственных услуг, а также создания электронных платформ для эффективного взаимодействия с населением, в то время как «цифровое государственное управление» охватывает не только технологический аспект взаимодействия с гражданами, но и трансформирует управленческую парадигму предоставляемых государственных услуг. Продуктами таких трансформаций являются: изменение организационных моделей культуры управления и принципов принятия решений, а также совершенствование форм взаимодействия с обществом. Именно на разграничении данных терминов и опирается проведенный ниже теоретико-методологический анализ.

Современное цифровое государственное управление

В статье цифровое государственное управление понимается как процесс, функционирующий в условиях цифровой инфраструктуры. В цифровом государственном управлении ключевыми становятся процессы того, как управляют, какие цифровые решения применяются и как происходит выстраивание взаимоотношений с гражданами.

Стремительный рост цифровых технологий и повсеместное их распространение в обществе привели к информационной перезагрузке бюрократии, бросив вызов традиционным концепциям управления [5, с. 50]. Проект, основной задачей которого было создание современного, понятного, эффективного и информативного инструмента для взаимодействия человека и государства, получил название «электронное государство». Предпосылки для его формирования впервые появились еще в 1960-х годах, во времена раз-

вития вычислительной техники. Первые работы, содержащие идеи по автоматизации работы госструктур и развитию электронного делопроизводства, были опубликованы в США в 1954 году – статья сотрудника одного из подразделений министерства США Хорвада Гэммона «Автоматизация документооборота на предприятии» [6, с. 56]. Также прототипом идей «электронного государства» можно считать книгу отечественного ученого Анатолия Китова «Электронные цифровые машины» в 1956 году. Это была концепция первой единой государственной сети вычислительных центров.

В Европе академический интерес к информационным технологиям в правительстве возник в Германии и Австрии в начале 1970-х годов [15, с. 17]. Эти исследования были посвящены анализу влияния ИКТ в структурах налогообложения. Однако понятие «электронного государства» в том виде, в котором мы чаще всего используем сегодня, появилось уже в 1990-х годах. Это было начало активного использования всемирной сети Интернет и развития ИКТ [Митин и др., 1996]. В частности, информационно-коммуникационные технологии эффективно помогают оптимизировать межведомственные процессы взаимодействия правительственных структур, перевести предоставление государственных услуг из офлайн в онлайн, а платформы «электронного правительства», которые будут созданы несколько позже, станут новым мостом, соединяющим правительство и граждан [4, с. 35].

Современное цифровое государственное управление (далее – ЦГУ) в настоящее время является одним из главных инструментов цифровой трансформации государственного сектора Российской Федерации. Стоит отметить, что сам процесс ЦГУ помимо позитивного воздействия на государственное управление также сопровождается рядом проблем, которые напрямую связаны с этикой, защитой персональных данных, а также обеспечением клиентоцентричности.

Что касается основных характеристик ЦГУ, рассмотрим следующие:

- оцифровка процессов управления. Этот процесс означает переход от традиционного бумажного документооборота к цифровому, включает в себя цифровую автоматизацию принятия

управленческих решений, а в качестве инструментов для достижения управленческих целей использует средства ИИ и больших данных;

- трансформация средств взаимодействия с населением, бизнесом и институтами гражданского общества. Вместо традиционных очных процедур, в системе электронного государственного управления взаимодействие с гражданами все чаще происходит посредством цифровых каналов (чат-боты, электронные порталы и т. д.);
- цифровая прозрачность и подотчетность государственных процессов во власти. С трансформацией электронного государственного управления появилась возможность мониторинга государственных процедур, что, в свою очередь усиливает гражданский контроль в отношении процессов государственного управления;
- клиентоцентричность и персонализация. Тенденция ориентации на запросы и потребности граждан, совершенствование процессов пользовательского опыта при оказании государственных услуг;
- этика и охрана прав граждан. Этическая составляющая в цифровом государственном управлении заключается в обеспечении кибербезопасности и надлежащей защите персональных данных граждан.

Одной из волнующих нас проблем ЦГУ становится гармонизация процессов цифровой трансформации государственного сектора и сохранением этических норм и ценностей, защиты гражданского общества, а также поддержание прозрачности государственных процессов. Также актуальными остаются вопросы правового регулирования, феномена анонимности, эффективности защиты персональных данных граждан и границы доступности государственных информационных ресурсов.

Жизнеспособность вышеперечисленных проблем обусловлена рядом причин:

- отсутствие единого ГОСТа в вопросах этики цифрового государственного управления;

- риск нарушения гражданских прав в связи с возможным вмешательством искусственного интеллекта в процессы автоматизированного управления в силу отсутствия прозрачного механизма контроля и учета;
- низкий уровень цифровой грамотности граждан, указывающий на отсутствие у населения должных знаний для защиты собственных персональных данных в случае кибератак извне;
- отсутствие быстрого реагирования законодательных органов на быстроменяющиеся процессы цифрового развития и появления новых возможностей предоставления услуг в цифровом государственном управлении.

Особенности функционирования цифрового государственного управления в эпоху вызовов цифровой этики

Цифровая трансформация государственного управления невозможна без переосмысления подходов к управлению и, безусловно, затрагивает процессы этики, нравственности и клиентоцентричности. Таким образом, необходимо четко отличать смысловые границы термина «цифровое государственное управление» от термина «электронное государство». Смысловые аспекты понятия «электронное государство» заключены в цифровой социальной среде как создания условий для эффективности взаимодействия государственной власти и граждан». Таким образом, электронное государство отражает инфраструктурно-технологический процесс предоставления государственных услуг, а цифровое государственное управление концентрируется на управленческо-организационных механизмах, которые включают в себя ценности и принципы эффективной работы с населением.

Остановимся подробнее на растущем влиянии этики на цифровизацию государственного сектора. Вопросы, возникающие в ходе рассмотрения новых реалий ЦГУ находят отклик в необходимости:

- обновления типового кодекса этики и служебного поведения государственных служащих, который будет определять принципы цифрового государственного управления в эпоху новых цифровых вызовов;

- усовершенствования законодательной базы, выступающей против финансовых преступлений в киберпространстве (например, телефонное мошенничество);
- совершенствования способов защиты персональных данных на цифровых платформах для сокращения случаев утечки личной информации и ее использования в незаконных целях третьими лицами;
- баланса между прозрачностью и справедливостью функционирования ГУ и цифровой трансформацией предоставления государственных услуг.

С усилением роли искусственного интеллекта и больших данных в различных сферах общества, в том числе и в процессах государственного управления, растет необходимость этического регулирования таких процессов. Действия государства направлены на минимизацию рисков возникновения новых киберпреступлений и иных цифровых злоупотреблений. Принят «Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих», совершенствуется законодательство в области защиты персональных данных, введен «принцип экстерриториальности действия Закона № 152-ФЗ «О персональных данных» [14], а также инициативы по ограничению доступа к отдельным цифровым ресурсам –. На пленарном заседании депутатами Государственной Думы Российской Федерации 25 марта 2025 года был принят Закон против телефонных афер, который вступит в силу уже в апреле 2025 года. На наш взгляд, вступление данного закона в силу – это не только управленческая, но еще и этическая инициатива, направленная на охрану личного достоинства и финансовую безопасность населения страны.

Цифровая трансформация, реализуемая в духе человекоцентричности, предполагает предотвращение государством моральных и этических последствий государственных решений в контексте «социологических приоритетов этической модели служебного поведения государственных гражданских служащих [13, с. 108]. В данном аспекте клиентоцентричность чуть ли не главный критерий

в процессе разработки новых этических стандартов проектирования интерфейсов в рамках работы с чувствительными данными в цифровом формате. Мы считаем, что ключевыми вызовами в рамках российской цифровой трансформации государственного управления являются:

- отсутствие объединённых в единый документ норм цифровой этики;
- низкий уровень цифровой грамотности населения;
- возможность появления дискриминации и стигматизации на просторах цифровых сервисов;
- отсутствие понимания границ приватности в рамках повсеместной цифровизации;
- пробелы в процессах прозрачности принятия управленческих решений.

Из этого следует, что на данном этапе цифровое государственное управление должно ставить перед собой цель строиться не только на принципах цифрового воздействия, но и на ценностном фундаменте, основанном на этике, правах гражданина и инклюзивности. Только при сбалансированном подходе к вопросам электронного государственного управления возможна реализация принципов справедливости и безопасности воздействия цифровизации на все сферы населения.

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что эффективность «цифрового» и «электронного» правительства напрямую зависит от их способности стимулировать социальное и экономическое развитие. Именно качественные цифровые платформы и сервисы, отвечающие этическим требованиям, могут не только облегчить повседневную жизнь граждан, но и послужить мощным катализатором для роста цифровой экономики. Разработка новых инициатив в области этики цифрового государственного управления способствует развитию инноваций и предпринимательства, а также укреплению прозрачности и открытости государственного управления.

В связи с этим, главное не в названии, а в реальной ценности и влиянии, которое смогут оказать цифровые инициативы на общество

и экономику. Именно результаты применения цифровых технологий в государственном управлении определяют их истинное значение и вклад в формирование устойчивого и справедливого общества.

Цифровое государственное управление, в свою очередь, не просто способствует повышению эффективности государственных структур, но и лежит в основе всестороннего прогресса страны, определяя уровень жизни граждан и их взаимодействие с государством. Согласно Указу Президента Российской Федерации, к 2030 году, ключевой показатель доли предоставляемых электронных услуг должен будет равняться 99% [12]. Для достижения этой цели государство должно выполнить серию инициатив, в рамках следующих направлений:

- повысить удовлетворенность получения населением государственных и муниципальных услуг в электронном формате;
- стимулировать гражданами применять сервисы электронного правительства через популяризацию;
- максимальная цифровизация предоставления государственных услуг в электронном формате;
- вводить персонифицированный формат обслуживания граждан;
- обеспечивать удобные условия цифрового взаимодействия между государством, бизнесом и обществом.

Таким образом независимо от используемой терминологии, ключевым является создание эффективных систем, которые не только упрощают взаимодействие между государством и обществом, но и способствуют повышению качества жизни граждан. Цифровые технологии, лежащие в основе этих систем, играют решающую роль в улучшении общественных услуг и обеспечении более быстрого и удобного доступа к ним.

В то время как электронное государство является инфраструктурно-технологической платформой для оказания государственных услуг при помощи информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), цифровое государственное управление использует технологии в качестве средства при помощи чего достигаются управленческие цели, фокусируясь на интересах, безопасности и правах граждан. Цифровое государственное управление – это системный подход к

управлению технологическими трансформациями, направленный в конечном счете на улучшение прозрачности, доступности и эффективности управления процессами оказания государственных услуг.

Заключение

Необходимо осознать, что успешная цифровая интеграция в обществе возможна только при условии своевременного цифрового обновления государственного аппарата. В противном случае существуют риск возникновения серьезного управленческого кризиса, несущего хаос во все сферы жизнедеятельности. И единственным выходом из него будет только систематизация и все та же цифровизация большинства процессов, но только уже в худших условиях. Поэтому государственное регулирование должно стать ядром всеобъемлющей цифровой трансформации и регулятором цифрового развития, обеспечивая устойчивое и гармоничное развитие всех других отраслей.

Проведенное исследование, целью которого было определение сущности электронного государства, рассмотрение роли этики и цифровизации в процессах функционирования современных государственных систем управления позволило получить ряд соответствующих выводов:

Проект электронного государства или электронное правительство это – инновационный подход к управлению государством и оказанию государственных услуг с помощью информационно-коммуникационных технологий, который направлен на создание высокоэффективных и качественных каналов взаимодействия между властями и гражданами. Фундаментальными принципами функционирования электронного правительства становятся предоставление свободного доступа к государственным услугам для всех категорий граждан, их взаимосвязь в рамках единой цифровой сети, взаимодействие с пользователями на двусторонней основе, а также обеспечение прозрачности и надежности в процессе предоставления услуг, где все это возможно благодаря использованию передовых цифровых технологий.

Цифровое государственное управление представляет собой симбиоз технологического прогресса в области организации взаимодействия человека и государства и ориентированную на этику систему, в центре которой должен находиться человек. Процесс цифровой трансформации должен сопровождаться соблюдением нравственно-ответственного подхода, защиты персональных данных граждан и прозрачности при принятии управленческих решений. Необходимо разграничение понятий «электронное государство» и «цифровое государственное управление» для понимания того, что в ходе цифровой трансформации государственных процессов изменились не только механизмы оказания услуг, но и сама культура управления, для эффективного функционирования которой главной задачей стоит клиентоцентричность, соблюдение цифровых прав граждан, а также налаживание доверительных отношений между гражданином и государством. Нормы этики становятся связующим элементом в системе устойчивого, прозрачного и справедливого функционирования современного цифрового государства.

В России развитие электронного управления в рамках цифровизации государственного сектора закреплено на законодательном уровне – в рамках национальной программы Российской Федерации зафиксировано усовершенствование нормативного регулирования, развитие специалистов в области электронного управления, укрепление информационной инфраструктуры, повышение уровня информационной безопасности, а также поддержка развития отечественных цифровых технологий и квалификации IT-специалистов. Особое внимание уделяется следующим направлениям в сфере модернизации государственного управления:

- Единая система государственных и муниципальных услуг, которая обеспечивает централизованное и эффективное предоставление услуг гражданам;
- Федеральный портал государственных услуг, который служит важным инструментом для доступности государственных услуг и повышения прозрачности деятельности властей;

- Проект «Умный город», основная цель которого создание интеллектуальной городской среды, где цифровые технологии служат гарантом качества жизни;
- Цифровизация избирательных кампаний и реализация дистанционного электронного голосования, способствующие в совокупности оптимизации избирательных процессов, делая их более открытыми и честными.

Эти инициативы не только способствуют улучшению управленческих процессов, но и создают условия для стимулирования экономического роста, социальной интеграции и технологического инновационного развития. Их реализация считается перспективным направлением в развитии электронного государства и цифровой экономики страны.

Список литературы

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О персональных данных». Юридическая информационная система «Легалакт — законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации». https://legalacts.ru/doc/152_FZ-o-personalnyh-dannyh
2. Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года. Администрация Президента России. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986>
3. Аксёнов, П. Ю. (2023). Развитие электронного правительства в России: достижения и инновационные подходы. *Вестник науки*, 5(10) (67), с. 337–344. EDN: <https://elibrary.ru/JXCFVZ>
4. Васильев, С. С., Седых, А. А., & Бородаенко, Н. В. (2024). Электронное голосование как способ реализации электронной демократии. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*, (5-1) (92), с. 55–60. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-5-1-55-60>. EDN: <https://elibrary.ru/AIEIHE>
5. Дармилов, А. Ф., & Понявина, М. Б. (2020). Электронное правительство и цифровое государство. *Вести научных достижений. Экономика и право*, (2), с. 82–85. EDN: <https://elibrary.ru/BFSUHO>
6. Зотов, В. В., & Василенко, Л. А. (2023). Цифровая трансформация публичного управления: единство сервисно-цифровых и социально-сетевых аспектов. *Вопросы государственного и муниципального управления*, (3), с. 26–47. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2023-0-3-26-47>. EDN: <https://elibrary.ru/EFDDTJ>
7. Иларионова, Т. С. (2019). Государственное управление, социальная политика и региональное развитие – три ключа к успеху. *Государственная служба*,

- (1) (117), с. 47–54. <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2019-21-1-47-54>. EDN: <https://elibrary.ru/QGNNYZ>
8. *Инжиниринг предприятий и управление знаниями (ИП&УЗ-2022): сборник научных трудов XXV Российской научной конференции, 6–7 декабря 2022 г.* / под науч. ред. Ю. Ф. Тельнова. Москва: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2022. 357 с.
 9. Калганов, И. С. (2023). Этапы становления электронного правительства. *Экономика и бизнес: теория и практика, (12-1)* (106), с. 83–85. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2023-12-1-83-85>. EDN: <https://elibrary.ru/HWBDCI>
 10. Лолаева, А. С. (2022). Место электронного правительства в системе государственного управления. *Право и политика, (2)*, с. 19–29. <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2022.2.37511>. EDN: <https://elibrary.ru/TLRZRJ>
 11. Митин, А. И., & Василенко, Л. А. (1996). *Глобальная компьютерная сеть INTERNET (история, организация, доступ, перспективы)*. Москва: Интеллект, 102 с. ISBN: 5-87047-030-7. EDN: <https://elibrary.ru/WJSCML>
 12. Понкин, И. В., & Лаптева, А. И. (2021). *Право и цифра: Машиночитаемое право, цифровые модели-двойники, цифровая формализация и цифровая онто-инженерия в праве: учебник* / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». Серия: Методология и онтология исследований. Москва: Буки Веди, 174 с.
 13. Сопина, Н. В. (2022). Направления развития стратегических технологий, способствующих цифровизации бизнеса в компании. *Известия СПбГЭУ, (1)* (133), с. 130–135. EDN: <https://elibrary.ru/SYZCUT>
 14. Литвинцева, Е. А., Афанасьева, Н. В., [и др.]. (2020). *Управление изменениями во взаимодействии органов власти и социума*. Москва: Проспект, 232 с. <https://doi.org/10.31085/9785392314799-2020-232>. ISBN: 978-5-392-31479-9. EDN: <https://elibrary.ru/NQCGLE>
 15. Швецов, А. Н., & Рысина, В. Н. (2020). Цифровизация госуправления в России на фоне лучшего зарубежного опыта. *ЭКО, (2)* (548), с. 60–80. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-2-60-80>. EDN: <https://elibrary.ru/PLYHVX>
 16. Asogwa, B. E. (2013). Electronic government as a paradigm shift for efficient public services: Opportunities and challenges for Nigerian government. *Library Hi Tech, 31*(1), pp. 141–159. <https://doi.org/10.1108/07378831311303985>
 17. Hodzic, S., Ravselj, D., & Alibegovic, D. J. (2021). E-Government Effectiveness and Efficiency in EU-28 and COVID-19. *Central European Public Administration Review, 19*, p. 159.

References

1. Russian Federation. (2006, amended 2024, August 8). *Federal Law No. 152-FZ dated July 27, 2006 “On Personal Data”*. LegalAct — Laws, Codes and Regulatory Legal

- Acts of the Russian Federation. Retrieved from https://legalacts.ru/doc/152_FZ-o-personalnyh-dannyh
2. President of the Russian Federation. (n.d.). *Decree on national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and prospects up to 2036*. Presidential Administration of Russia. Retrieved from <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986>
 3. Aksenov, P. Yu. (2023). Development of e-government in Russia: Achievements and innovative approaches. *Bulletin of Science*, 5(10)(67), 337–344. EDN: <https://elibrary.ru/JXCFVZ>
 4. Vasiliev, S. S., Sedykh, A. A., & Borodaenko, N. V. (2024). Electronic voting as a way to implement e-democracy. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, (5-1)(92), 55–60. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-5-1-55-60>. EDN: <https://elibrary.ru/AIEIHE>
 5. Darmilov, A. F., & Ponyavina, M. B. (2020). E-government and digital state. *News of Scientific Achievements. Economics and Law*, (2), 82–85. EDN: <https://elibrary.ru/BFSUHO>
 6. Zotov, V. V., & Vasilenko, L. A. (2023). Digital transformation of public administration: The unity of service-digital and social-network aspects. *Issues of State and Municipal Administration*, (3), 26–47. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2023-0-3-26-47>. EDN: <https://elibrary.ru/EFDDTJ>
 7. Ilarionova, T. S. (2019). Public administration, social policy and regional development – three keys to success. *Public Service*, (1)(117), 47–54. <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2019-21-1-47-54>. EDN: <https://elibrary.ru/QGNNYZ>
 8. Telnov, Yu. F. (Ed.). (2022). *Enterprise engineering and knowledge management (IP&UZ-2022): Proceedings of the XXV Russian Scientific Conference, December 6–7, 2022*. Moscow: Plekhanov Russian University of Economics, 357 p.
 9. Kalganov, I. S. (2023). Stages of e-government formation. *Economics and Business: Theory and Practice*, (12-1)(106), 83–85. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2023-12-1-83-85>. EDN: <https://elibrary.ru/HWBDCL>
 10. Lolayeva, A. S. (2022). The place of e-government in the system of public administration. *Law and Politics*, (2), 19–29. <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2022.2.37511>. EDN: <https://elibrary.ru/TLRZRJ>
 11. Mitin, A. I., & Vasilenko, L. A. (1996). *The global computer network INTERNET: History, organization, access, prospects*. Moscow: Intellect, 102 p. ISBN: 5-87047-030-7. EDN: <https://elibrary.ru/WJSCML>
 12. Ponkin, I. V., & Lapteva, A. I. (2021). *Law and digital: Machine-readable law, digital twin models, digital formalization and digital ontological engineering in law: Textbook*. Consortium “Analytics. Law. Digital”. Series: Methodology and Ontology of Research. Moscow: Buki Vedi, 174 p.

13. Sopina, N. V. (2022). Directions of development of strategic technologies contributing to business digitalization in a company. *Proceedings of St. Petersburg State Economic University, (1)(133)*, 130–135. EDN: <https://elibrary.ru/SYZCUT>
14. Litvintseva, E. A., Afanasyeva, N. V., et al. (2020). *Managing changes in the interaction between authorities and society*. Moscow: Prospekt, 232 p. <https://doi.org/10.31085/9785392314799-2020-232>. ISBN: 978-5-392-31479-9. EDN: <https://elibrary.ru/NQCGLE>
15. Shvetsov, A. N., & Rysina, V. N. (2020). Digitalization of public administration in Russia against the background of the best foreign experience. *ECO, (2)(548)*, 60–80. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-2-60-80>. EDN: <https://elibrary.ru/PLYHVX>
16. Asogwa, B. E. (2013). Electronic government as a paradigm shift for efficient public services: Opportunities and challenges for Nigerian government. *Library Hi Tech, 31(1)*, 141–159. <https://doi.org/10.1108/07378831311303985>
17. Hodzic, S., Ravselj, D., & Alibegovic, D. J. (2021). E-government effectiveness and efficiency in EU-28 and COVID-19. *Central European Public Administration Review, 19*, 159.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Миринова Александра Павловна, аспирантка

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
пр. Вернадского, 82, г. Москва, 119571, Российская Федерация
Alex99-10@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Alexandra P. Mironova, postgraduate student

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82, Vernadsky Ave., Moscow, 119571, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1503-2051>
Alex99-10@mail.ru*

Поступила 15.01.2026

После рецензирования 11.02.2026

Принята 17.02.2026

Received 15.01.2026

Revised 11.02.2026

Accepted 17.02.2026

Государственное управление / Public Administration

Научная статья

Original article

DOI: [10.12731/2576-9634-2026-10-1-268](https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-1-268)

EDN: [NGIUPT](https://ngiupt.org/)

УДК 316.36

Государственная политика в отношении студенческих семей: анализ мер поддержки и управленческих решений (на примере вузов Ярославской области)

О.Н. Монахов, К.Ю. Ледянкина

*Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
Ярославль, Российская Федерация*

Аннотация

Обоснование. В современных условиях в качестве вызова демографической безопасности рассматривается увеличение доли отложенных браков и тенденция к более позднему рождению детей. Данная ситуация предполагает усиление внимания государства к молодым семьям из числа учащейся молодёжи, так как необходимость совмещать учебу, работу и семейные обязанности делает их особенно чувствительными к социальным изменениям в обществе.

Цель. Выявить и проанализировать систему социальной поддержки молодых семей из числа учащейся молодёжи.

Методология проведения работы. Методологическую основу исследования составляют герменевтический, феноменологический и компаративистский подходы. Эмпирическую базу обеспечивают теоретический анализ научной литературы и законодательных документов, сравнительный анализ мер поддержки на региональном уровне и контент-анализ сайтов вузов Ярославской области.

Результаты. Изучены существующие механизмы государственной поддержки, реализуемые как на региональном уровне (разработка региональных программ, адаптация федеральных мер). Особое внимание уделено важности учета особенностей молодых семей из числа учащейся молодёжи в зависимости от состава, наличия детей, места проживания и материальных ресурсов. Систематизированы и описаны действующие меры социальной поддержки студенческих семей в учебных заведениях Ярославской области.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в сфере социально-политического проектирования, в том числе при разра-

ботке программ поддержки молодых семей и оценке их демографического эффекта.

Ключевые слова: социальная поддержка; социальная политика; молодая семья; студенческая семья; молодежь

Для цитирования. Монахов, О. Н., & Ледянкина, К. Ю. (2026). Государственная политика в отношении студенческих семей: анализ мер поддержки и управленческих решений (на примере вузов Ярославской области). *Russian Studies in Law and Politics / Российские исследования. Право и политика*, 10(1), 154-172. <https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-1-268>

State policy towards student families: analysis of support measures and management decisions (a case study of higher education institutions in the Yaroslavl region)

O.N. Monahov, K.Y. Ledyankina

*Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky,
Yaroslavl, Russian Federation*

Abstract

Background. The socio-economic development of the state and society is associated with overcoming demographic problems. In modern conditions, as a challenge to demographic security, an increase in the share of postponed marriages and a tendency to later birth of children are considered. This situation implies an increase in state attention to young families from among the students, since the need to combine study, work and family responsibilities makes them especially sensitive to social changes in society.

Purpose. Identify and analyze the system of social support for young families from among the students.

Methodology. The methodological foundation of the study comprises the hermeneutic, phenomenological, and comparative approaches. The empirical basis is provided by a theoretical analysis of scholarly literature and legislative documents, a comparative analysis of support measures at the regional level, and a content analysis of websites of higher education institutions in the Yaroslavl Region.

Results. The existing mechanisms of state support implemented at the regional level (including the development of regional programs and adaptation of federal measures) have been studied. Particular attention has been paid to the importance of accounting for the specific characteristics of young families among student youth, depending on family composition, presence of children, place of residence, and material resources. The current measures of social support for student families in educational institutions of the Yaroslavl Region have been systematized and described.

Practical implications. Scope of Application of the Results. The research findings can be applied in the field of socio-political design, including in the development of support programs for young families and the assessment of their demographic impact.

Keywords: social support; social policy; young family; student family; youth

For citation. Monahov, O. N., & Ledyankina, K. Y. (2026). State policy towards student families: analysis of support measures and management decisions (a case study of higher education institutions in the Yaroslavl region). *Russian Studies in Law and Politics*, 10(1), 154-172. <https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-1-268>

Введение

Демографический вектор является ключевым для социально-экономической политики Российской Федерации на протяжении двух десятилетий XXI века. Его контуры определены Стратегией по реализации семейной и демографической политики до 2036 года [9], национальным проектом «Семья» [8].

Одной из серьёзных проблем, затрудняющих достижение поставленных целей, является низкая рождаемость среди молодежи, связанная с тенденцией к поздним бракам и родам.

Особенно уязвимы в этом контексте студенческие семьи, находящиеся в затруднительном положении из-за совмещения учебы и семейных обязанностей. Условия проживания и доходы студента создают существенные ограничения для благополучного функционирования семьи.

Согласно данным Минобрнауки в 2025 году в России насчитывается около 50 тысяч студенческих семей, из них 13 тысяч пар уже стали родителями [2]. Как отметила вице-спикер Государственной Думы Российской Федерации А.Ю. Кузнецова: «Около 60 процентов студентов хотели бы создать семью будучи студентами» [1].

Вопросы социальной поддержки семей получили широкое освещение в научной литературе, однако исследований, посвящённых исключительно студенческим семьям, крайне мало. Большинство имеющихся работ рассматривают проблему молодых семей, игнорируя особые условия и потребности студенческих семей.

Зарубежные исследования фокусируются на экономических и карьерных барьерах для создания семьи. Например, американский

ученый, социолог и экономист Г.С. Беккер анализировал семью как экономический институт, где дети рассматриваются как «благо длительного пользования», а их рождение – это рациональный выбор, зависящий от доходов и затрат времени [16]. С позиций этого подхода студенческие семьи сталкиваются с особенно высокими трудностями: необходимость совмещать учёбу и работу, а воспитание детей увеличивает финансовую и временную нагрузку на молодых супругов. Корейские ученые Kim H.W., Kim S.Y. обратили внимание, что при наличии желания создать семью молодые люди испытывают неуверенность из-за экономических и карьерных трудностей [19]. Немецкие ученые Gebel M., Heune S. в своих трудах отметили, что в условиях растущей неопределённости переход от учёбы к работе и откладывание первого брака становятся взаимосвязанными процессами [18]. Бразильские учёные Andrade J.L., Cunha M. подчеркнули, что отсрочка рождения детей коррелирует с ростом доходов, девушки при выборе между материнством и учёбой и работой, выбирают карьеру [15]. Ученые из Тайланда установили, что продление обязательного образования влияет на возраст вступления в брак и рождаемость [17].

Российские ученые обращают внимание на важность студенческих семей как ресурса демографической политики, однако оставляют открытым вопрос о формах поддержки и социальной адаптации данной группы [14]. К.А. Вилкова и остальные авторы указывают на то, что «... студенческая семья является не очень распространённым феноменом в России» [3, с.78]. Т.К. Ростовская и другие исследователи, характеризуя особенности студенческой семьи выделяют ее отличие, а именно «... оба супруга – студенты и, соответственно, имеют общие привычки и интересы, мировоззрение, социально-экономическое положение, обусловленное их обучением в университете» [10, с.107].

Научный пробел заключается в отсутствии: отсутствие глубоких исследований, направленных на изучение студенческих семей, комплексного анализа мер поддержки студенческих семей на региональном уровне, сравнительной оценки существующих программ в вузах, рекомендаций по адаптации социальной политики.

Тема поддержки студенческих семей является крайне актуальной. Следует отметить, что сам термин «студенческая семья» появился в российском законодательстве совсем недавно – только в 2025 году [13]. Это свидетельствует о необходимости особого внимания к разработке системных подходов к поддержке данной категории семей.

Демографическая ситуация в стране характеризуется тенденцией к более позднему вступлению в брак и рождению детей среди молодежи, что вызывает серьезное беспокойство с точки зрения демографической безопасности [5]. В этих условиях государство активно ищет инструменты для снижения доли отложенных браков и рождений в процессе получения образования, уделяя особое внимание студенческим семьям [11].

Улучшение положения студенческих семей напрямую способствует укреплению традиционного института семьи, сохранению культурных традиций и повышению устойчивости российского общества в целом.

Исходя из вышеуказанного, определена *цель исследования* – выявить и проанализировать систему социальной поддержки молодых семей из числа учащейся молодежи.

Материалы и методы

В рамках исследования социальной поддержки молодых семей из числа учащейся молодежи были применены следующие методы: теоретический анализ научной литературы и законодательных документов; сравнительный анализ мер социальной поддержки студенческих семей на региональном уровне; контент-анализ официальных сайтов вузов Ярославской области.

Теоретический анализ позволил изучить нормативную базу и существующие подходы к поддержке студенческих семей. Сравнительный анализ дал возможность выявить различия в подходах к поддержке в разных вузах региона. Контент-анализ официальных сайтов стал основным инструментом сбора эмпирических данных.

Критерии отбора вузов для анализа: наличие программ поддержки студенческих семей, доступность информации на официальном сайте, представительство разных типов образовательных органи-

заций (классический университет, педагогический, медицинский, технический, театральный и другие), географическое расположение в Ярославской области.

Принципы проведения контент-анализа сайтов вузов базировались на следующих положениях: систематизация информации о мерах поддержки студенческих семей, оценка полноты и актуальности представленных данных, анализ структуры и содержания разделов о социальной поддержке, выявление типовых практик помощи, сравнение объёма и качества предоставляемой поддержки, изучение механизмов получения различных видов помощи.

Ограничения исследования обусловлены следующими факторами: территориальные рамки исследования (только вузы Ярославской области), зависимость от полноты информации, представленной на официальных сайтах вузов, отсутствие единой системы представления данных о поддержке, разный уровень актуализации информации на сайтах образовательных организаций, отсутствие единых критериев описания мер поддержки, различия в организационной структуре вузов (где-то работу со студенческими семьями ведёт управление по молодёжной политике, где-то – отдел кадров или отдельное подразделение социального отдела), невозможность учёта неформальных практик поддержки, ограниченность периода сбора данных.

Исследование проводилось с октября по декабрь 2025 года в несколько этапов: формирование выборки вузов на основе установленных критериев, разработка параметров анализа сайтов, сбор и систематизация данных о мерах поддержки, сравнительный анализ практик поддержки в различных вузах, формулировка выводов и рекомендаций по результатам исследования.

Результаты и обсуждение

Социальные проблемы современных студенческих семей являются актуальной темой на сегодняшний день. Эти вызовы обусловлены спецификой положения молодых супругов, которые одновременно находятся в статусе студентов и супругов (родителей) и связаны с совмещением учёбы, семейных обязанностей и материальных трудностей.

Основные проблемы можно разделить на две ключевые группы: социально-экономические и социально-психологические.

1) Социально-экономические проблемы:

– низкий уровень доходов (основным источником средств служит стипендия, которая едва обеспечивает минимальные нужды: государственная академическая стипендия студентам, обучающимся по образовательным программам высшего образования составляет 2224 рубля в месяц, а для учащихся колледжей и техникумов – 806 рублей в месяц [7], кроме того возможность зарабатывать дополнительно ограничена учебным процессом, что в результате приводит к тому, что уровень дохода на одного человека в таких семьях оказывается в среднем в полтора-два раза ниже, чем в обычных семьях [6];

– отсутствие своего жилья (высокая стоимость аренды квартир, дефицит специализированных общежитий для семейных студентов, низкое качество жилищных условий в общежитиях, сложности с совместным проживанием при обучении в разных учебных заведениях) [4];

– проблемы трудоустройства (ограниченные возможности совмещения работы с учёбой, сложности в поиске работы с гибким графиком, недостаток вакансий, подходящих для студентов, отсутствие опыта работы у молодых специалистов);

– информационная недоступность (недостаточная осведомлённость о существующих мерах поддержки, сложность получения актуальной информации, отсутствие единой системы информирования);

– ограниченный доступ к услугам (очереди в дошкольные учреждения, дефицит мест в яслях, недостаточное количество детских комнат, проблемы с доступностью социальных служб).

2) Социально-психологические проблемы

– совмещение учебы и семейных обязанностей (студенческие семьи часто сталкиваются с противоречием между потребностью посвящать время обучению и семейным обязанностям, данная ситуация заставляет молодых родителей постоянно жертвовать одним ради другого, приводя к снижению академической успеваемости и дополнительным нагрузкам);

– проблемы самоидентификации (кризис роли: переход от студента к супругу и родителю без чёткого баланса, сомнения в способ-

ности реализовать образовательные, супружеские и родительские цели, переоценка жизненных приоритетов и ценностей, борьба с внутренними установками об «идеальном студенте», «идеальном супруге» и «идеальном родителе»);

– психологическое напряжение и тревожность (тревога о будущем: карьера, жильё, финансовая стабильность, страх не справиться с новыми ролями, переживания из-за возможных академических неудач, чувство вины перед друг другом и ребёнком за недостаточное внимание);

– ослабление социальной активности и социальная изоляция (высокие требования образовательного процесса и ежедневные семейные дела, а также заботы по уходу за ребенком оставляют мало времени для общения с друзьями и обществом, подобная изоляция усиливает чувства одиночества и неудовлетворенности жизнью, сужение круга общения из-за нехватки времени, ощущение оторванности от студенческой среды);

– конфликты в паре (разногласия по распределению бытовых и родительских обязанностей, усталость и раздражительность, ведущие к взаимным претензиям, несовпадение взглядов на воспитание ребёнка, дефицит совместного времени и эмоциональной близости);

– дефицит времени и хроническая усталость (круглосуточная забота о ребёнке в сочетании с учебной нагрузкой, сокращение времени на сон, отдых, саморазвитие, невозможность полноценно готовиться к занятиям и экзаменам, накопление физического и эмоционального истощения) [12].

Вместе с тем, студенческие семьи обладают огромным потенциалом для развития общества. Их поддержка имеет стратегически важное значение, так как они обеспечивают воспроизводство человеческого капитала и формируют будущие кадры для экономики страны.

Авторами было проведено исследование, направленное на изучение системы социальной поддержки молодых семей из числа учащейся молодёжи Ярославской области. Выполнен систематический сбор и анализ данных о действующих мерах поддержки, предоставляемых учебными заведениями региона студенческим семьям (табл. 1).

Анализ данных таблицы позволяет сделать ряд существенных выводов о текущем состоянии системы поддержки. Прежде всего, наблюдается значительная неоднородность в наборе и объеме мер поддержки между различными учебными заведениями.

Таблица 1.

Меры поддержки студенческих семей в университетах Ярославской области**Table 1.** Support measures for student families at universities in the Yaroslavl Region

Университеты	Материальная (финансовая) поддержка	Инфраструктурная поддержка	Иная поддержка
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (ЯГПУ)	<ul style="list-style-type: none"> – единовременная материальная помощь обучающимся, имеющим на иждивении ребенка до 7 лет. Размер материальной помощи, подлежащей выплате обучающимся, составляет до 10 000 рублей на каждого ребенка; – единовременная материальная помощь обучающимся, в случае рождения (усыновления) ребенка (выплачивается в случае обращения за материальной помощью в течение шести месяцев после рождения (усыновления) ребенка. Размер материальной помощи, подлежащей выплате обучающимся, составляет до 50 000 рублей; – единовременная материальная помощь обучающимся при вступлении в брак (при условии, что с момента вступления в брак прошло не более шести месяцев). Размер материальной помощи, подлежащей выплате обучающимся, составляет до 10 000 рублей; – Единовременная материальная помощь обучающимся при постановке на учет в медицинском учреждении по беременности. Размер материальной помощи, подлежащей выплате обучающимся, составляет до 5 000 рублей; – приоритет при переводе на бюджетные места женщин, родивших ребенка в период обучения 	<ul style="list-style-type: none"> – предоставление молодым студенческим семьям, матерям (отцам) с детьми жилья/мест в общежитиях; – группа кратковременного пребывания детей, комната матери и ребенка 	<ul style="list-style-type: none"> – психологическая помощь; – оздоровительные и культурно-массовые мероприятия на базе инфраструктуры вуза; – содействие в трудоустройстве; – индивидуальный учебный график/план обучения; – академический отпуск, отпуск по беременности и родам, отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста 3-х лет

<p>Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (ЯрГУ)</p>	<ul style="list-style-type: none"> – получение единовременной материальной помощи при заключении брака, если один и/или оба супруга обучаются по очной форм обучения на бюджетной основе; – получение единовременной материальной помощи в течении 6 месяцев после рождения ребенка, если один и/или оба супруга обучаются по очной форм обучения на бюджетной основе 	<p>отсутствует</p>	<ul style="list-style-type: none"> – оказание при необходимости психологической помощи молодым семьям Психологической службой ЯрГУ; – оказание при необходимости юридических консультаций юридической клиникой на базе юридического факультета ЯрГУ (учетный номер юридической клиники в списке юридических клиник Минюста России - 76/1); – новогодние подарки для детей студентов
<p>Ярославский государственный медицинский университет (ЯГМУ)</p>	<ul style="list-style-type: none"> – система внутренних грантов университета; – материальная помощь студентским семьям 	<ul style="list-style-type: none"> – комната матери и ребенка – семейные комнаты в общежитиях студенческим семьям 	<ul style="list-style-type: none"> – центр социально-психологического сопровождения; – пакет информационных материалов для целевой аудитории, системная работа со сми и в социальных сетях; – посещение спортивных секций и залов фок «здоровье» на безвозмездной основе
<p>Ярославский государственный технический университет (ЯГТУ)</p>	<ul style="list-style-type: none"> – единовременная выплата обучающимся при регистрации брака и рождении ребенка; – выплата обучающимся, имеющим детей (2 раза в год) 	<ul style="list-style-type: none"> – семейные комнаты в общежитиях студенческим семьям 	<ul style="list-style-type: none"> – юридическая помощь; – оказание психологической и консультационной помощи;

			<ul style="list-style-type: none"> – предоставление в пользование детских вещей и принадлежностей; – новогодние подарки для детей студентов; – бесплатные билеты в студенческий театр
Ярославский государственный театральный институт им. Фирса Шишигина (ЯГТИ)	– единовременная выплата обучающимся, имеющим детей	– семейные комнаты в общежитиях студенческим семьям	– юридическая помощь; – консультация по социально-бытовым вопросам
Ярославский государственный аграрный университет (ЯрГАУ)	<ul style="list-style-type: none"> – единовременная материальная помощь при рождении ребенка (если с момента рождения ребенка прошло не более 12 месяцев); – единовременная материальная помощь при вступлении в брак (если с момента заключения брака прошло не более 12 месяцев); – единовременная материальная помощь обучающимся, вставшим на учет в медицинской организации в ранние сроки беременности (до 12 недель) или находящимся в отпуске по беременности и родам; – ежегодная материальная помощь студенческим семьям, не имеющих детей (оба супруга являются обучающимися очной формы обучения ФГБОУ ВО «Ярославский ГАУ») – на получение выплаты имеет право один из супругов; – ежегодная материальная помощь обучающимся, имеющим детей до 7 лет, в том числе - одинокие матери (отцы); – ежегодная материальная помощь обучающимся, имеющим детей до 14 лет и получающих государственную социальную стипендию 	<ul style="list-style-type: none"> – семейные комнаты в общежитиях для обучающихся, состоящих в зарегистрированном браке; – семейные комнаты в общежитиях для обучающихся, имеющих детей 	<ul style="list-style-type: none"> – юридическая помощь; – психологическая помощь; – содействие трудоустройству выпускников, ставших родителями в период обучения; – перевод на обучение по индивидуальному учебному плану женщин, родивших в период обучения; – льготные билеты в театр, цирк, льготные путевки в дома отдыха, санатории

Рыбинский государственный авиационный технический университет им. П.А. Соловьева (РГАТУ)	– выплата обучающимся, имеющим детей (2 раза в год); – материальная поддержка при регистрации брака	семейные комнаты в общежитии студенческим семьям	новогодние подарки для детей студентов
Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)	– финансовая поддержка для студентов – скидка на обучение «Родные люди»	отсутствует	консультационная поддержка для студентов психологическая помощь

При сравнении практик поддержки между вузами особенно заметно выделяются Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (ЯГПУ) и Ярославский государственный аграрный университет (ЯрГАУ) – они демонстрируют наиболее комплексный подход. Оба вуза не только предлагают широкий спектр материальной помощи (включая единовременные выплаты до 50 000 рублей при рождении ребёнка в ЯГПУ и ежегодные выплаты в ЯрГАУ), но и обеспечивают инфраструктурную поддержку (предоставление жилья в общежитиях, комнаты матери и ребёнка в ЯГПУ, предоставлением семейных комнат в общежитии студенческим семьям в ЯрГАУ), а также разнообразную «иную» поддержку – от психологической помощи и содействия в трудоустройстве до индивидуальных учебных планов и академических отпусков.

В противовес этому, Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ) ограничивается преимущественно финансовой поддержкой и консультационной помощью, полностью исключая инфраструктурные меры. Это создаёт ощутимый разрыв в уровне поддержки, доступной студентам разных вузов.

В сфере материальной (финансовой) поддержки практически все вузы предлагают единовременные выплаты в связи с рождением ребёнка, вступлением в брак или постановкой на учёт по беременности. Однако, анализ материальной поддержки выявляет существенную дифференциацию между вузами. Так, ЯГПУ предлагает наиболее высокие единовременные выплаты: до 50 000 рублей при рождении

или усыновлении ребёнка, до 10 000 рублей при вступлении в брак (если с момента события прошло не более полугода) и до 5 000 рублей при постановке на учёт по беременности. В ЯрГУ выплаты предусмотрены при заключении брака и рождении ребёнка, но их размер не указан, а в МУБиНТ финансовая помощь носит общий характер без детализации сумм. Примечательно, что некоторые вузы внедряют уникальные формы поддержки: ЯГМУ использует систему внутренних грантов, а ЯГТУ и РГАТУ практикуют регулярные выплаты семьям с детьми два раза в год, ЯрГАУ выделяется введением ежегодных выплат для студенческих семей с детьми до 7 и 14 лет, включая одиноких родителей.

Инфраструктурная поддержка представлена менее равномерно. Семейные комнаты в общежитиях есть в большинстве вузов, однако их количество и доступность не указаны. Комната матери и ребёнка функционирует лишь в двух учебных заведениях (ЯГПУ и ЯГМУ). В некоторых вузах (например, в ЯрГУ и Академии МУБиНТ) инфраструктурная поддержка полностью отсутствует.

Иная поддержка (психологическая, юридическая, консультационная и пр.) также отличается разнообразием форм. Психологическая помощь доступна в пяти из восьми рассмотренных вузов, юридическая – в четырёх. Содействие в трудоустройстве предусмотрено лишь в двух университетах. Дополнительные льготы (новогодние подарки для детей, билеты в театр, доступ к спортивным секциям) носят эпизодический характер и не являются системными.

Важным аспектом является прозрачность и доступность информации о мерах поддержки. Во всех вузах указаны контактные лица и каналы связи, что упрощает процесс обращения за помощью. Однако на сайтах многих учебных заведений разделы, посвящённые поддержке студенческих семей, недостаточно структурированы, что может снижать уровень информированности студентов о доступных возможностях.

Таким образом, система социальной поддержки студенческих семей в Ярославской области функционирует, но характеризуется отсутствием системности и целостности. Наиболее эффективные

практики сосредоточены в ЯГПУ и ЯрГАУ, где поддержка охватывает все ключевые аспекты: финансовую помощь, инфраструктурные и организационные решения. В остальных вузах меры либо ограничены, либо носят фрагментарный характер, что требует выработки единых стандартов поддержки на региональном уровне.

Для совершенствования системы поддержки студенческих семей целесообразно: унифицировать базовые меры поддержки (минимальные размеры выплат, обязательные инфраструктурные элементы), создать единый информационный ресурс с детализацией мер по каждому вузу; расширить инфраструктурные возможности вузов (в частности, комнаты матери и ребёнка и группы кратковременного пребывания детей), актуализировать данные на официальных сайтах университетов.

Такой подход позволит сократить разрыв между вузами и обеспечить равные возможности для всех студенческих семей региона.

Заключение

Проведенное исследование позволило достичь поставленной цели – выявить и проанализировать систему социальной поддержки молодых семей из числа учащейся молодёжи в вузах Ярославской области.

1. Выявлена существенная неоднородность в системе поддержки студенческих семей между различными вузами региона.
2. Установлено, что наиболее развитая система поддержки реализована в ЯГПУ им. К.Д. Ушинского и ЯрГАУ, где охвачены все ключевые направления помощи.
3. Определены ключевые проблемы в существующих системах поддержки: отсутствие унификации базовых мер помощи, неравномерное распределение инфраструктурных возможностей; фрагментарность «иной» поддержки (психологической, юридической, консультационной), недостаточная информированность студентов о доступных мерах помощи.
4. Существующая система поддержки требует существенной модернизации и унификации, необходимо создание единого

стандарта базовых мер поддержки для всех вузов региона, требуется усиление инфраструктурного обеспечения студенческих семей, а также необходимо развивать информационные механизмы донесения информации о мерах поддержки до целевой аудитории.

5. Результаты исследования могут быть использованы для: разработки региональных программ поддержки студенческих семей, совершенствования локальных нормативных актов вузов в сфере социальной поддержки, создания единой информационной системы мер поддержки, формирования рекомендаций по оптимизации существующих механизмов помощи.
6. Перспективы дальнейших исследований: мониторинг эффективности внедряемых мер поддержки, изучение мнения получателей помощи о качестве предоставляемых услуг, анализ влияния мер поддержки на успешность совмещения учёбы и семейных обязанностей, исследование долгосрочных эффектов поддержки студенческих семей.

Таким образом, исследование показало, что, несмотря на наличие определённых успехов в развитии системы поддержки студенческих семей, существует значительный потенциал для её совершенствования и унификации на региональном уровне.

Список литературы

1. Кузнецова, А. *Студенческих семей с детьми стало больше* [Электронный ресурс]. <https://rg.ru/2025/10/09/anna-kuznecova-studencheskih-semej-s-detmi-stalo-bolshe.html> (дата обращения: 25.01.2026).
2. *В России сложилось 50 тыс. студенческих семей* [Электронный ресурс]. <https://www.kommersant.ru/doc/8141982> (дата обращения: 25.01.2026).
3. Вилкова, К. А., Груздев, И. А., Шмелёва, Е. Д., Тарасова, Е. А., & Старцев, С. В. (2024). Что мы знаем о студенческих семьях: социологический анализ. *Высшее образование в России*, 33(7), с. 67–83. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-7-67-83>. EDN: <https://elibrary.ru/MSDITN>
4. *Меры материальной поддержки семейных студентов — современная политика российских вузов* [Электронный ресурс]. <https://deminform.ru/analytics/mery-materialnoy-podderzhki-semeynykh-studentov-sovremennaya-politika-rossiyskikh-vuzov> (дата обращения: 25.01.2026).

5. Новиков, В. Г., Аношина, Ю. Ф., & Симонов, С. Ю. (2025). Анализ демографических трансформаций в России: экономические последствия и направления государственной демографической политики. *Научные труды Вольного экономического общества России*, (3) (253), с. 570–590. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2025-253-3-570-590>. EDN: <https://elibrary.ru/YCCSFZ>
6. Пашкова, Я. А., & Гайдар, К. М. (2025). Ресурсы и проблемы студенческой семьи: социально-психологический анализ. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования*, (1), с. 42–47. EDN: <https://elibrary.ru/WORTYW>
7. *Письмо Минобрнауки России от 4 августа 2025 г. № МН-11/1560 «О стипендиальном обеспечении с 1 сентября 2025 года»* [Электронный ресурс]. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412351080/?ysclid=mjcsogs0d5537685998> (дата обращения: 25.01.2026).
8. Разгильдяева, М. Б. (2025). Правовые аспекты формирования современной государственной демографической политики. *Общество: политика, экономика, право*, (7), с. 176–183. <https://doi.org/10.24158/per.2025.7.23>. EDN: <https://elibrary.ru/UZHNSW>
9. *Распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 № 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года»* [Электронный ресурс]. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501543/ff6f00b4c5087a436c9a2df72ab18e1bd109886f/ (дата обращения: 25.01.2026).
10. Ростовская, Т. К., Князькова, Е. А., & Ширшова, Т. М. (2022). Студенческая семья как объект научного исследования: (обзор научных исследований по проблематике студенческих семей). *Alma Mater (Вестник высшей школы)*, (11), с. 106–113. <https://doi.org/10.20339/AM.11-22.106>. EDN: <https://elibrary.ru/DPNJUA>
11. Ростовская, Т. К., Васильева, Е. Н., & Никольский, В. С. (2024). Параметры благополучия студенческой семьи в современной России: основные проблемы и поиск ресурсов. *Высшее образование в России*, 33(7), с. 15–31. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-7-15-31>. EDN: <https://elibrary.ru/DGYWQL>
12. Ростовская, Т. К. (2024). *Студенческая семья в России: барьеры и возможности благополучия: монография*. Иваново: Иван. гос. ун-т, 472 с. ISBN: 978-5-7807-1456-9. EDN: <https://elibrary.ru/NIKQQJ>
13. *Федеральный закон 2020 г. № 489-ФЗ «О молодёжной политике в Российской Федерации»* [Электронный ресурс]. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/c5051782233acca771e9adb35b47d3fb82c9ff1c/ (дата обращения: 25.01.2026).
14. Юнель, С. А. (2023). Идеальный образ будущей семьи у юношей и девушек студенческого возраста. *Мир науки. Педагогика и психология*, 11(6). <https://>

- mir-nauki.com/PDF/86PSMN623.pdf (дата обращения: 25.01.2026). EDN: <https://elibrary.ru/HGJXBW>
15. Andrade, J. L., & Cunha, M. (2019). PNS12: The impact of the postponement of maternity on women's income in Brazil. *Value in Health Regional Issues*, 19, Article no. S65. <https://doi.org/10.1016/j.vhri.2019.08.360>
 16. Becker, G. S. (1991). *A treatise on the family*. Enl. ed. Cambridge (Mass.); London: Harvard Univ. Press, XII, 424 p.
 17. Chaijaroen, P., & Panda, P. (2023). Women's education, marriage, and fertility outcomes: Evidence from Thailand's compulsory schooling law. *Economics of Education Review*, 96. <https://doi.org/10.1016/j.econedurev.2023.102440>. EDN: <https://elibrary.ru/GTFUYR>
 18. Gebel, M., & Heyne, S. (2016). Delayed transitions in times of increasing uncertainty: School-to-work transition and the delay of first marriage in Jordan. *Research in Social Stratification and Mobility*, 46 (Part A), pp. 61–72. <https://doi.org/10.1016/j.rssm.2016.01.005>
 19. Kim, H. W., & Kim, S. Y. (2023). Gender differences in willingness for childbirth, fertility knowledge, and value of motherhood or fatherhood and their associations among college students in South Korea, 2021. *Archives of Public Health*, 81(1), Article no. 110. <https://doi.org/10.1186/s13690-023-01127-x>. EDN: <https://elibrary.ru/DMDAPE>

References

1. Kuznetsova, A. *Student families with children are becoming more numerous* [Electronic resource]. Retrieved January 25, 2026, from <https://rg.ru/2025/10/09/anna-kuznecova-studencheskih-semej-s-detmi-stalo-bolshe.html>
2. *There are 50 thousand student families in Russia* [Electronic resource]. Retrieved January 25, 2026, from <https://www.kommersant.ru/doc/8141982>
3. Vilkova, K. A., Gruzdev, I. A., Shmeleva, E. D., Tarasova, E. A., & Startsev, S. V. (2024). What we know about student families: A sociological analysis. *Higher Education in Russia*, 33(7), 67–83. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-7-67-83>. EDN: <https://elibrary.ru/MSDITN>
4. *Measures of material support for student families — Modern policy of Russian universities* [Electronic resource]. Retrieved January 25, 2026, from <https://deminform.ru/analytics/mery-materialnoy-podderzhki-semeynykh-studentov-sovremennaya-politika-rossiyskikh-vuzov>
5. Novikov, V. G., Anoshina, Yu. F., & Simonov, S. Yu. (2025). Analysis of demographic transformations in Russia: Economic consequences and directions of state demographic policy. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, (3) (253), 570–590. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2025-253-3-570-590>. EDN: <https://elibrary.ru/YCCSFZ>

6. Pashkova, Ya. A., & Gaidar, K. M. (2025). Resources and problems of student families: A socio-psychological analysis. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Problems of Higher Education*, (1), 42–47. EDN: <https://elibrary.ru/WORTYW>
7. Ministry of Education and Science of the Russian Federation. (2025, August 4). *Letter No. MH-11/1560 dated August 4, 2025 “On scholarship provision starting September 1, 2025”* [Electronic resource]. Retrieved January 25, 2026, from <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412351080/?ysclid=mjcsogs0d5537685998>
8. Razgildyaeva, M. B. (2025). Legal aspects of forming modern state demographic policy. *Society: Politics, Economics, Law*, (7), 176–183. <https://doi.org/10.24158/pep.2025.7.23>. EDN: <https://elibrary.ru/UZHNWS>
9. Government of the Russian Federation. (2025, March 15). *Decree No. 615-r dated March 15, 2025 “On Approval of the Strategy for Implementing Family and Demographic Policy and Supporting Large Families in the Russian Federation until 2036”* [Electronic resource]. Retrieved January 25, 2026, from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501543/ff6f00b4c5087a436c9a2df72ab18e1bd109886f/
10. Rostovskaya, T. K., Knyazkova, E. A., & Shirshova, T. M. (2022). Student family as an object of scientific research: (Review of scientific studies on student families). *Alma Mater (Bulletin of Higher School)*, (11), 106–113. <https://doi.org/10.20339/AM.11-22.106>. EDN: <https://elibrary.ru/DPNJUA>
11. Rostovskaya, T. K., Vasilieva, E. N., & Nikolsky, V. S. (2024). Parameters of well-being of student families in modern Russia: Main problems and search for resources. *Higher Education in Russia*, 33(7), 15–31. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-7-15-31>. EDN: <https://elibrary.ru/DGYWQL>
12. Rostovskaya, T. K. (2024). *Student family in Russia: Barriers and opportunities for well-being: Monograph*. Ivanovo: Ivanovo State University, 472 p. ISBN: 978-5-7807-1456-9. EDN: <https://elibrary.ru/NIKQQJ>
13. Russian Federation. (2020). *Federal Law No. 489-FZ dated 2020 “On Youth Policy in the Russian Federation”* [Electronic resource]. Retrieved January 25, 2026, from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/c5051782233acca-771e9adb35b47d3fb82c9ff1c/
14. Yunel, S. A. (2023). Ideal image of future family among male and female students. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 11(6). Retrieved January 25, 2026, from <https://mir-nauki.com/PDF/86PSMN623.pdf>. EDN: <https://elibrary.ru/HGJXBW>
15. Andrade, J. L., & Cunha, M. (2019). PNS12: The impact of the postponement of maternity on women’s income in Brazil. *Value in Health Regional Issues*, 19, Article no. S65. <https://doi.org/10.1016/j.vhri.2019.08.360>
16. Becker, G. S. (1991). *A treatise on the family* (Enl. ed.). Cambridge, MA; London: Harvard University Press, XII, 424 p.
17. Chaijaroen, P., & Panda, P. (2023). Women’s education, marriage, and fertility outcomes: Evidence from Thailand’s compulsory schooling law. *Economics of Education*

- Review*, 96. <https://doi.org/10.1016/j.econedurev.2023.102440>. EDN: <https://elibrary.ru/GTFUYR>
18. Gebel, M., & Heyne, S. (2016). Delayed transitions in times of increasing uncertainty: School-to-work transition and the delay of first marriage in Jordan. *Research in Social Stratification and Mobility*, 46(Part A), 61–72. <https://doi.org/10.1016/j.rssm.2016.01.005>
19. Kim, H. W., & Kim, S. Y. (2023). Gender differences in willingness for childbirth, fertility knowledge, and value of motherhood or fatherhood and their associations among college students in South Korea, 2021. *Archives of Public Health*, 81(1), Article no. 110. <https://doi.org/10.1186/s13690-023-01127-x>. EDN: <https://elibrary.ru/DMDAPE>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Монахов Олег Николаевич, доцент кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью, кандидат педагогических наук

*Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
ул. Республиканская, 108/1, г. Ярославль, 150000, Российская Федерация
monahovs@mail.ru*

Ледянкина Ксения Юрьевна, студент

*Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
ул. Республиканская, 108/1, г. Ярославль, 150000, Российская Федерация
ledyankina10@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Oleg N. Monahov, Associate Professor at the Department of Social Pedagogy and Youth Work Organization, Candidate of Pedagogical Sciences

*Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky
108/1, Respublikanskaya Str., Yaroslavl, 150000, Russian Federation
monahovs@mail.ru*

Ksenia Yu. Ledyankina, student

*Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky
108/1, Respublikanskaya Str., Yaroslavl, 150000, Russian Federation
ledyankina10@yandex.ru*

Поступила 28.02.2026

После рецензирования 19.03.2026

Принята 28.03.2026

Received 28.02.2026

Revised 19.03.2026

Accepted 28.03.2026

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ (<https://lpjournal.ru>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области юриспруденции и политологии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	15–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

**ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ
ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ
ИСТОЧНИКОВ**

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.

2. Материалы и методы.

3. Результаты и обсуждение.

4. Заключение.

5. Информация о конфликте интересов.

6. Информация о спонсорстве.

7. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по формату APA

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

RULES FOR AUTHORS

(<https://lpjournal.ru>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field jurisprudence and political science, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	15–24 pages A4 format, including tables, figures, references.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

**DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES**

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Materials and methods.

3. Results of the research and Discussion.

4. Conclusion.

5. Conflict of interest information.

6. Sponsorship information.

7. Acknowledgments.

References

References text type should be APA Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- ФИНАНСОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР ДИНАМИКИ
РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВОГО ПРАВА В ПРИЗМЕ РЕАЛИЗАЦИИ
ЕГО ФУНКЦИЙ
**Ш.Р. Зарипов, Т.Р. Таймасов, Р.Р. Гарифуллин,
И.А. Салимов, Р.У. Зарипов, К.Д. Грезева** 4
- НАЛОГ НА БЕЗДЕТНОСТЬ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ,
ДИСКУССИИ О ВВЕДЕНИИ
М.И. Кухто, В.П. Чикова, К.В. Аровина 30
- ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ О РАБОЧЕМ ВРЕМЕНИ
И ВРЕМЕНИ ОТДЫХА В СФЕРЕ АВТОМОБИЛЬНОГО
ТРАНСПОРТА: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ
Н.Д. Берман, Е.В. Кукушкина 54
- ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ: ОТ ПРИНЦИПОВ ДО СИСТЕМЫ
ВЗЫСКАНИЙ
А.Г. Монетов 83

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЭПОХУ
ТРАНСФОРМАЦИИ: ВЫЗОВЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ
Ю.В. Земцова, П.П. Нечаева, Н.Н. Шанихина 109

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

- ЦИФРОВОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ
И ЭЛЕКТРОННОЕ ГОСУДАРСТВО: СМЫСЛОВЫЕ ГРАНИЦЫ
ТЕРМИНОЛОГИИ В ЭПОХУ ВЫЗОВОВ ЦИФРОВОЙ ЭТИКИ
А.П. Миронова 134

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ
СТУДЕНЧЕСКИХ СЕМЕЙ: АНАЛИЗ МЕР ПОДДЕРЖКИ
И УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ВУЗОВ
ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ)

О.Н. Монахов, К.Ю. Ледянкина 154

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 173

CONTENTS

PUBLIC LAW SCIENCES

- FINANCIAL TECHNOLOGY AS A FACTOR
IN THE EVOLUTION OF FINANCIAL LAW IN LIGHT
OF THE FULFILLMENT OF ITS FUNCTIONS
**Sh.R. Zaripov, T.R. Taymasov, R.R. Garifullin,
I.A. Salimov, R.U. Zaripov, K.D. Grezeva** 4
- CHILDLESSNESS TAX: HISTORY, MODERNITY, PROSPECTS
FOR IMPLEMENTATION
M.I. Kukhto, V.P. Chikova, K.V. Arovina 30
- PROBLEMS OF IMPLEMENTING WORKING HOURS
AND REST TIME REGULATIONS IN THE ROAD TRANSPORT
SECTOR: A LEGAL ASPECT
N.D. Berman, E.V. Kukushkina 54
- PROBLEMS OF LEGAL REGULATION
OF DISCIPLINARY LIABILITY OF STATE CIVIL SERVANTS:
FROM PRINCIPLES TO THE SYSTEM OF PENALTIES
A.G. Monetov 83

PRIVATE LAW SCIENCES

- SOCIAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION
IN THE ERA OF TRANSFORMATION: CHALLENGES
AND POLITICAL SOLUTIONS
J.V. Zemtsova, P.P. Nechaeva, N.N. Shanikhina 109

PUBLIC ADMINISTRATION

- DIGITAL PUBLIC GOVERNANCE AND E-GOVERNMENT:
SEMANTIC BOUNDARIES OF TERMINOLOGY IN THE ERA
OF DIGITAL ETHICS CHALLENGES
A.P. Mironova 134

STATE POLICY TOWARDS STUDENT FAMILIES: ANALYSIS OF SUPPORT MEASURES AND MANAGEMENT DECISIONS (A CASE STUDY OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS IN THE Yaroslavl REGION)	
O.N. Monahov, K.Y. Ledyankina	154
RULES FOR AUTHORS	173

